Давид Тышлер

ФЕХТОВАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В своей книге известный советский фехтовальщик, тренер, ученый Давид Тышлер рассказывает о становлении и путях развития советского фехтования, о своих учителях и об учениках, многие из которых стали выдающимися мастерами клинка. В каждом из описанных документальных событий автора интересуют не столько результаты спортсменов, сколько их личностные особенности: характеры, психология. В центре его внимания — личность спортсмена, тренера. Литературная запись Т. А. Лыковой.

- Давид Тышлер
  -
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
    - ПАМЯТНАЯ ВСТРЕЧА
    - КТО ЕСТЬ КТО!
    - ДИСКУССИЯ О РУКОЯТКАХ
    - ВОСПОМИНАНИЯ ПОНЕВОЛЕ
    - ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
    - ОБУЧЕНИЕ БОЕМ
    - БИЛЕТЫ В АВСТРАЛИЮ
    - ВНЕПЛАНОВОЕ ЗНАКОМСТВО
    - САМЫЙ ВКУСНЫЙ ТОРТ
    - СМОТРИНЫ
    - СЦЕНА НА ПОМОСТЕ
    - ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ
  - ГЛАВА 3
    - СОВЕТ БОГОВ
    - ПРОБА ПЕРА
    - КОГДА ОПУСТИЛСЯ ЗАНАВЕС
    - РУССКАЯ АТАКА
  - ГЛАВА 4
    - ПОДАРОК ДРУГА
      - Заветное рядом
      - Что ты можешь, ученик!
      - Кем является тренер
      - Кошки и мышки
      - Мексиканский кросс
      - Шахматный блицтурнир
      - Как быть со спортом!
    - ЛЕВША НЕВЕРОЯТНОЙ СИЛЫ

- Ради других
- Кто талантливее!
- Орел или решка!
- Вперед! К победе!
- СЧАСТЛИВАЯ НАХОДКА
  - Гадкий утенок
  - Исполнение мечты
  - Марафонское ожидание
  - От всех болезней
  - Награда за преданность
- ВОПРЕКИ ОЖИДАНИЯМ
  - Будет ли мировой класс!
  - Яблоко раздора
  - Возвращение в команду
- ВОВРЕМЯ РОДИТЬСЯ

○ ГЛАВА 5
- НАЙТИ ЕДИНСТВЕННОГО
- ПОГОНЯ ЗА АВТОРИТЕТОМ
- НА ГРАНИ «ФОЛА»
- НЕ РАДИ СПОРТИВНОГО ИНТЕРЕСА

○ ГЛАВА 6
○ Фотоиллюстрации

Давид Тышлер
ФЕХТОВАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ

Когда серебряные трубы
возвещают победу,
они зовут на пьедестал
не только победителя,
они славят СПОРТ:
разум и силу,
мужество и волю,
верность, отвагу и честь;
они славят ЛЮДЕЙ,
отдавших сердца спорту,
зовущих своими делами,
своим примером
на жизненный подвиг.

Сердца, отданные спорту

Давид Тышлер

ФЕХТОВАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ

Москва
«Физкультура и спорт»
1983

Виктор Францевич Жданович, заслуженный мастер спорта, трехкратный олимпийский чемпион

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этой книги входит в число тех советских спортсменов и педагогов, которые прошли вместе с любимым видом спорта весь

путь развития — от первых шагов на международной арене до сегодняшних побед. За его плечами одиннадцать лет выступлений в составе сборной команды СССР по фехтованию на саблях и тринадцать лет тренерской работы с ней. Двадцать четыре года непрерывного труда в спорте высших достижений — результат незаурядный!

Конечно, результат этот во многом следствие особых свойств личности, ярче всего проявляющихся в отношении к делу. Давид Тышлер — ныне профессиональный педагог и тренер по фехтованию — стал им, по сути, гораздо раньше, когда был еще спортсменом. Вдумчивая наблюдательность, стремление разобраться во всем досконально, не пропуская даже мелочей, отличали его всегда. Впервые я «открыл» для себя эти его качества, пожалуй, во время Олимпиады в Мельбурне.

Советские, французские и итальянские саблисты боролись за выход в финал. Участвовать в нем могли только две команды из трех. Сборная СССР проиграла французам, на зато с тем же счетом выиграла у итальянцев, и теперь, как думали наши тренеры и спортсмены, все должно было решиться во встрече между нашими соперниками.

Она еще не началась, когда в зал вошел председатель Спорткомитета СССР Н. Н. Романов. Естественно, его очень волновал главный сейчас вопрос: попадем ли мы в финал? Но ответить ему никто пока не мог. Только Давид Тышлер горячо доказывал кому-то в стороне, что саблисты СССР — уже в финале! Тогда Романов подозвал его к себе, и выяснилось, что Давид внимательно следил за ходом всех поединков, помнит результаты не только своих восьми боев, и по его подсчетам получается, что от соперников мы не зависим.

Руководитель советских олимпийцев улыбнулся, кивнул: «Тогда не прощаюсь — приду на финал».

И первый олимпийский финал с участием сборной СССР состоялся. Как известно, саблисты завоевали тогда бронзовую медаль.

Развитие фехтования в СССР происходило стремительно. Можно сказать, что этот вид спорта совершил удивительный взлет к высотам мастерства в течение жизни одного поколения — того, к которому принадлежит и Давид Тышлер.

Ведущая роль советского фехтования подтверждается не только спортивными результатами. В СССР фехтовальщиков столько, сколько в других странах мира, вместе взятых. У нас много и прекрасных тренеров. Все дело в том, что фехтованием в нашей стране занимаются всерьез. О его развитии заботятся ученые разных специальностей, кафедры фехтования институтов

физической культуры. Отечественной литературе по фехтованию — и по количеству, и по качеству — сегодня нет равных. Фехтование популяризируют журналы, газеты, ему посвящены книги, радио- и телепередачи…

Надо сказать, что сам Давид Абрамович причастен в фехтовании буквально ко всему: спортсмен и тренер, ученый, пропагандист любимого вида спорта, он с увлечением обучает фехтованию и актеров театра и кино, участвует в постановках батальных эпизодов, массовых представлений. Он и сегодня связан с жизнью сборной страны, готовит новых тренеров, выступает в печати, работает комментатором Гостелерадио, его перу принадлежит ряд специальных кино- и телесценариев.

Но самым главным, самым важным делом для него всегда оставалась фехтовальная педагогика. Тренерская судьба его оказалась счастливой, она отмечена многими победами его учеников на мировых первенствах и олимпиадах. Подготовленные им выдающиеся мастера сабли это, по общему признанию, обыкновенные ребята, которые даже не были самыми способными в юниорском возрасте. Их смотрели многие тренеры, однако не находили достаточно перспективными. Их «открытие» Тышлером-педагогом происходило в процессе работы. Поднимая уровень мастерства учеников, он исходил прежде всего из интересов команды, и лишь потом становилось ясно, кого можно превратить в самого сильного. Сегодня отчетливо видно: он из тех тренеров, о которых говорят, что им стоит только оглянуться, чтобы обнаружить рядом с собой мастера мирового класса, будущего чемпиона.

Он трудился каждый день, не думая о собственных лаврах и не подгоняя своих учеников. Да, собственно, фехтовальная педагогика столь своеобразна и трудна, в том число и просто физически, что не терпит к себе другого отношения. В самом деле, не всякий сможет круглый год по нескольку часов в день упражняться поочередно с учениками, каждый из которых вдвое моложе и намного более тренирован, играть роль их противника и получать настоящие удары, нередко весьма полновесные.

Товарищи по команде всегда ощущали стремление Давида Тышлера поделиться своим опытом. Став тренером, он все находки делал достоянием не только собственных учеников, но и широкого круга фехтовальщиков и педагогов, превращая тем самым занятия спортом в творческий поиск. Умение наблюдать, добывать новые знания, широко интерпретировать свой опыт и практические достижения коллег — весь этот живой процесс тренер Давид Тышлер сумел с успехом применить к интересам советского фехтования.

Результатом многолетней работы явилась серия книг, аналогичной которой нет в практике мирового фехтования. Он усовершенствовал и обобщил методику тренировки фехтовальщиков на всех видах оружия, вместе со своими единомышленниками создал учебники и пособия.

А его ученики, закончив свои выступления, как правило, сами становились тренерами, унаследовав его жажду знаний и веру в силу спортивной педагогики. Они навсегда сохранили стремление к общению с учителем, в близости с которым черпают уверенность в своих силах.

Давиду Абрамовичу присущ дар рассказчика. Свидетель очень многих событий, он умеет отобрать те из них, которые несут педагогическую, как он любит говорить, нагрузку, то есть могут оказаться во многом поучительными для всех, кого интересует современный спорт высших достижений. Собрав воспоминания в небольшие сюжеты, он представляет их теперь на суд читателя в виде документально-художественного произведения.

Думаю, что читатель оценит и богатый материал книги, и убежденность, обоснованность позиции ее автора. Тышлер не рассказывает на страницах книги свою биографию, мало говорит о себе, но читатель многое узнает об этом человеке, потому что он повествует о любимом деле. Оно-то, бесконечно ему интересное, и составляет его жизнь.

ГЛАВА 1
ИЗ КАБИНЫ ГОСТЕЛЕРАДИО

22 июля 1980 года в Москве начался олимпийский турнир фехтовальщиков. Из кабины Гостелерадио, под самой крышей зала спорткомплекса ЦСКА, хорошо видны двадцать фехтовальных дорожек — полей боя, расчерченных на небольших помостах. Оттуда, перекрывая все посторонние шумы, доносится звон клинков: идут поединки. Только мне уже не скрестить свою саблю с противником, как в Мельбурне и Риме, и даже не метаться в тренерском волнении возле дорожки, как в Мехико… Сегодня я должен рассказать двум миллиардам телезрителей, что же это такое — фехтование.

Задача вроде бы несложная. В самом деле, один наносит укол концом рапиры или шпаги, другой его получает — на электрофиксаторе в этот момент загорается цветная лампочка. А в сабельном фехтовании, где удары пока не фиксируются с помощью аппарата, за действиями бойцов следит судейская бригада.

Ну, что еще нужно сообщить зрителям? Длина дорожки — 14–18 метров, поражаемые поверхности у рапиристов и саблистов ограничены, а продолжительность поединков на пять уколов или ударов равна шести минутам чистого времени… Вот, пожалуй, и все. А то, что фехтовальные доспехи состоят из маски, защитной курточки и перчатки на вооруженной руке, зрители видят сами.

Однако среди сидящих у телевизоров еще не так много тех, кто может разобраться в сути происходящего на дорожке. Конечно, все дедушки были когда-то мальчишками, а все мальчишки если не сражались сами на выстроганных из дерева шпагах, то обязательно зачитывались книгами о рыцарях, воителях за справедливость и честь, наконец, о знаменитых мушкетерах, где описано много захватывающих поединков. К сожалению, для понимания спортивных боев этого еще недостаточно.

Фехтование — это все-таки сражение. Стоит лишь взять в руки современную и совсем неопасную рапиру, шпагу или саблю, и вы почувствуете себя так, будто держите грозное оружие. Посмотрите на фехтовальщика — он собран, как в настоящем бою. И, как в настоящем бою, определить заранее преимущества того или иного бойца весьма трудно. Ведь как бы ни были важны физические качества — быстрота, ловкость, выносливость, — каждое из них, взятое в отдельности, победу не гарантирует.

Победители фехтовальных состязаний могут быть высокими и совсем низкорослыми, крупными и сухощавыми, им может быть и девятнадцать и тридцать девять лет. Не случайно меня спросил однажды прославленный хоккеист Владислав Третьяк:

— Неужели Саша Романьков — трехкратный чемпион мира? Я, конечно, знаю, что все лучшие фехтовальщики совершенно разные, но Романькова ведь и вовсе трудно выделить: он невелик ростом, худощав, совсем не кажется атлетом…

Да, наверное, если посмотреть со стороны, все это так и есть. Но попробуйте-ка выйти против него на дорожку! Да и на тренировке тоже стоит посмотреть, как он достает в прыжке баскетбольное кольцо или без промаха попадает в движущуюся мишень величиной с игольное ушко. Он ловок и стремителен, как тот сказочный фехтовальщик, который остался сухим под дождем, вращая над собой шпагу.

Среди людей всех возрастов и профессий не много найдется таких, кто отказался бы посмотреть фильм или спектакль, полный захватывающих приключений и острых ситуаций, в которые то и дело попадают их герои. Ну а какие же могут быть приключения без поединков, когда извлекаются на свет шпаги или короткие мечи, когда раздается звон клинков и противники сталкиваются в беспощадной схватке не на жизнь, а на смерть?

Постановка рукопашных боев в театре и кино — дело хлопотное и не совсем безопасное. Поэтому многие режиссеры привлекают к постановке батальных эпизодов специалистов по спортивному фехтованию, а в качестве дублеров — современных мастеров клинка.

Мне не однажды приходилось участвовать в такой работе. Началось это в 60-е годы, когда в театре «Современник» ставилась пьеса «Сирано де Бержерак», где одна из центральных сцен, известная под названием «Баллада о дуэли», почти полностью проходила под фехтовальный «аккомпанемент». Помню, с каким интересом совершенствовались в искусстве владения шпагой Игорь Кваша, Михаил Козаков, Олег Даль, Олег Табаков, Юрий Комаров, Виктор Павлов…

Актеры — люди дотошные, умеют трудиться до самозабвения. На занятиях фехтованием им хотелось в полной мере ощутить, что испытывает человек, хорошо владеющий оружием. Хотелось испытать себя, сравнить себя с героем, которого предстояло сыграть, доподлинно узнать, как протекало бы настоящее сражение. Вопросы, прямо скажем, немаловажные и для актера, и для режиссера.

Интересовало все это и Владимира Высоцкого, с которым мы встретились во время съемок фильма «Как царь Петр своего арапа

женил».

Уже был подготовлен для съемки сложнейший бой на специально построенной лестнице. Арап пробегал по ней с обнаженной шпагой в руке, натыкаясь на каждой ступеньке на противников. Двенадцать мастеров спорта последовательно разыгрывали с Высоцким свои схватки. Оставалось отрепетировать лишь завершающую дуэль арапа с графом — актером Юрием Комаровым.

Высоцкий встает против меня в позицию и вдруг… перехватывает свою шпагу поудобнее — ать-два! — и вперед. Я чуть попятился:

— Что вы, что вы, здесь же неудобно! Давайте отойдем в сторонку. Тут мы мешаем, да и вообще лучше пока подальше от посторонних глаз… Знаете, у меня такое правило: пока еще «грязь», никому ее не показывать.

А он все наскакивает, импровизируя по ходу схватки, и я вижу — неуправляем. Кое-как увел его в уголок и думаю: «Что-то надо делать! Человек он, конечно, двигательно очень одаренный и основами фехтования владеет. Но это ведь еще далеко не все. Надо убедить его не отступать от схемы. Ведь актеры уже выучены и остается „соединить“ их, добиться точных действий в схватках. Импровизированного боя допустить нельзя — они же могут поранить друг друга».

Мы встали за бутафорской стеной, чтобы «проиграть» то, что было подготовлено. Высоцкий сначала послушно повторял одно, другое, потом, почувствовав себя уверенней, стал предлагать что-то свое, возникшее прямо сейчас… Он горячится, бросается вперед, и… все время получается так, что попасть по моему клинку никак не может! Что такое?

— Да вот видите ли, — говорю ему, — у нас с вами тут некоторое несовпадение. Некоторая разница в специализированных навыках. Фехтование ведь, знаете, такое дело…

— Какое? — говорит. — Мы же делаем совсем простые вещи!

— Давайте-ка, я покажу вам на примере. — Мы стали друг против друга и соединили наши клинки так, чтобы слегка ощущалось сопротивление. — А теперь — как в детской игре, когда один старается стукнуть другого по ладошке, а тот свою отдернуть. То же самое и мы: я пробую попасть, а вы только должны свой клинок вовремя убрать.

Начали играть в эту игру — он шпагу увести не успевает. Стали делать наоборот — ни разу в мою попасть не может.

— А что, собственно, эти фокусы дают в бою?

— Ну как же, смотрите. — Я вытянул руку со шпагой и,

направив ее прямо в лицо, пошел на него. Он инстинктивно резко взмахнул рукой вверх! Конечно, я сторожил этот момент и, так же как в нашем предыдущем упражнении, обогнул его клинок своим и упер ему в грудь. — Видите? Можете считать, что вас уже прокололи насквозь.

Высоцкий сощурившись посмотрел на меня:

— А если это бой равного с равным?

— Мы можем попробовать с Петром Ренским. Он мастер мирового класса. Правда, это будет лишь имитация настоящего спортивного боя. Ведь мы без масок, без нагрудников, и нам придется стать чуть подальше друг от друга…

Подошел Петр, мы пофехтовали, а Высоцкий не спускал с нас изучающего взгляда.

— Вы, конечно, замечаете, что мы с Петром еще и считаем варианты, стараемся предугадать действия друг друга на несколько ходов вперед. И во время всего поединка между фехтовальщиками идет непрекращающаяся тактическая борьба — быстротная, интеллектуальная, волевая и так далее. Бой у нас обычно не на один укол. Значит, каждый пытается выиграть несколько микродуэлей. Это заставляет искать все время новые, неожиданные решения, способы борьбы…

— Хорошо. — Высоцкий остановил нас и деловым тоном распорядился: — Будем тренироваться.

Он прекрасно отфехтовал на съемках со всеми двенадцатью своими противниками и благополучно «убил» графа, как и требовалось по сценарию.

Режиссеры и актеры всеми доступными им способами стараются донести до зрителя логику борьбы, сделать понятным и выразительным финал схватки. Добиваются они этого, делая все действия участников поединка заметными.

Ну а в спорте, как и в настоящем сражении, главные усилия тратятся на то, чтобы скрыть свои замыслы, а в решающий момент послать оружие вперед движением молниеносным и неуловимым. Поэтому с непривычки смотреть состязания фехтовальщиков очень трудно: не всегда ясно, как был нанесен удар и даже удалось ли поразить противника вообще!

Этим трудности не ограничиваются. Есть еще и условности при проведении и судействе поединков. Их можно свести к трем правилам: первым начинать нападение, наносить укол (или удар) раньше противника или же защититься самому от укола (удара). Конечно, условности не так уж и сложны, но ведь надо успеть рассмотреть — кто первый? Не каждый зритель сможет это сделать.

Не надо думать, что правила эти возникли на пустом месте.

Они были придуманы давным-давно, еще когда тренеры готовили своих учеников к настоящим дуэлям и сражениям. Им было важно добиться, чтобы ученики все время стремились опередить противников. Иначе — в случае атаки, сделанной одновременно, — победу уже бы некому было присуждать.

В самом начале нашего века в Варшавской фехтовально-гимнастической школе тренировались царские офицеры, служившие в полках гарнизона. Однажды к монитору Петру Заковороту из «нижних чинов», помощнику тренера-иностранца, пришел один из титулованных учеников.

— Петр Антонович, помогите!

— Что случилось?

— Да вы понимаете, я ухитрился ввязаться в историю, которая привела к дуэли. Причем обиженный уже выбрал оружие. Это сабля. А фехтует он — куда уж мне! Вы его знаете.

— Батенька мой, — развел руками Заковорот, — о таких вещах вы бы раньше подумали! Надо было ходить в зал, фехтовать. Теперь трудно чем-нибудь помочь. Да… Владеете саблей вы далеко не блестяще. Скорее всего, вас убьют.

Офицер, стиснув зубы, упрямо взглянул на Заковорота.

— Сделайте что угодно! Научите, подскажите хоть что-нибудь — озолочу! Не могу же я так просто сдаться, завтра бой!

Времени не было. Улучшить навыки владения оружием за один день невозможно. Но офицерик оказался не из робкого десятка… И Петр Антонович решил попробовать.

— Есть вообще-то один способ, — сказал он. — Но от вас потребуется смелость и полное хладнокровие. Если вы сумеете все точно выполнить, то, думаю, ваш противник, хоть он намного лучше владеет оружием, не выпутается из положения. Это под силу только очень опытному мастеру.

Они тренировались весь день, а на следующий состоялась дуэль. Офицер, по совету Заковорота, прикрепил к рукоятке кожаную петлю — мартингал, чтобы у него не выбили саблю из рук. Но даже в этом случае она не отлетела бы в сторону, а осталась привязанной к кисти руки и ее можно было бы сразу подхватить.

Раздался сигнал к бою, и в ту же секунду ученик Заковорота начал теснить противника, как будто тот был вовсе безоружен. Саблю он держал направленной ему в лицо, быстро и беспорядочно вращая острием. Противник пытался сбить этот мечущийся клинок, поспешно отступал и очень быстро оказался прижатым к концу поля боя. Еще мгновение — и холодное лезвие скользнуло по его щеке, пролилась кровь, и дуэлянтов развели. Все было кончено в считанные секунды.

Наш офицер ошеломил своего противника тем, что вел бой, не соблюдая канонов классической техники. Собственно говоря, нельзя даже сказать, что он фехтовал в общепринятом смысле. Однако Петр Антонович сделал ставку именно на то, что эффект неожиданности сыграет свою роль.

Когда речь заходит об истории фехтования, сразу приходят на память турниры, дуэли, широко практиковавшиеся в средневековой Европе. В XVII и XVIII веках уже было издано солидное количество трактатов об искусстве фехтования, которое к тому времени даже приобрело немало из того, что сохранилось и до наших дней. Ведь прежде, чем превратиться в спорт, оно формировалось под влиянием военно-прикладных задач, развивало навыки, нужные воину в рукопашном бою. В середине XX века кое-кому оно казалось уже анахронизмом, тратить средства и усилия на развитие которого вряд ли стоит. Лет тридцать пять назад на эту тему состоялся примечательный диалог между преподавателем Центрального института физкультуры Виталием Андреевичем Аркадьевым и заведующим одной из теоретических кафедр. Поводом к нему послужил подготовленный для научной конференции доклад Аркадьева «Тактика как психологический процесс». Предварительную рецензию должен был дать этот человек, работник в институте новый и в силу некоторых обстоятельств от спортивных проблем далекий. Он добросовестно ознакомился с докладом и как-то, уединившись с Виталием Андреевичем в своем кабинете, повел такую речь:

— Ваша работа, Виталий Андреевич, бесспорно, обличает в вас человека высокоэрудированного в своей области и, видимо, представляет интерес для специалистов. Но позвольте мне взглянуть на суть дела, как говорится, с точки зрения здравого смысла. Мы живем в середине двадцатого века, сейчас всем ясно: саблей танк не испугаешь. Зачем же обучать молодежь заведомо бесполезным приемам?

— А зачем нам тогда э-э… футбол?

— О, футбол, это же красиво!

Аркадьев сам был в молодости мастером спорта по футболу и хоккею, а его брат как раз в то время тренировал лучшую в стране футбольную команду ЦДКА. Эта игра и вообще спорт воспринимались ими как средство воспитания мужества, решительности, силы и стойкости.

— Конечно, — говорит Аркадьев, — футбол интересен, но нужен-то он для того, чтобы в него играли, а не только для того, чтобы на него смотрели. Да и фехтование испокон веку многими народами использовалось далеко не только для развития

утилитарных навыков, но и как средство воспитания юношества! Кстати говоря, игра в мяч имеет ту же стратегическую задачу…

— Ну, хорошо, предположим, это так… Но сама форма! Эти церемонии, французский язык, шпаги, чуть ли не эполеты! От всего этого тянет каким-то душком. Так и видишь прыгающих дворянчиков, разных там дуэлянтов… Ну скажите, зачем это детям рабочих и крестьян?

— Тогда будем последовательны и разберемся с такой игрой, как шахматы. Не безобразие ли, что там по-прежнему заправляют короли и королевы! Это для нас совсем не подходящее общество. Давайте переименуем их: пусть король называется председателем совета министров, королева — его супругой и так далее, в том же духе.

Как раз в то время закончилось первенство мира по шахматам, где чемпионом стал Ботвинник, и все центральные газеты очень много писали об этом событии. Да и понятно, у нас всегда пропагандировали и развивали эту великолепную игру.

— Нет, — продолжал Виталий Андреевич, — не стоит заставлять гимнастов крутить свои номера на ветвях деревьев, сменив белые брюки на что-то более подходящее, а легкоатлетов бегать не в шиповках, а в сапогах и при полной выкладке. У нас существуют военно-прикладные эстафеты, но обратите внимание на то, что чаще всего побеждают в таких соревнованиях лучшие спортсмены — те же легкоатлеты, гимнасты и так далее.

— Но вы же не можете отрицать важность умений, имеющих практический смысл! — воскликнул рецензент. — Почему же в вашей работе рассматриваются только отвлеченные вопросы? Связь тактики и психологии… Возьмите конкретный пример того, что может случиться в жизни! Как, положим, должна выглядеть боевая стойка фехтовальщика, если ему случится вести поединок на поляне, покрытой кочками?

— Здесь, в общем, идея весьма практическая, трудно только будет найти аналогии в других видах спорта… — Аркадьев очень серьезно посмотрел на своего собеседника. — Я неплохо знаком с литературой по хоккею, но мне что-то никогда не встречалось конкретных указаний, что делать игрокам, если на поле будут э-э… торосы.

Со времени этой маленькой дискуссии прошло много лет, и сейчас ни у кого уже не возникает вопроса, зачем нам нужно добиваться совершенства в том или ином виде спорта. Сегодня мы уже привыкли перечислять победы советских фехтовальщиков. И в первую очередь сборной команды, которая за 25 лет в общем зачете победила на 23 мировых первенствах, в том числе на пяти олимпиадах. Статистики могут засвидетельствовать, что нет ни

одного другого вида спорта, который столь непрерывно приносил бы своей Родине славу сильнейшей спортивной державы.

ГЛАВА 2
ПО ДОРОГЕ НА ОЛИМП

ПАМЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Осенью 1951 года в среде сильнейших фехтовальщиков из уст в уста передавалась исключительная новость: впервые за много лет созывалась сборная команда СССР для встречи с венгерскими мастерами. Можно себе представить, с каким нетерпением все этого ждали!

Венгры приехали сразу же после первенства мира в Стокгольме, где стали сильнейшими. Встретили их советские фехтовальщики на аэровокзале и познакомились прямо в зале ожидания. И сразу — сюрприз. Среди них не оказалось молодых. А некоторые — почти совсем пожилые люди! Скорее годились в товарищи нашим тренерам, а не нам. Многие с сединой, кое-кто — о, ужас! — кажется, и с брюшком. Всем далеко за тридцать, а Берцели, Райчаньи, Пешти, Ковачу, Геревичу, Илоне Элек сорок уже явно стукнуло…

Мы переглядывались. Всем пришла в голову одна и та же крамольная мысль: может, они не такие уж и сильные?

Весь этот вечер мы провели в тревожном беспокойстве. Прикидывали, обсуждали, строили догадки. Потом решили: доживем до утра. Утром все узнаем. Тренеры договорились, что первая тренировка будет проведена раздельно: они тренируются — мы смотрим, потом мы тренируемся — они смотрят. Покажем и увидим, как говорится, товар лицом.

Наши ребята — молодцы один к одному. Большая часть — студенты и преподаватели институтов физкультуры, почти все остальные — военные. Возраст в основном до тридцати, самое большое — тридцать пять. Есть и совсем молодые: Мидлеру — двадцать, Кузнецову — двадцать один.

Утром задолго до назначенного часа мы все уже были в зале. Ровно в десять начали выходить венгры. По одному. Не торопясь.

Появился Тибор Берцели — в фехтовальном костюме, в гетрах, но вместо тапочек почему-то белые сандалии из каких-то ремешков. К нему подошел тренер и начал давать урок. Вот и Ковач с Геревичем разминаются парой, потом начинают драться — не торопясь, спокойно…

Присматриваемся, как Берцели берет урок. Незнакомые упражнения какие-то. Но видно, что саблей он владеет хорошо. Рука делает сложные, многоярусные приемы. По три-пять раз наносит удар в Одной схватке. Ковач с Геревичем дерутся не совсем привычно, но всем ясно, что зря по дорожке не бегают: действия четкие, рассчитанные. Однако каких-то молниеносных нападений, чего-нибудь особо впечатляющего мы не заметили.

Венгры поразминались в разных углах зала и сели на скамейку у стены. Настала наша очередь. Тут было на что посмотреть! Общее построение, доклад тренеру — все как по струночке. Разминку проводит Константин Трофимович Булочко. Седой, интересный, быстрый в движениях, он дирижирует разминкой, стоя в центре зала. А вокруг — карусель! Все бегут, подпрыгивают, достают баскетбольное кольцо. Потом выполняют специализированные упражнения: то с максимальной частотой хлопают ладонями по коленям, то дробно пристукивают ногами по полу. Слов нет, упражнения для фехтовальщиков полезные. А как все их делают — залюбуешься! Сразу видно — народ спортивный, тренированный. Быстрые, сильные, рослые, некоторые за 180 сантиметров. Куда там венграм!

Они смотрят как завороженные. Не ожидали такое увидеть! А когда мы взяли оружие и стали брать уроки и драться, венгры не выдержали. Повскакивали со своих скамеек и окружили фехтовальные пары. Переговариваются, видно, спорят. Похоже, их что-то удивило.

Геревич стал звать переводчика: «Зачем брать защиту оружием далеко от туловища? Лучше же близко! Почему вы так делаете?» Наш тренер что-то пытается объяснить, а он: «Да нет, это неправильно!» Берет в руки саблю, начинает показывать: «Так же лучше!»

Продемонстрировать нашу красоту до конца не удалось. Во всех углах разгорелись споры. Каждый хватает саблю, начинает доказывать — ведь на словах не объяснишься: мешает языковый барьер, а переводчик один на всех. Да к тому же венгры уже успели переодеться — они же собирались только смотреть!

Стали тут вспоминать, кто что и на каком языке знает. Столковаться трудно. Международная терминология — французская. Мы ее немножко знали от старых тренеров. Но и она мало помогла. Ладно, думаем, завтра вместе будем тренироваться. Уж тут и без языка все станет ясно.

В эту ночь вряд ли кто из нас спал. Возможно, что далеко не спокойно было на душе и у венгров. Поздно вечером заседал тренерский совет нашей сборной. Как себя повести? Не хотелось бы проиграть. Ведь в конце совместных тренировок должны быть соревнования…

Венгерских фехтовальщиков было двадцать, из них пять женщин. Самая молодая — 28 лет — Магда Ньяри, которая только что заняла третье место в личном первенстве мира в Стокгольме. Саблистов возглавлял Аладар Геревич — олимпийский чемпион 1948 года. В составе команды он фехтовал еще на Олимпийских играх 1932 года совсем молодым. Пал Ковач

побеждал в личном чемпионате мира в 1937 году, а в Стокгольме получил серебряную медаль. В этом чемпионате у них был перебой с Геревичем, который и стал первым. Тибор Берцели восемь раз был чемпионом Венгрии! Шесть раз чемпионкой мира становилась Илона Элек, в том числе два раза на олимпийских играх — в 1936 и 1948 годах. Это самая знаменитая спортсменка в мировом женском фехтовании; и по сей день никому не удалось набрать такой суммы блистательных побед.

Тренеры предупредили нас, что они договорятся с венграми провести тренировку по строгому регламенту: всех вызовут попарно, по очереди, чтобы можно было спокойно смотреть и делать заметки. Планировалось, что все будет чинно-благородно: мы войдем, проведем разминку и дальше — согласно утвержденному графику.

Ничего из этого не вышло. Стоило нам войти в зал, как венгры нас тут же всех растащили! Сколько мы ни упирались, сколько ни втолковывали: мол, подождите, мы пока не можем, есть же регламент, да и начальство не прибыло, — ничего не помогло! Разобрали по парам и — «Давай подеремся!». Мы кричим тренеру: «Да что же делать-то?!» А руководства сборной еще нет, в зале с нами всего один тренер — Михаил Васильевич Сазанов из Саратова, в прошлом сам незаурядный мастер. Он оглянулся на дверь и только рукой махнул: «А-а, черт с ним, деритесь!» Надели маски — и понеслось! Минут сорок-пятьдесят в зале творилось трудно описать что. Рубились двадцать пар, причем наших было больше, мы менялись, а венгры стояли, еще и старались успеть попробовать с разными партнерами. Стон, звон клинков, грохот, топот и разноязычные выкрики… Кто-то больно ткнул — «пардон-пардон!». Слышались взвизгивания после сильных ударов, терли друг другу спины — и дальше!

К концу первого часа венгры один за другим начали снимать маски, похаживать по залу, разглядывая тех, кто еще фехтовал, разыскивать свои полотенца и вытираться. Битва стихла, все стало успокаиваться. Наши гости табором расселись на скамейках и заговорили друг с другом. Мы догадывались о чем идет речь: чемпионы мира все-таки они, а не мы.

А мы-то ночь не спали, все думали: «Может, им просто везло? Может, они становились чемпионами только потому, что мы не участвовали?» Все же помнят, как тяжелоатлет Григорий Новак приехал на первенство мира в 1946 году и сразу улучшил мировой рекорд на 15 килограммов!

А футболисты! В 1945 году команда «Динамо» поехала в Лондон и сыграла достойно! Вдруг и в фехтовании так? Пусть мы развивались изолированно, но, может, от этого только выиграли?

Хотя сразу были отмечены различия в технике, многим показалось, что она у венгров в чем-то даже слабее! А вот поди ж ты, ударов они наносят больше, а получают меньше! Оказывалось, нужно учиться на многое смотреть другими глазами: понять, что в фехтовальном спорте ни возраст, ни вес, ни рост не являются главными. А высшее мастерство имеет много, очень много слагаемых.

КТО ЕСТЬ КТО!

Начались совместные тренировки. Венгры провели в Москве три недели. Советские спортсмены старались ни в чем не поступиться законами гостеприимства. И ледок настороженности, ощущавшийся вначале, стал таять. Установилась хорошая, товарищеская атмосфера.

В конце тренировки обычно устраивался коротенький матч: с обеих сторон по одному человеку в каждом виде оружия. Не знаю, какую цель преследовали венгры, но они явно экспериментировали при подборе пар. Например, по рапире мы выставляем Владимира Вышпольского, шестикратного чемпиона СССР. Вдруг видим: с венгерской стороны выходит тренер! Одет в черные брюки и гетры и черный же тренерский нагрудник. Лет ему за пятьдесят. Длинноносый и немного смешной, он комично вертит головой, то и дело поправляя очки. Это доктор Дуранели. Сам он в крупных турнирах никогда не фехтовал; его отец работал тренером и с детства учил сына именно тренерскому делу. Он и был всю жизнь только тренером. Кстати, и сын доктора Дуранели тоже занимался фехтованием только для того, чтобы стать тренером. Такая у них семейная традиция.

Начался бой. Наши тренеры — возле дорожки, готовы в любую минуту помочь Вышпольскому советом… Тренеры венгерской команды Экельфалоши-Пиллер, Сюч, доктор Баи Бела сидят у стены с непроницаемыми лицами — наблюдают бой со стороны. Дуранели лихо бросается в атаку, но не тут-то было! Это же Вышпольский — блестяще подготовленный спортсмен, быстрый, ловкий, легкий! И во внешности какой контраст с венгерским специалистом! Вышпольский остановил рапиру Дуранели чуть ли не в воздухе! Ведет Вышпольский — 1:0 в его пользу.

Дуранели поворачивается, идет на свою половину дорожки, сейчас судья скажет: «К бою! Готовьсь!», и они продолжат. И тут Экельфалоши-Пиллер, знаменитый маэстро, а в прошлом трехкратный чемпион мира и олимпийских игр, слегка повернулся в своем кресле, скользнул мимо Дуранели равнодушным взглядом и что-то коротко сказал по-венгерски. Очень спокойно, но достаточно громко.

Кидаемся к переводчице:

— Что, что он ему подсказал? Скорее переведите!

— Он ничего ему не подсказывал.

— Нет, но он же сейчас говорил!.. Что это было?

— Да ничего особенного, и переводить-то нечего. Ну, если вы

так хотите, — пожалуйста: «Куда ты лезешь, старый дурак!»

Переводчица была далека от фехтования. Ей показалось, что Экельфалоши просто выругался. Но мы-то сразу поняли, что он выразил своим возгласом достаточно много, и как раз то, что надо. «Зачем ты лезешь первым в атаку? Он молодой и быстрый, он твой клинок всегда успеет поймать. А ты потесни его немного, вызови на нападение. У тебя же только и есть достоинств, что умение предвидеть события!» — вот что сказал своему коллеге Экельфалоши-Пиллер.

Дальше все было разыграно как по нотам. Дуранели теснил Вышпольского, тот бросался в атаку, а со стороны противника, как по учебнику, следовала защита — затем ответ. Счет увеличивался неумолимо. В две минуты стало 5:1 в пользу Дуранели.

У нас — траур! Уж если такой, с брюшком и на тоненьких ножках, лысый и в очках, и вообще не спортсмен, может бить блестящего атлета!.. Однако проигрыши следовали один за другим. Настал и мой черед выйти на дорожку и… продуть Геревичу со счетом 5:1.

Много раз выступая на соревнованиях, анализируя свои встречи, делясь наблюдениями с товарищами, каждый фехтовальщик готовит свои любимые «номера», вырабатывает способы противодействия наиболее известным противникам. Нас поражало, что венгры, никогда в жизни с нами на соревнованиях не встречаясь, в лучшем случае успев минут десять-двадцать подраться здесь, на сборе, строят бой так, будто всю жизнь фехтовали только с нами. Как будто манеру боя и повадки каждого из нас знают наизусть! Выигрывали так, будто их снимали для учебного фильма!

Сегодня-то все ясно, чему тут поражаться? Мировой класс и огромный опыт давали им возможность легко распознавать намерения бойцов с довольно узким диапазоном средств, который был у большинства из нас в то время.

Брал в руки рапиру и сам доктор Баи Бела — старший тренер, которому уже было пятьдесят. И он выиграл четыре боя из шести. Причем проделывал в них совершенно ошеломительные фокусы. На попытку атаковать он вдруг начинал вертеться как волчок: быстро делал три-четыре оборота вокруг собственной оси. Потом он рассказал нам, что это фокус старинный, еще дуэльный, которому научили его старые тренеры. Весь его секрет в том, что во вращающегося человека колоть не хочется: возникает рефлекторное торможение, у противника опускается клинок, и он ждет, пока прекратится вращение. Ну а тот, кто затеял эту забаву, может ее кончить когда захочет и, остановившись, успеет уколоть

первым. Конечно, в его распоряжении оказывается лишь ничтожная доля секунды. Но ее вполне достаточно.

Всех удивил необычный прием, который применяли некоторые венгры в рапире. Среди наших он получил название «крючок». Особенно часто пользовался им Геревич, занявший на этот раз место в команде рапиристов — их на сборе не хватало. Конечно, его навыки в этом виде оружия были небольшими — буквально три-четыре приема. Выигрывал в основном за счет хорошего маневра, реакции, тактики.

Когда венгерский рапирист, атакуя, попадал в защиту, он не пытался убрать туловище назад, чтобы избежать ответного укола, а, наоборот, наклонялся вперед. Его оружие, поднятое вертикально вверх, быстро двигалось перед маской влево-вправо. При подобном положении нашим спортсменам казалось, что просто не во что попадать! Поражаемой поверхности почти не оставалось — она прикрыта рукой и гардой. А туловище прячется где-то сзади. Незащищенным оставался маленький кусочек, не больше яблока. Нужно было иметь поистине блестящую технику, чтобы проникнуть через этот барьер, созданный колеблющимся клинком.

Этот же прием с успехом применяла Маргит Элек. Невыразительная по манере фехтования, она была совершенно непохожа на свою знаменитую сестру — Илону Элек. В то время ей было уже за сорок. Худенькая, маленькая, физически слабая. Какой-либо особенной техникой не блистала. Казалось, кроме этого приема в ее арсенале больше и нет ничего. Но пока соперница задумывалась, что бы против ее «крючка» предпринять, Маргит не торопясь делала атаку как раз в ту точку, которая оказывалась открытой. Некоторые из наших говорили венгерским тренерам:

— Что ж, у вас никого получше нет?

Венгры отвечали:

— Да, она на вид… не особенно сильна. Она не бывала призером личных первенств мира, хотя в командных соревнованиях неоднократно нас выручала. Дело не в том, что она хрупкого сложения. Ее трудно уколоть! И опять-таки не потому, что она мала ростом.

Многие из нас дрались с Ковачем и поражались достоверности его действий. Аркадьевские ученики стали специально наблюдать его бои. Оказалось, что он очень многое предугадывает. Но ведь не может быть человека, постоянно выигрывающего в игру, принцип которой «орел-решка»! Ведь противники тоже не лыком шиты, основы тактики фехтования знают, прячут свои замыслы. Нашлись такие, которые решили

провести исследование. Определили последовательность ряда действий, а затем кто-нибудь из нас дрался, начиная делать два раза одно и то же, три раза одно и то же, чередовал попытки нападений или защит через раз — все равно Ковач действовал безошибочно гораздо чаще, чем это возможно за счет тактического анализа.

В результате удалось распознать, что здесь мистикой и не пахнет. Дело в том, что у венгров благодаря специфической методике индивидуального урока вырабатывалось хорошее «чувство боя». Начиная свое нападение несколько издали, Ковач успевал распознать направление клинка противника — будет ли он защищаться или будет контратаковать. Против контратаки он успевал взять защиту, а, реагируя на защиту противника, от одноходового движения переходил к многоходовому; начинал делать обманные движения саблей и выбирал освободившийся сектор, в который наносил удар.

Беда оказалась в том, что в фехтовании на саблях у нас были те же самые принципы ведения боя, что и на рапирах, где атакующий должен заранее определить сектор для нападения. А сабля позволяет за счет точного реагирования завершить нападение в тот сектор, который открыт.

Было очень интересно, какого же мнения о нас венгерские спортсмены. Однако вопросы не всегда задавались к месту. Занявший второе место на первенстве СССР 1950 года минчанин Вобликов, тренируясь с Карпати, третьим призером чемпионата мира (а в последующем десятилетии он стал сильнейшим саблистом мира), спросил его после тренировочного боя:

— Ну, как, по-твоему, я фехтую?

— А сколько лет занимаешься? — поинтересовался Карпати.

— Пять.

— А я — пятнадцать. Значит, еще десять лет — и будет «гут».

Потом вся наша команда повторяла со смехом его слова. Они стали у нас присказкой. Если кто-то терял ощущение реальности, ему сразу говорили: «Ну, еще десять лет — и будет „гут“».

В конце сбора, как и было условлено, состоялся командный матч: шесть против шести в сабле и в рапире у мужчин. В командах женщин и шпажистов соревновались по четыре спортсмена. Конечно, общий итог матча оказался в пользу венгров. Правда, у рапиристов-мужчин счет был почетный — 16:20. Но женщины проиграли 13:3, и с таким же счетом закончили соревнования шпажисты, хоть венгры отнюдь не были сильнейшими в этом виде. Они привезли с собой электроаппараты для соревнований на шпагах, и наши впервые взяли в руки электрофицированное оружие. Героем сабельного

матча стал Вышпольский — он одержал три победы. Но встречу мы проиграли 28:8, чем были очень огорчены. Венгры же нас успокаивали: «Не всякая даже опытная команда могла бы сделать в сабле такой счет!»

Спустя всего три года подтвердилась искренность и, что не менее важно, точность этой оценки.

ДИСКУССИЯ О РУКОЯТКАХ

Еще два-три года после визита венгерской команды в СССР среди фехтовальщиков не затихали жаркие споры. Выводы из урока, преподанного венграми, оказались самыми противоречивыми. Каждый видел то, что видел, плюс еще то, что хотел увидеть. Тренеры старшего поколения говорили: «Смотрите, как венгры стоят, как они держат клинок! Чувствуется французская или итальянская школа. А наши-то прыгают, как козлы! Все отрицали, отрицали и не научились главному — основам школы, а венгры — пожалуйста — умеют. Может, если бы наши могли правильно стоять в бою, так и побеждали бы».

Другая группа наблюдателей вспоминала: «Да ведь так же, как венгры, фехтовали наши старики: Заковорот, Климов, Малахов! Они тоже не брали нижних защит в сабле, делали их, убирая на себя оружие».

Были и специалисты, утверждавшие: «У венгров-то ничего нового нет! Те же защиты, те же нападения. Ну, несколько трюков есть, „крючок“ например, и все. Ничего сверх того, что написано в учебниках фехтования, они не делают. Просто делают лучше! А значит, стоит поднять технику — и мы с ними сравняемся».

Но можно ли слишком строго судить тренеров за такие крайности! Они росли, по сути, вместе со своими учениками, многое пробовали впервые и, бывало, ошибались. Да и не всякий опыт может пригодиться при встрече с новым. Трудно ломаются многие сложившиеся представления.

Смешно теперь вспоминать, сколько споров возникло вокруг рапирной рукоятки. Некоторые специалисты высказывались весьма категорично: «У самого сильного рапириста мира Кристиана д’Ориоля гладкая французская рукоятка! Всем срочно перейти на такую же!»

От зарубежных тренеров просто требовали окончательного ответа, какая рукоятка лучше: французская — гладкая или «пистолет» — с выступами для более плотного обхвата. Некоторые утверждали, что именно рукоятка помогает Илоне Элек, например, побеждать соперниц. Тренеры же венгерской сборной, Баи Бела и Экельфалоши-Пиллер, отвечали на этот вопрос, по мнению наших специалистов, очень расплывчато и неопределенно. Примерно так: «Дело же не в рукоятке… Французы привыкли, у них и школа так построена. Форма их рукоятки им подходит. Да и они не все фехтуют на рапирах с гладкой рукояткой. А Магде Ньяри просто неудобно держать французскую: у нее пальцы не очень длинные. Она прекрасно себя

чувствует с „пистолетом“, и техника у нее от этого хуже не становится. Илона Элек, напротив, прибинтовывает к руке свою французскую рукоятку, так что она у нее закрепляется, пожалуй, больше, чем если бы это был „пистолет“. Привыкла уже и тренеров не слушает».

Не было однозначных ответов на такие вопросы. Да и не могло быть.

А однажды, в 1952 году, грянул даже тренерский совет с решением: персонально Мидлеру запретить фехтовать с рукояткой-«пистолетом»! Марк уперся. В его пользу было то, что он хорошо бился против именитых венгерских мастеров: выиграл четыре боя из шести. Он венграм очень понравился. Баи Бела даже нередко подходил и гладил его по голове, приговаривая:

— Да-а, очень способный мальчик, будет хорошо фехтовать!

Марк был тогда самым молодым из всех советских спортсменов, участвовавших в совместном сборе с венграми.

В результате из-за верности своей рукоятке ему пришлось выиграть очень много отборочных соревнований, прикидок, последних прикидок и тому подобных испытаний. Специалистам оставалось признать, что он, и только он, первый рапирист Советского Союза. И все равно кое-кто упорствовал, пытаясь переубедить Мидлера.

— Никто не отрицает, — говорили ему, — у вас на пистолетной рукоятке хорошая техника, но на французской она будет еще лучше!

Потом эти споры стали понемногу утихать и наконец забылись совсем. Уже все следующие поколения лучших советских фехтовальщиков признавали только «пистолет»: и Герман Свешников, и Юрий Сисикин, и Виктор Путятин, и Василий Стапкович. Пожалуй, только Виктор Жданович предпочитал гладкую рукоятку, но и он, случалось, говорил: «Что-то бой не получается. Дайте, пожалуй, „пистолет“»!

Дело, конечно, не в рукоятке, а в том, кто ее держит. Однако сегодня, за редчайшим исключением, рапиристы всего мира фехтуют все же используя именно рукоятку типа «пистолет».

Но, несмотря на разноречивые мнения, определенному кругу специалистов, особенно таким тренерам, как Аркадьев, Манаенко, Андриевский, а также некоторым спортсменам удалось уловить, как теперь стало ясно, главное. Венгры использовали примерно тот же арсенал, что и мы. Но использовали эти средства прежде всего в других соотношениях. То, что мы делали десять раз из ста, венгры делали девяносто, то, что мы делали девяносто раз, венгры — десять. Кроме того, многое исполнялось ими при совершенно других технических посылках, базировалось, так

сказать, на другом и более основательном фундаменте.

ВОСПОМИНАНИЯ ПОНЕВОЛЕ

Товарищеские встречи с венгерскими мастерами, а затем и участие в XV Олимпиаде поставили сильнейших советских фехтовальщиков в совсем новое для них положение. До этого каждый из них, являясь лучшим или одним из лучших в стране, втайне надеялся, что по уровню мастерства не уступает лучшим зарубежным фехтовальщикам. А ведь в фехтовании спортсмену для уверенности важно знать истинный уровень своей силы. Однако оказалось, что нужно еще учиться всем: спортсменам, тренерам, руководителям, во многом перестраиваться, переоценивать привычные ценности. Естественно, процесс этот без «поиска виноватых», а значит, воспоминаний обойтись не мог.

Когда улеглись первые страсти, начался глубокий анализ пройденного пути. К 50-м годам в СССР появилось немало спортсменов-фехтовальщиков, да и специалистов было вполне достаточно. Просто в предшествовавшие годы особый упор делался на массовое обучение фехтованию на винтовках или карабинах с эластичным штыком, по меньше на «легком» оружии — рапирах и саблях. Ведь тогда фехтование еще далеко не утратило своего прикладного значения. Лихие буденовцы с шашками наголо еще не стали легендарным прошлым, молодежь Страны Советов обучалась рукопашному бою, готовясь в случае нужды на практике применить свои навыки. Естественно, что методическая литература тоже была ориентирована на групповое обучение. Проблемы высшего спортивного мастерства тогда мало кого занимали.

Нельзя сбрасывать со счетов и то «наследство», которое тащилось за фехтованием еще с дореволюционных времен, когда оно было привилегией дворян и высшего офицерства. Офицеры приходили в клуб и, оставаясь, как правило, в военной форме, надевая лишь маску и перчатку, вели поединки. Современный спорт с его стремительными движениями немыслимо и представить себе в таком «обмундировании»: галифе порвется, с сапог каблуки слетят… Недаром, видно, такое фехтование в 20-е и 30-е годы заслужило презрительное название «паркетная забава».

Переход к спорту давался нелегко. Первая информация о мировом фехтовании относится лишь к 1935–1936 годам, когда состоялись матчевые встречи советских спортсменов с турецкими. Они проходили в нескольких городах Советского Союза, а затем в Анкаре. Кое-какие подробности этих встреч мы узнавали от своих учителей, принимавших в них участие.

Оказывается, турки тоже дрались необычно для нас! Помимо известной у нас атаки с выпадом, или с шагом и выпадом они, вопреки всем канонам, мчались на противника… бегом! Это было тогда неожиданно и непонятно. Наши на этом им много проигрывали. Плюс ко всему, атакуя, турецкие фехтовальщики оглушительно визжали, что тоже не прибавляло уверенности их противникам.

Среди турок особенно выделялся один — Энвер. Говорили, что он лучший фехтовальщик Турции, чемпион Балканских игр. А у советских мастеров блистал Тимофей Иванович Климов, 50-летний полковник, заведующий кафедрой Центрального института физкультуры.

В последующие двенадцать лет информация о зарубежном фехтовании была разноречивой. Но вот на Олимпийские игры 1948 года в Лондон выезжает делегация спортивных работников. В ее составе был заведующий кафедрой плавания ГЦОЛИФКа. Он, как все сотрудники института, неплохо разбирался в фехтовании. Его сравнения были не в нашу пользу. Особенно ему понравился Аладар Геревич, который был очень быстр, умел завязывать сложные и смелые схватки со множеством защит и ответов и в результате наносил исключительно эффектные удары. Сильнейшие зарубежные мастера показались ему более мобильными, обладающими более высокой техникой, которая к тому же трансформировалась в зависимости от расстояния, скорости.

Вывод был однозначен: зарубежные фехтовальщики сильны, а технико-тактический рисунок боев у них существенно отличается от принятого у нас. Как всегда, при дефиците и, главное, разноречивости данных не обходилось без ошибок и крайностей, иногда принимавших даже комический оборот.

Кто-то из спортивных организаторов, читая бюллетень о международных соревнованиях фехтовальщиков, обнаружил, что бои велись на девять ударов. Почему? Пытались уточнить французский текст — написано: на девять. Что же, ближайшее первенство СССР проводится при соответствующих изменениях в положении. И вот разыгрывается финал. А сильнейшие тогда фехтовали на всех видах оружия, по пять-шесть дней подряд. Остается представить себе, какова была нагрузка. Весь вечер на двух дорожках сражались двенадцать финалистов. Конечно, уставали чрезмерно. Потом обсудили это положение, решили: нет, что-то не так, мастерство ведь снижается от таких «страданий». В следующем первенстве бои шли уже на семь уколов. А потом выяснилось, что в том переводном бюллетене, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор, хоть и было написано, что

финальные бои должны вестись на девять уколов, имелось в виду общее их количество. Максимально действительно получается девять уколов: одному четыре, а другому пять. И смех и грех, как говорится.

Не избежали «испытаний» и святая святых фехтования — правила судейства. При визуальной оценке схватки руководитель боя имеет условно полтора голоса в случае расхождения его мнения с одним из помогающих ему угловых судей. И вдруг — решение федерации, что полтора голоса для руководителей боя — много. Пусть будет тоже один. А в случаях, когда мнения судей разошлись, удар не присуждать никому. Это правило оказалось абсурдным, и его отменили, потому что начались сплошные спорные ситуации.

Конечно, сегодня многие из тех «нововведений» могут показаться нелепыми и смешными. Сегодня все оценки даются легче. Пресса работает мощно. «Советский спорт» нередко посвящает фехтованию целый разворот. Не остаются в стороне и журналы, радио и телевидение… Сегодня и уровень у наших специалистов наивысший! А тогда, в 50-е годы, многое рождалось просто в непосредственном общении, спорах, объединявших опыт многих.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Увидеть лучших мастеров мирового фехтования, даже скрестить оружие с некоторыми из них, конечно, важно, чтобы оценить, каков твой класс, чтобы ощутить, чего тебе не хватает. Намного труднее понять, как соперники добились своих результатов, за счет какой системы тренировки. Да и вообще, архисложно все увиденное и даже понятое быстро повторить — без определенного теоретического и методического уровня это просто невозможно. Тем более что прочитать в 50-е годы о методике подготовки фехтовальщиков высокого класса было негде.

Помочь тренерам освоить всю современную технологическую цепочку, составляющую подготовку мастера фехтования, мог лишь педагогический эксперимент. И вот в 1952 году Виталий Андреевич Аркадьев решился на такой эксперимент. Он стал усиленно заниматься с новой ученицей. Все удивлялись, зачем он тратит на нее время: способностей вроде никаких. Вид — неспортивный, не быстрая. Да и вообще, впечатление производила не самое благоприятное: диковатая, с мрачно горящими из-под низкой челки карими глазами, она никого близко к себе не подпускала и резко отвечала даже на шутки. Звали ее Эмма Ефимова. Фехтовала она тогда не выше третьего разряда, да и узнала-то фехтование только в Московском институте физкультуры при прохождении общей программы. Понравилось — и начала ходить на тренировки.

Было заметно, что Виталий Андреевич почему-то не спешит учить ее общепринятым приемам нападения, что он не много времени уделяет и постановке техники. Он тренировал с ней сразу мастерские «номера», и в частности «венгерский крючок». На все это смотрели как на чудачество.

Через полгода попасть в Эмму Ефимову можно было с большим трудом. Она выходила на дорожку и, казалось, орудовала рапирой, как кочергой. Рука ходила грубо, и уколы она наносила болезненные — фехтовальщицы чуть не плакали после боя с ней. Каждый поединок был долгим, мучительным, а выигрыш давался с великим трудом. А то нет-нет и проиграет ей какая-нибудь «прима». Очень скоро в Москве Эмма вошла в первую десятку. Ее повезли на более крупные соревнования, она и там не потерялась. Тренеры посовещались и решили взять ее на сбор, чтобы на «крючке» потренировались наши лучшие спортсменки — ведь им предстояло встречаться с иностранками. И там, на прикидке, она оказалась далеко не последней.

В общем, в 1954 году, когда всего-то фехтовального стажа у нее было около трех лет, Эмма Ефимова вошла в сборную СССР! Правда, внутри страны ей никак не удавалось занять призовое место, но зато уж за рубежом… Все с иностранками мучаются, а она обязательно две-три победы команде принесет. И тем не менее до того первенства мира 1956 года в Лондоне, где наши рапиристки впервые стали чемпионками, а Эмма в решающих встречах одержала по три победы, считалось, что ее пребывание в сборной — ошибка и курьез.

И все-таки «курьезом» она не была. Просто эта фехтовальщица была «сделана» за очень короткий срок и на «ограниченном материале». С успехом используя свои «трюки», она при этом сохраняла человеческую индивидуальность — манеры этакого ершистого паренька. Постоянно присутствуя на сборах, Эмма брала длительные уроки у своего тренера, который шлифовал ей технику владения оружием, а технику передвижений приспосабливал к ее конституциональным особенностям. Например, она делала много флешей, то есть атаковала прыжком, переходящим в бег, а делать это часто под силу лишь мужчинам. Эмму многие боялись еще и потому, что она могла рискнуть в самый неожиданный момент. И хотя ее подготавливающие движения по-прежнему казались малотехничными, это уже никого обмануть не могло, тем более что, когда она колола, рапира в ее руке двигалась безупречно.

Есть такие ситуации, когда имеет смысл делать ложные атаки совсем как настоящие, но… на тридцать сантиметров короче. Противник не должен догадываться, что это подготовка. Он возьмет защиту, нанесет ответный удар — и не достанет. «Ну что поделаешь — не получилось. При случае попробуем снова», — подумает он. Но тебе уже ясно, куда будет атака или какую именно противник берет защиту, насколько он готов, насколько бдителен, как он чередует защиты с контратаками. Следующую попытку надо начинать медленно, словно нехотя, а когда станет видно начало движения противника, атака превращается в действительную и завершается уколом или ударом.

Многие из венгров, особенно Илона Элек и Пал Ковач, подчеркнуто небрежно исполняли все, что относилось к подготавливающим действиям, чтобы обмануть противника, сбить с толку, запугать, пригласить его: коли меня, я открыт. Эта нетехничность была у них умышленной. Зато, когда нужно защищаться и атаковать, их оружие летело стремительно и по кратчайшему пути.

Боевая манера Эммы Ефимовой сложилась на основе использования стержневого приема. Для этой цели послужил

«крючок», сделавший ее неудобным противником. Затем Виталий Андреевич сознательно обучал ее делать подготовки небрежно, а попытки колоть — в настоящей, хорошей технике, чтобы маскировать уровень мастерства и истинные тактические намерения.

Надо сказать, что старшему поколению тренеров такие перестройки в методике дались с трудом. Не все уловили, что здесь заложено рациональное зерно. Пример Ефимовой убедил многих, особенно после победы женщин на чемпионате мира в Лондоне. Ну а дальше ее выступления — это второе место на чемпионате мира 1958 года и первое на чемпионате мира в Будапеште в 1959 году. Она не очень долго фехтовала. Но ее спортивный путь — это пример того, как быстро и точно, одним из первых, Виталий Андреевич Аркадьев уловил важнейшие тенденции развития мирового фехтования, сумел разработать и апробировать новые методы и, самое главное, создать в процессе эксперимента интересную фехтовальщицу.

Аркадьев — разносторонне — образованный человек. Интересы в спорте никогда не ограничивал. Ему всегда помогало хорошее знание многих спортивных дисциплин, особенно спортивных игр. Он слыл этаким чудаком, новшества, которые он предлагал, казались многим неприемлемыми. Нельзя сказать, что Аркадьев был во всем совершенно прав. Но он угадывал главное — требовалась ревизия, пересмотр техники, тактики и методики фехтования с учетом развития спорта. Он считал, что классические каноны техники владения оружием, передвижений, боевой стойки устаревают. Нужны более совершенная техника, тактика, свободное координирование боевых движений. Его роль как новатора бесспорна. Наиболее точно он предвидел необходимость перемен в технологии подготовки спортсменов. И в этом ему помогло стремление определить, что собой представляет высшее мастерство, а не приверженность основам школы.

ОБУЧЕНИЕ БОЕМ

На Олимпиаде в Хельсинки наши фехтовальщики не завоевали ни одного очка, но эта неудача не выбила их из седла. Наоборот, она послужила ускорением в стремлении к высотам мирового спорта. Сборная СССР принимала венгерскую команду вновь в 1953 году, выезжала для ответных матчей в Будапешт и Варшаву в 1954 году… Близилась Олимпиада в Мельбурне, и право поехать туда и выступать нужно было еще завоевать.

1955 год. II Дружеские игры в Варшаве. Не мировое первенство, корифеи фехтования — французы, итальянцы, венгры — не участвовали. Но то, что при одиннадцати командах М. Мидлер и Н. Шитикова завоевали золотые медали, Л. Кузнецов и В. Растворова — бронзовые, было большим успехом.

Было решено послать сильнейшую часть сборной команды СССР — саблистов и рапиристок — на мировое первенство в Рим для окончательной проверки ее готовности к будущей Олимпиаде.

Первый матч во Дворце конгрессов Римской выставки у саблистов СССР с командой Кубы. Мы ничего не знали о фехтовальщиках этой страны. Известно было, правда, что в начале XX столетия кубинец Фонст был олимпийским чемпионом, чемпионом мира. Отсюда можно было сделать только один вывод: на Кубе есть фехтовальная культура, а значит, не исключено, что там могут быть сильные бойцы. Но как обстоит дело сейчас, мы могли только догадываться. Спросили у венгров, но ничего определенного о кубинских фехтовальщиках не услышали. Из их ответов получалось так: кубинцы не сильнейшие, но… надо драться!

Если так, будем готовиться к боям. Противники оказались все как один баскетбольного роста и производили внушительное впечатление. На соревнования мы вышли с таким настроением, как в сражение шли. И… выиграли матч со счетом 14:2!

Возвращались после матча, конечно, довольные, но и обескураженные. Что же мы наделали? Столько сил отдали, а впереди встречи с командами Франции и Западной Германии — куда более сильными противниками! Драться, конечно, надо со всеми серьезно, но расходовать силы — предельно экономно.

Все было непривычно для нас в Риме: и внешний облик улиц города, и люди, одетые не так, как наши, и их звучная, экспансивная речь. Может быть, от некоторой неуверенности мы искренне радовались, если случалось встретить что-нибудь знакомое.

На улице Виа дель Корсо, очень похожей на московский Столешников переулок, нас затолкали, сбили в плотную кучу шумливые итальянцы. Мы просто гуляли, решили пройти к Колизею — он был где-то недалеко, но как узнать дорогу? По-итальянски никто из нас не говорил. Пробовали спрашивать по-немецки — в ответ только: «Но, синьор, но!»

Мы уже совсем было решили возвращаться в гостиницу, как вдруг слышим… «Катюшу». По другой стороне улочки идет седой, просто одетый человек и отчетливо насвистывает эту хорошо знакомую всем нам песню. Мы к нему:

— Товарищ, как пройти к Колизею?

В ответ — полное недоумение. Улыбается и разводит руками. Как же так, а «Катюша»? Мы начали насвистывать ему.

— О, си!

И он нам подсвистывает, а потом подпевает, но… по-итальянски. Дальше этого дело не идет. Мы ему:

— Колизей! Совьетико, руссо!

Он закивал головой, схватил за рукав и потащил за угол, а там, размахивая руками и повторяя «Колизей», показал направление.

Потом выяснилось, что на мотив «Катюши» положена одна из песен итальянских партизан. Видимо, этот седеющий итальянец бился когда-то с фашистами и до сих пор напевает свою партизанскую песню, так похожую на нашу «Катюшу»…

Однажды в автобусе мы возвращались к себе в гостиницу из Дворца, конгрессов. Говорили о завтрашних соревнованиях, обсуждали свои дела, а потом перешли и на другие темы. Вокруг — отчужденные лица, и мы чувствовали себя весьма непринужденно как в выборе тем для разговора, так и выражений. Конечно, не обошли вниманием и хорошеньких итальянок. Приближалась наша остановка, и мы стали проходить к передней площадке. Вместе с нами продвигалась к выходу какая-то очень пожилая, совсем седая женщина. Все время она незаметно старалась держаться к нам поближе, но лицом не поворачивалась. Автобус притормозил, и кто-то из ребят недовольно проворчал:

— Ну вот, встала в проходе бабуся, ни проехать, ни пройти!

А «бабуся» вдруг быстро отступила с дороги, сказала:

— Нет-нет, пожалуйста!

Не знаю, каким ветром нас вынесло из автобуса. Честно сказать, побоялись даже оглянуться. Ведь что только там не говорили! А, оказывается, рядом стояла русская женщина, которая слушала пашу речь, как музыку, внимая каждому русскому слову!

После победы над кубинцами наша команда в полуфинале

встречалась с командами Франции и Западной Германии. Все понимали: пройди мы успешно эту ступень — попадем в финал. Впервые в истории советского фехтования! Немецкой команде наши проиграли в 1952 году на Олимпиаде в Хельсинки. А команда Франции всегда претендовала на призовые места.

К моменту встречи с французами были, естественно, настроены на борьбу «до последней капли крови». И выиграли у них со счетом 9:6. А потом выиграли и у саблистов ФРГ. Но оба эти матча были страшно напряженными, и важен был исход каждого поединка.

Помню, как во время встречи с командой Западной Германии мы с Рыльским спустились в раздевалку после его победы в первом бою. Здесь же в полуподвале были и душевые, стояли скамейки, в общем, можно было отдохнуть, выйти ненадолго из атмосферы борьбы. Но наверху шли бои, отрешиться нам не удавалось.

Один из служителей, гардеробщик или уборщик, прошел мимо, внимательно посмотрев на нас. Наверное, он понял, что мы все время прислушиваемся к тому, что делается в зале. Он поднялся наверх, потом быстро вернулся и показал нам на пальцах — 2:0.

— В чью пользу? Кто побеждает? — Мы жестами старались выразить свой вопрос.

Итальянец, видимо, понял и, стукнув себя в грудь, сказал:

— Ной! (Это означало: «Мы»).

Значит, проигрываем. Я не выдержал и говорю Якову:

— Пойду взгляну.

Поднимаюсь, смотрю на табло: действительно 2:0, но только в нашу пользу. Мы ведем! Скорее обратно — успокоить Рыльского. А там еще стоит этот служитель. Я к нему:

— Ошибка. Ведь мы впереди!

А он улыбается, кивает головой:

— Си, си!

И снова показывает на себя:

— Коммуниста!

Ах, все ясно. Тогда действительно 2:0 в нашу пользу!

На этом чемпионате среди публики можно было увидеть совершенно невероятных, с нашей точки зрения, болельщиков. Какой-нибудь монах, одетый в неимоверную рясу до пола из мешковины, перепоясанный веревкой, небритый, со спутанными волосами и отрешенным выражением лица, выписывает результаты из протокола соревнований, вывешенного на демонстрационном щите. При этом он пользуется блокнотом в яркой пластмассовой обложке и дорогой авторучкой. А рядом с

ним занимается тем же респектабельный ватиканский «чиновник» в элегантной черной сутане и лакированных ботинках. Чувствуется, что он знаком со всеми тонкостями оформления фехтовальных документов. Не иначе как вечером они будут докладывать обо всем, что видели, своей братии… Кто-то ведь будет слушать их рассказы. Кому-то это интересно…

БИЛЕТЫ В АВСТРАЛИЮ

И вот мы уже в финале, нам предстоят три матча, и прежде всего — с итальянцами. Это первая наша встреча с командой Италии, которая неоднократно занимала высшие места на мировых чемпионатах. В ней много знатных фехтовальщиков, очень опытных, давно выступающих на самых крупных соревнованиях. В Италии любят фехтование, и на этот заключительный матч собрался «весь свет». В центре зала расставили дополнительные стулья — образовалось нечто вроде театрального партера, где расселись дамы, сверкающие драгоценностями, нарядно одетые, уверенные в себе мужчины. Все они переговариваются, здороваются — в общем, обстановка премьеры, на которую собрались знакомые друг с другом поклонники фехтования.

В ходе этого матча я встретился с Ностини. Знаменитый фехтовальщик одним своим видом мог смутить хоть кого: высоченный, широкий и мощный, он казался почти квадратным. Ностини в прошлом многоборец: дрался и на рапирах, и на шпагах, поэтому в его фехтовании на саблях были некоторые рапирные мотивы. Он очень любил наносить уколы в длинном выпаде и в самом начале боя сразу так и сделал. Я взял защиту, дал ответ, а он вдруг нырнул куда-то вниз и достал меня повторным уколом. А мой удар пришелся мимо.

Ностини, видно, решил, что со мной нечего голову ломать: недолго думая, снова сделал выпад и нырок под защиту. Но тут я уж был начеку и не дал ему ускользнуть. Только попал не по маске, а по спине. А на спине курточка саблиста имеет всего один слой материи, и удары, даже самые легкие, чувствительны. Мы все это знаем и давно привыкли терпеть их, не дрогнув. Но Ностини решил изобразить перед почтенной публикой мучительные страдания. Он изгибался, тер спину, протягивал руки к судьям и зрителям и бросал на меня презрительные взгляды, давая понять, что на дорожке рядом с ним неотесанный грубиян. А ведь мой удар был легким и вовсе не мог причинить ему сильную боль. Может быть, он рассчитывал, что судьи накажут меня за грубость.

Мы долго боролись, счет стал уже 4:4. И тут чувствую, прямо вижу, как у него это в голове вертится — снова хочет нырнуть! Давай, голубчик, давай, выиграть-то тебе очень хочется! Подыграл ему немножко, сблизился побольше — он клюнул! И уж тут-то я не промазал. Он — под защиту, а я с особенным чувством собственной правоты прошелся сабельным клинком поперек его

спины.

Я даже не стал слушать, как судьи разбирали схватку: удар был бесспорный. Сразу подошел к Ностини, пожал руку, дружески приобнял за плечи — мол, извини, если что не так, в бою чего не бывает. А он бросил саблю и маску, уперся обеими руками мне в грудь, не желая принимать тяжелые для него объятия. Ну что ж, дело хозяйское. Поворачиваюсь и ухожу с дорожки.

В это время наш президент федерации Николай Дмитриевич Попов — а он был человеком крутого нрава, возражений не терпел — встает с места и идет мне навстречу, глядит грозно. На всякий случай я приготовился ко всему: Ностини-то знаменитый больно! Вдруг вижу: нашего президента обгоняет другой человек — и прямо ко мне.

— Молодец! — говорит он и двумя руками трясет мне руку. Это корреспондент «Правды» в Италии Ермаков. — Ты хоть знаешь, кого сейчас отутюжил?

— Знаю, — говорю, немного удивившись, — знаменитого фехтовальщика…

— Знаешь, да не все. Он кроме фехтования еще и в политику ударился. Правда, провалился на выборах.

Эти последние слова услышал наш президент, и выражение его лица изменилось на прямо противоположное. Он тоже схватил меня за руку и торжественно, будто вручал награду, сказал:

— Поздравляю, товарищ Тышлер!

Пока с Ермаковым шли к раздевалке, он все шутил:

— Скажи, пожалуйста, ведь не фронт, а всякое случается…

Награда за все муки — бронзовые медали. Вместе с Яковом Рыльским, Львом Кузнецовым и мною их получили Евгений Череповский, Леонид Богданов, Марк Мидлер. С сегодняшних позиций результат скромный, но тогда, за год до XVI Олимпийских игр, мы радовались не меньше, чем чемпионы. Еще бы! Ведь мы завоевали право поехать в Австралию, принять участие в празднике, которому нет равных в спорте.

Мы уже не чувствовали себя статистами и мечтали встретиться с корифеями мирового спорта. И вот глубокой осенью 1955 года в Советский Союз приехали на международные турниры сильнейшие фехтовальщики своего времени, «звезды» Франции, Италии, Венгрии: К. д'Ориоля, Э. Манджиоротти, Р. Карпати, П. Ковач…

Турниры проходили в Москве и в Ленинграде и, надо сказать, дали иностранцам достаточно пищи для размышлений на тему о «русских сюрпризах». В московском турнире стал вторым саблист Лев Кузнецов, в ленинградском — Яков Рыльский. Правда,

первыми были все же венгерские спортсмены. А на состязаниях рапиристов в Ленинграде произошла сенсация. Далеко за полночь — соревнования затянулись потому, что судейство проходило на новом для всех электрическом фиксаторе, — начался перебой за первое место между Марком Мидлером и Кристианом д'Ориоля. Мидлер выиграл его со счетом 5:0!

«Это случайность, — говорили французы, — просто Кристиан не привык фехтовать ночью — ведь полвторого…» Никто не спорил с таким утверждением, не доказывал, что Мидлер тоже не любитель ночных поединков.

Однако Марк его побеждал потом еще много раз, и не только в турнирах. Он выигрывал у д'Ориоля и в мировых первенствах, и в личных и в командных соревнованиях, в том числе и на олимпиаде…

Среди рапиристок прибыла из Франции и Кэт Дельбар, завоевавшая четвертое место в личном зачете на первенстве мира. На этом турнире ей удалось стать всего лишь шестой. Какое впечатление произвел этот ее результат на соотечественников, можно было догадаться, услышав мрачный каламбур руководителя французской делегации:

— Она теперь у нас не Кэт, а просто Кэтэстроф!

Видимо, то, что ее опередило несколько советских фехтовальщиц, французы тогда еще считали конфузом!

ВНЕПЛАНОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Далекая Австралия. Мельбурн. В Москве зима, здесь лето, необычные деревья покрыты диковинными цветами.

В Олимпийской деревне своя жизнь. Все делают зарядку, едут на тренировку, бывают в международном клубе.

Однажды вечером все педагоги собираются ехать в город. Наш старший тренер Юрий Тихонович Хозиков берет и меня. Видимо, он не забыл, как в прошлом году под его руководством я прошел «школу молодого специалиста», работая тренером на сборе по подготовке сборной к II Дружеским играм. Оказывается, в одном из залов города идет тренировочный матч фехтовальщиков Австралии и США, вход свободный, и его интересно посмотреть.

Главный судья матча, завидев в зале советских специалистов, просит помочь — не хватает судьи для сабельных боев. Послали меня.

Взял протокол. Начал судить. Для судейства мне хватало знания специальной терминологии на французском языке и нескольких фраз, необходимых для вежливых обращений и ответов на подобные.

Спрашивает американец:

— Вы будете судить Олимпиаду?

Отвечаю на немецком, и он переходит на немецкий:

— Ах, вы участник? И у вас целая команда?

Вдруг мой собеседник кричит на весь зал:

— Ребята, немцы командой приехали! Может, встретимся?

За немца меня приняли. А потом ко мне:

— Откуда приехали?

— Из Москвы.

— Как? Из какой Москвы?

— Москва, — говорю, — Советский Союз.

Что тут началось! Они меня чуть не за горло:

— Давайте завтра с вами встретимся. Очень хочется пофехтовать, а с советскими еще интересней.

Вынужден был повести их к нашему президенту федерации. Он меня спрашивает:

— Как они, сильные?

Отвечаю:

— Вроде не очень, но попробовать, конечно, интересно. Думаю, мы их одолеем.

— Ну ладно, — говорит, — встречайтесь.

И на другой день товарищеский матч СССР-США!

Да, олимпиада — это огромное событие, и не только спортивное…

САМЫЙ ВКУСНЫЙ ТОРТ

Идешь по Олимпийской деревне в спортивном костюме, на груди написано: «СССР». А метрах в тридцати по другой стороне улицы — какой-нибудь иностранец. Только завидит — уже рукой машет: «Хэллоу!» Как будто незнакомы, но не ответить на приветствие невежливо. Потом мы выяснили причины такого внимания к себе. Если на груди надпись «СССР» («Си-Си-Си-Пи», как нередко говорили), значит, идет будущий чемпион, или серебряный призер, или, в крайнем случае, бронзовый! Как же его не поприветствовать!

Воочию убеждаешься, насколько велик международный авторитет Советского Союза, в том числе и в спорте.

Что касается фехтования, то наши команды на той Олимпиаде были уже очень сильными. Например, рапиристы. Они попали в один четвертьфинал с командами Венгрии и Франции — лучшими командами мира. И хотя советские фехтовальщики проиграли и тем и другим, но с каким счетом! Чемпионам мира 1955 года венграм — 7:9, французам, ставшим чемпионами этих Игр, — 6:10. Марк Мидлер попал в финал. Сабельная команда вообще ходила в героях — заняла третье место, а Лев Кузнецов стал бронзовым призером и в личном первенстве.

Правда, успехи советского спорта радовали не всех. Это чувствовалось и в назначении судей и в проведении жеребьевки. Отразилось это в какой-то мере и на результатах боев. Жаловаться на судей неприлично в спорте. Доказывать свою правоту мы могли только еще более высоким мастерством. А необъективность судей видна зрителям, и в конце концов при наших довольно высоких результатах она лишь усиливала популярность сборной СССР. Мы не раз слышали, как спортсмены разных стран возмущались несправедливостью судей. Подходили к нам между боями и с негодованием спрашивали: «Ну как вы можете это терпеть?» Приходилось отвечать: «Ну что вы! Это же олимпиада, это же спорт! Не жизнь же решается…»

Любопытно было наблюдать, как менялось отношение к нам у иностранных фехтовальщиков. Признав в советских фехтовальщиках сильных спортсменов, они начинали проявлять к нам интерес и, вопреки домашней пропагандистской обработке, с удивлением признавали: «Да вы нормальные люди! И спортсмены настоящие».

У олимпийской делегации СССР существует традиция. Спортсменов, сумевших завоевать первые шесть мест, в

присутствии всей команды поздравляют — вручают цветы и обязательно торты, испеченные по случаю торжества.

Для саблистов такая церемония должна была состояться впервые за всю историю советского фехтования. Но, как назло, мы выступали по программе Игр почти самыми последними, когда часть делегации уже переселилась на корабль «Грузия», готовившийся к отправке домой, во Владивосток. Поздравление пришлось отложить.

Зато как торжественно прошло оно на палубе советского корабля! Председатель Спорткомитета СССР Николай Николаевич Романов, видевший все наши матчи с венграми в 1951 году, поздравляет нас с достижением мирового класса, а Льва Кузнецова еще и с присвоением звания заслуженного мастера спорта. Оказывается, все присутствующие уверены, что советские фехтовальщики будут сильнейшими в мире, и ждать этого осталось совсем недолго. Стоит ли говорить, что вкуснее торта, чем тот, который испекли специально для фехтовальщиков, я в жизни не ел.

СМОТРИНЫ

К 1957 году советские фехтовальщики были уже не в диковинку для западных болельщиков. Их мастерство успели узнать. Но на чемпионате мира в Париже еще никто не ожидал от них победы.

Соревнования мужчин, в которых Марк Мидлер завоевал второе место, уже закончились, когда на фехтовальные дорожки вышли женщины. В финал попали две советские спортсменки. Это был большой успех, но считалось, что до золота нашим рапиристкам еще далеко. Складывалась борьба драматично и продолжалась долго. Публика и спортсмены уже большей частью разошлись, остались только специалисты, и, когда борьба закончилась сенсационной победой Шуры Забелиной, до сих пор никому не известной и никем всерьез не принимавшейся, удивляться и поздравлять ее было почти некому.

Наутро из разных отелей стали съезжаться спортсмены, на трибунах собралась публика и отовсюду зазвучало слегка исковерканное имя чемпионки мира: «Цепелина! Цепелина!» Примерно так можно было прочесть написанную латинскими буквами фамилию Шуры на табло. Всем хотелось посмотреть, как выглядит девушка, приехавшая из далекой России и внезапно ставшая чемпионкой.

Время близится к двенадцати, нас то и дело теребят: «Да где же она, наконец?» А мы и сами не можем понять. «Подождите, — говорим, — сейчас появится».

И вот у дверей зала вдруг возникает какая-то суета, все поворачивают голову, и в проход между расступившимися зрителями вступает Шура. Да она ли это? Изящная дама, вся вытянувшаяся на высоких каблучках, в наимоднейшем парижском костюме, с суперсовременной прической. Непринужденно оглядывает зал. За ней — свитой королевы — все наши девушки.

Так вот, оказывается, какая она, эта советская чемпионка Шура! Садится на трибуну, и туда начинается паломничество: спешат познакомиться, рассмотреть поближе, расспросить… Целуют руку, поздравляют… Все справедливо: на фехтовальном небосклоне появилась новая звезда.

Став чемпионкой, Шура побывала в парикмахерской, оделась в модном магазине, потому что интуитивно поняла: о ней, обо всех советских людях будут судить по меркам того мира, в котором она сейчас оказалась. Каждая деталь будет замечена и истолкована. Поединки позади, внимание всех сконцентрировалось на людях. Кто они? Что умеют? Или их

только выучили ловко орудовать железным прутиком?

Можно вспомнить массу случаев, когда мы замечали, как пристально всматриваются в каждую мелочь в нашем облике, пытаясь понять и объяснить нас через любую деталь. Так, один из наших фехтовальщиков, закончив соревнования, надел свой любимый костюм. С портным ему повезло, костюм был модным и сидел на редкость хорошо. И что же? Зарубежные участники оглядывали его со всех сторон! Сначала он не понял, в чем дело. Стал одергивать пиджак, забеспокоился. Все стало ясно после короткого обмена репликами:

— Где ты работаешь?

— Преподавателем в институте.

— И ты можешь позволить себе шить такие костюмы? — В вопросе сквозило явное недоумение.

Завязался разговор, посыпались вопросы… Наших собеседников интересовал образ жизни советского человека. Спортсмены постоянно находятся в фокусе внимания многочисленных людей. По ним нередко судят обо всем народе. Так было, так остается и по сей день.

СЦЕНА НА ПОМОСТЕ

На том же чемпионате мира в Париже в 1957 году произошел один эпизод, который потом много лет приводился в среде советских саблистов как хрестоматийный пример воздействия на поведение человека ловушки, сработавшей почти без помощи спортивного оружия.

Все знают, что нападать надо внезапно и с возможно более близкого расстояния. Замыслы свои от противников необходимо скрывать и не просто стараться их не выдать, а суметь внушить о себе ложное впечатление. Поэтому можно утверждать, что умение вести бой несколько сродни актерской игре. У всех больших спортсменов вырабатывается своя техника с расчетом на создание того или иного образа. Иной раз нужно, чтобы противник подумал, что ты осторожен, расчетлив и нерешителен, иной раз — наоборот, что ты смел и безрассуден. Да мало ли какие еще могут быть «промежуточные» состояния!

Актерское начало может настолько тесно сплетаться с манерой ведения боя, что выдвигается чуть ли не на первый план в действиях бойца. В первые годы выступлений на международной арене все советские саблисты и их тренеры столкнулись с этой необычной манерой и ломали головы в поисках противоядия.

Показателен был в этом смысле матч с командой Франции. Ее капитан Жак Лефевр был опытнейшим фехтовальщиком, правда не очень везучим в спорте: шесть раз попадал в финалы мировых первенств, но так и не поднялся выше четвертого места. Мы в шутку звали его д'Артаньяном — сухощавый, с живым, подвижным лицом и маленькими усиками, он, как нам казалось, внешне очень походил на знаменитого гасконца. Нельзя было не заметить его одаренности, хотя набор его приемов был бедноват. Зато в области отвлечения противника он, можно сказать, преуспел немало.

И вот матч СССР — Франция. Против Лефевра выходит тогда еще очень молодой и ему совершено неизвестный Леонид Лейтман, ставший впоследствии заслуженным тренером СССР. Он уже победил двух французов и, видимо, млел от счастья. Надо сказать, что Леня мог быть чрезвычайно опасным, и особенно для тех, кто его не знал. Очень быстрый и мощный в атаках, он так неудержимо приближался под самый нос к противнику, с маху разрушая все попытки защиты, что тот просто не успевал ему что-либо противопоставить. Мы и глазом не успели моргнуть, как счет стал 3:0. Лефевр получил три неотразимых удара.

После первого Лефевр поднял маску и внимательно осмотрел Леонида. После второго — удивленно воскликнул: «О, месье!» Судьи уже давно разобрали фехтовальную фразу, а он все бормотал: «Туше! Манифик!» Леня слышал, как Лефевр назвал его удар великолепным, и потихоньку таял, упиваясь признанием такого опытного спортсмена. Однако напора не снизил, нанес и третий удар. Тогда француз сбросил маску, парадным шагом подошел к Лене и, протянув руку, представился: «Лефевр!» Затем снова медленно встал в стойку, будто вынужден продолжать бой только потому, что не по-рыцарски, сдавшись сразу, отобрать достойную победу у такого противника.

А потом… он нанес пять ударов подряд, после каждого с нескрываемым недоумением разводя руками и всем своим видом выражая противнику сожаление. Он успел уловить специфику действий своего противника, усыпил его бдительность и вырвал победу, казавшуюся Лейтману такой близкой. Когда все было кончено, он долго тряс Леониду руку, немного проводил с дорожки и вообще изо всех сил давал понять, что ему было исключительно приятно пофехтовать с таким достойным партнером!

Для борьбы с таким фокусником годятся только два способа. Первый — опустить забрало, не видеть его и не слышать. Что бы он ни делал, не обращать внимания и не терять бдительности. А второй — бороться с ним его же оружием. Если, конечно, достаточно уверен в себе. Оба способа могут быть хороши, когда они правильно использованы. Яков Рыльский, например, предпочитал в контакт не вступать. А вот Лев Кузнецов заводил иногда свою игру, особенно если противник начинал первый. Он даже удостоился называться «Лефевром Федоровичем» за то, что самый свой важный бой за олимпийскую медаль в Мельбурне выиграл именно у Лефевра, который бросил в атаку все сильнейшие «номера». Очень было забавно смотреть, как тот вдруг заметался, начал спешить, но… из крепких рук вырваться уже не мог. Лефевр и в этом случае оставался верен себе. От игры он все равно отказываться не собирался, думая, что заранее отрепетированных ролей у него предостаточно: партия с публикой, партия с руководителем боя, партия с угловыми судьями и так далее…

Выходя на соревнования, особенно международного уровня, приходится держать в памяти сразу несколько «досье» на противника. В таком «кондуите» должны быть зафиксированы и чисто «фехтовальные» приметы, и манера поведения, и отношения с противниками, товарищами, судьями, публикой, и, наконец, характер спортсмена. Все это знать совершенно

необходимо.

Правила соревнований запрещают многие фокусы на дорожке. Судьи же редко делают замечания за затяжку времени или за попытку вступить в полемику. Они наказывают, в основном, за грубость: когда спортсмен срывает и отбрасывает маску, бранит противника или вмешивается в разбор схватки. Ну а актерские выходки «во вкусе Лефевра» выглядят прилично, по-джентльменски, кажутся лишь проявлениями живой человеческой реакции на ход поединка, и судьи, как правило, к ним снисходительны.

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Для советского фехтования филадельфийский мировой чемпионат 1958 года остается незабываемым событием. Завоевав четыре золотые, четыре серебряные и одну бронзовую медаль, наша сборная команда впервые стала сильнейшей в мире. Однако подсчитывать медали куда легче, чем их завоевывать.

…Когда после своей тренировки мы гурьбой вышли в зал соревнований и разыскали наших фехтовальщиц, чтобы поболеть за них в полуфинале, мы ахнули: счет был 7:1 в пользу команды ФРГ.

Сели вблизи, начали подбадривать, делая вид, что еще все можно исправить. Наша команда, как говорится, проснулась, стала выигрывать бой за боем. Когда счет стал 8:7 в пользу противника, на решающий поединок вышла двадцатилетняя Галина Горохова. Некоторые из нас даже приуныли: ну почему Горохова, а не Валентина Растворова, Эмма Ефимова — сильнейшие и опытные мастера?

А на дорожке тем временем творилось что-то необыкновенное. Галина Горохова наносила укол за уколом своей опытной противнице и победила в бою, а команда с преимуществом всего в один укол выиграла матч.

Советские фехтовальщицы стали чемпионками. Самые лестные слова достались тем из них, кто принес команде наибольшее число побед, кто завоевал затем медали личного первенства. Наверное, это правильно. Но как знать, что произошло бы, если бы другой принял на свои плечи всю тяжесть ответственного момента! Может быть, и Валентина Растворова, и Эмма Ефимова потеряли бы долю уверенности, так необходимой им в борьбе за золотую и серебряную медали чемпионата?..

В том последнем, решающем поединке появился новый большой мастер.

Попадая в переплет, спортсмен раскрывает себя полностью. Особенно трудно бывает неопытному фехтовальщику, когда в его «руках» сосредоточивается судьба усилий всего коллектива, если приходится выйти на последний, решающий поединок. Подобные роли выполняют обычно капитаны или испытанные бойцы. Но бывают и исключения, и допускают их тренеры, хорошо знающие своих питомцев и уверенные в их способности к предельной самоотдаче.

Галина Горохова вообще славилась среди советских фехтовальщиков исключительной волей, собранностью, способностью отдать себя целиком борьбе за командную победу.

За время ее выступлений на международной арене — период более чем в пятнадцать лет — не было командного бойца сильнее ее. Она и в личных соревнованиях выступала успешно — дважды была чемпионкой мира, дважды — второй, дважды — третьей, выиграла много турниров. Но главное, вклад Гороховой в командные победы советских рапиристок на трех олимпиадах был исключительно большим.

Считается нормой, если в командных поединках спортсмен выигрывает два боя из четырех. Для Гороховой это была не норма: приносила команде по три-четыре победы и, как правило, выигрывала решающий бой. Причем, несмотря на крайне напряженную обстановку, она никогда не теряла голову, сохраняла способность оценивать ситуацию, поразительную нацеленность на победу. И таким отношением к делу часто зажигала других, как бы делясь своим умением бороться за каждый укол, за каждое движение, за каждый метр дистанции. Чем было тяжелее, тем сильнее она становилась.

Предугадать на основе наблюдений способность спортсмена успешно действовать в ситуациях крайне ответственных нелегко даже умудренному опытом тренеру. Но гораздо труднее спортсмену самому разобраться в себе. Ведь обычно до какого-то критического случая человек и сам не знает, на какие волевые усилия он способен. Я только к тридцати годам, и слишком поздно, понял, что чем сложнее ситуация, чем она хуже и тяжелее, а особенно для команды, тем более высокий результат способен показать. Правда, Иван Ильич Манаенко всегда говорил мне в решающие минуты: «Ну, Дод, ситуация безвыходная, проигрывать больше нельзя. Давай придумай что-нибудь!» Он, видимо, давно заметил эту мою способность — найти в себе резервы.

Чемпионат мира 1958 года в Филадельфии начался для меня относительно спокойно. Мы с Рыльским благополучно добрались до полуфинала личного первенства. Шел четвертый день соревнований, и каждый из нас провел не меньше, чем по сорок боев: в те времена сначала проходили командные соревнования, а потом личные. Мы уже получили серебряные медали всей командой, порадовались им и снова настроились на борьбу. Но, конечно, оба мы страшно устали.

На соревнованиях объявили перерыв, и у нас образовалось что-то около часу свободного времени. В то лето в Филадельфии было сорок градусов в тени при почти стопроцентной влажности.

— Пойдем в парк, — предложил Рыльский, — полежим на травке.

Солнце клонилось к закату, жара спадала, и из-под деревьев

от травы потянуло сыростью. Мы с наслаждением растянулись прямо на газоне.

— Смотри, Дод, и Виталий Андреевич к нам идет, — слышу голос Рыльского и поворачиваюсь на другой бок. И тут чувствую, как судорога сводит мне левое бедро. Начинаю его растирать — сводит уже спину. Резко разгибаюсь — схватывает и руку! Я катаюсь по траве, верчусь и прыгаю, как рыба на сковородке.

— Яшка, — кричу, — я, кажется, попал в переплет!

Виталий Андреевич добежал и давай меня массировать! Руку и спину отпустило, но нога подчиняться перестала. И колол ее, и щипал, и кулаком стучал — бесполезно. Аркадьев кричит:

— Врача, врача, в медпункт!

Кто-то из зрителей, вышедших подышать, — а вполне возможно, и специально наблюдавший за нами, — с неизбывным одесским акцентом пояснил:

— Здесь врача нет, здесь все за доллары. А если есть, чем платить, поезжайте в клинику Пенсильванского университета — отсюда километров пять.

Нет, нам это не годится. Соревнования продолжатся уже через полчаса. Меня под руки — и в душ. Включаю самый мощный напор да погорячее и все полчаса тру ногу. Ошпарился, но немного отпустило. Прошелся — нет, не хромать не могу.

— Ну что же делать, — говорит Аркадьев, — снимем тебя с соревнований.

Нет уж, думаю, все-таки попробую. Проехать 10 тысяч километров от дома и бесславно сойти… нет, это не для меня. И такая появилась злость, столько тактической хитрости, что совершенно неожиданно для всех я выиграл достаточно боев, чтобы попасть в финал. Наши ребята все меня окружили, каждый хочет чем-то помочь: кто кормит сахаром, кто тащит витаминизированный напиток, кто сует банан, — честно говоря, мы тогда не очень хорошо себе представляли, как нужно бороться с судорогами. Я не отказывался ни от того, ни от другого, ни от третьего — пробовал все. Подошли руководители команды и сказали, что без ущерба для общих интересов в финале я могу не выступать.

Оказывается, скорее всего, советская команда в общем зачете займет первое место, вне зависимости от наших результатов в финале. Только в одном маловероятном случае итальянцы могут нас догнать — если чемпионом в личном первенстве станет Каларезе. Но он был тогда еще молодым, не очень опытным бойцом, и шансов у него было маловато. Значит, тех очков, которые уже принесли мы с Рыльским, попав в число финалистов, вполне достаточно. Борьбу за призовое место может продолжить

один Яков.

Но обидно же, оказавшись на пороге, не попробовать войти! Нет, говорю, драться начну. Первый бой — с Рыльским. Ему наверняка проиграю: он же знает, что со мной и как ему лучше бороться. Все-таки будет у него лишняя победа — это может оказаться важным, в конце концов. А может, и я у кого-нибудь выиграю — опять-таки помогу Рыльскому, отобрав очко у его противников. В общем, дерусь!

Начался финал, я проиграл первый бой Рыльскому — 5:1 и, слегка прихрамывая, ушел с дорожки. Следующий бой — с Каларезе.

Мы до этого не очень хорошо знали друг друга, встречались всего два раза. Он быстрый, темпераментный, упорный. Только схватились — сразу бросился на меня. Я — назад, он — на меня, я — опять назад. Граница — предупреждение: дальше отступать нельзя. Вот тут-то и начался бой. Не припомню, чтобы когда-нибудь еще я был в таком состоянии: так собран и обострен. По-моему, разгадывал планы противника, когда они еще только бродили у него в голове! Наносил удар — и вел в счете. И так все схватки: противник нападает — следует отступление, граница, предупреждение, схватка — и мой удар. 5:1. Снимаем маски, пожимаем руки и вижу: он не понимает, что уже все кончено. Ну, просто не верит, что так могло случиться! А все дело в том, что для меня доли секунды невероятно растянулись; ни одно даже малейшее движение Каларезе не ускользало, все успевал и заметить, и предупредить. Мне он казался медленным!

Что ж, первая удача. Не зря, значит, решил фехтовать в финале. Иду с дорожки — хромаю. Кузнецов и Мидлер тащат меня куда-то под трибуны, укладывают на скамейку, по очереди трут, массируют до самого следующего боя. А когда встаю, оба начинают пересмеиваться — скамейка давненько не вытиралась, и мой белый фехтовальный костюм много потерял в своей ослепительной первозданности. Ну да черт с ним! Ведь я еще во время боя с Каларезе не раз падал. В конце концов, из «окопов» чистенькими не выскакивают. Стою перед ними грязный, помятый да еще и хромой, а они — заливаются. Потом Марк посерьезнел:

— Вообще-то ты у нас инвалид второй группы. Но учти: это никто не примет во внимание. С тобой будут бороться, как со здоровым. А это, я считаю, в твою пользу. Так что вперед!

На дорожке меня ожидает знаменитый «актер» Лефевр. Мы начинаем, и очень быстро выясняется, что тактика, случайно возникшая в борьбе с Каларезе, остается единственно правильной в моем положении. Все решает схватка за первый удар. Если мне удастся его нанести, дальше можно отступать, прижиматься к

границе, и тогда противники сами ко мне придут. Ну а уж тут, как говорится, дело техники. В обороне я всегда чувствую себя уверенно, а тем более теперь, когда собран и опасен, как раненый зверь.

И начинается изнурительная борьба за первый удар. Три, четыре, пять минут на исходе, а ударов нет! Мы бегаем по дорожке, противник видит, как я волочу ногу, и не понимает, почему он никак не может в меня попасть. Выискиваю в конце концов момент и сам атакую, делая чуть ли не по десять финтов. Все в порядке — удар в открытое туловище! Противник ведь нормальный человек — теряет иногда бдительность. А со мной сегодня этого не случается. Потом — все как по нотам. Прижимаюсь к границе дорожки, вскоре объявляют, что до конца боя осталась одна минута, и, поскольку я веду в счете, противник начинает торопиться, спешит отыграться, и счет становится 2:0, а потом 3:0, но только не в его пользу.

Так выигрываю у хитрющего Лефевра, затем у американца Блюма. А потом жребий сводит меня с поляком Твардокенсом — исключительно выдержанным и необыкновенно быстрым бойцом-левшой. У Твардокенса, так же как и у меня, было к тому времени три победы. Кто же одержит четвертую, — которая даст право бороться за медали?

Все уже раскусили мою тактику, и поляку удалось повести 2:1, он впереди, до конца боя — одна минута. Теперь уже мне приходится бежать за ним, прижимать к границе и нападать. Нужно было хвататься хоть за соломинку. Тем более что времени уже оставалось очень мало — не больше десяти секунд. И я — рискнул. Сделал вид, что резко нападаю, и на отпугивающий ответ отскочил. Когда, Твардокенс немножко успокоился, опять бросился на него. И все получилось как по писаному! Он и не заметил, как выпрыгнул за границу поля боя! А я сразу пошел к нему, чтобы обозначить, что мы оба вне дорожки. Судья внимательно следил за нашими передвижениями на самой границе, и решение не замедлило последовать: штрафной удар, счет 2:2. Ну что ж, теперь будем драться до решающего удара. Мы долго боролись за него, но, видимо, штрафной вывел-таки из себя упорного бойца. Он не выдержал, в какой-то момент заторопился, и мне удалось выиграть этот поединок.

Сколько моральных сил прибавила мне эта победа, трудно даже рассказать. Следующий поединок — против прошлогоднего чемпиона мира — закончился уже со счетом 5:1 в несколько минут. А дальше… дальше нам с Яковом Рыльским предстоял перебой за первое место. Конечно, сомнения в возможности выиграть возникли большие. Во-первых, мне вообще не удавались

бои с ним, а во-вторых, он-то лучше других знал, что я могу сегодня, а чего не могу. Мы начали, и все развивалось по той же схеме. Но только первый удар нанес Яков. Весь бой я шел за ним по пятам, но догнать не смог. При счете 4:3 в его пользу время боя кончилось. Он стал первым.

Спустя много лет мне довелось смотреть замечательный фильм режиссера Климова «Спорт, спорт, спорт». Там был момент, когда бегуны на 10 000 метров, стартовавшие в матче СССР — США 1959 года, не выдерживая исключительных климатических условий, сходили с дистанции, теряя ощущение реальности, поворачивали в другую сторону, падали в обморок. Советский спортсмен Пярнакиви, стараясь побороть мучительные ощущения, бежал высоко вскидывая колени — на вид нелепо, как цирковая лошадь, но, превозмогая все трудности, все же финишировал, обеспечив успех команды. Так вот, со мной в Филадельфии было то же, что с этими бегунами, — солевое голодание. Только благодаря фильму я смог представить себе, как выглядел на том чемпионате мира.

Как же объяснить мотивы таких вот поступков спортсменов? Зачем выходить на соревнование с травмой? Зачем бежать, когда это мучительно и когда другие бегуны сходят с дистанции? В самом деле, не жизнь же решается! Зачем Гале Гороховой так выкладываться не для своей личной, а для командной победы? Чувство товарищества? Конечно! Но не только оно. На чашу весов ложится тот огромный труд, который проделан всей командой, тренерами. А чувство ответственности перед теми, кто ждет дома! За рубежом всегда остро ощущаешь себя гражданином своей страны. На мировых первенствах и олимпиадах спортсмен вообще нередко действует на пределе своих возможностей. Находить силы бороться ему помогают убеждения, воспитанные в нем всей жизнью.

Каждая спортивная победа дорога по-своему. Особенно если завоевано звание чемпиона мира, выигран Кубок Европы. И было их у сборной СССР уже очень много. Но выступление в Филадельфии всегда будет занимать особое место в истории советского фехтования. Здесь сборная команда СССР взяла на себя тяжелую, но почетную роль лидера мирового спорта.

Все последующие годы советские фехтовальщики доказывали, что эта ноша им по плечу. В 1959 году впервые 19-летний Бруно Хабаров завоевал звание чемпиона мира по шпаге. Тогда же чемпионами мира были рапиристы. На Римской олимпиаде Виктор Жданович стал нашим первым олимпийским чемпионом, и вслед за ним в олимпийскую летопись вошли имена еще десяти советских фехтовальщиков — обладателей золотых медалей в

командных турнирах мужчин и женщин по рапире. Это уже поистине триумф.

Но что интересно! Семь лет спустя после товарищеского матча 1951 года с венгерской сборной из тех сорока сильнейших бойцов и тренеров, которые в нем участвовали, на фехтовальные дорожки Филадельфии вышли только три человека. А Семнадцать из двадцати бойцов той команды были молодыми фехтовальщиками. Их подготовили те, кто собрал в своем тренерском мастерстве весь опыт выступлений на международной арене. Участники первых сборов и соревнований с зарубежными мастерами, конечно, прежде всего пробовали свои силы как спортсмены. Но оказалось, что таким образом они приобретали опыт, необходимый больше для их будущей тренерской работы, чем для сиюминутных спортивных достижений. Этот опыт, объединяемый в беседах, спорах, позволил со временем создать передовую систему подготовки спортсменов.

ГЛАВА 3
СМЕНА «КАРАУЛА»

СОВЕТ БОГОВ

Май 1961 года. Заседает тренерский совет и президиум Федерации фехтования СССР. «Совет богов», как мы говорим. И действительно, чем не боги эти прославившие советское фехтование тренеры — Виталий Андреевич Аркадьев, Иван Ильич Манаенко, Вадим Алексеевич Андриевский, Герман Матвеевич Бокун, Валентин Иванович Федоров, Юрий Тихонович Хозиков! Во всяком случае, будущее решение совета касается меня лично, и я ощущаю на себе их могущество.

Выступающих слышу. Смысл происходящего доходит, хотя сосредоточиться на словах трудно. А ведь я заранее в курсе дел — решение со мною обговорено. Собственно, сейчас происходит лишь официальная процедура, а сборную команду СССР по сабле, ту, под знаменем которой выступал 11 лет, я уже принял месяц назад.

И все-таки это решение тренерского совета во многом обескураживает. Ведь всего несколько лет, как стал прилично фехтовать. Сейчас бы только и выигрывать. Тем более что после Римской олимпиады наконец сошли знаменитые венгры — победители всех послевоенных олимпиад: Рудольф Карпати, Пал Ковач, Аладар Геревич. Что ж, значит, мне не судьба, выигрывать придется следующему поколению советских саблистов.

Да и не совсем обычно это превращение: только что был спортсменом — и сразу в старшие тренеры сборной команды СССР. Дело в том, что без старшего тренера внезапно осталась сборная команда рапиристов, завоевавшая две золотые медали и одну серебряную на Олимпиаде в Риме. Надо было срочно принимать решение, тем более что до первенства мира оставалось меньше двух месяцев.

И вот решение нашлось. Рапирной мужской командой будет отныне заниматься мой учитель Виталий Андреевич Аркадьев. Ему и осваиваться не нужно — дело не новое. Он уже выучил Марка Мидлера, Анну Пономареву, Германа Свешникова, Эмму Ефимову, Надежду Шитикову, многих других рапиристов, ставших чемпионами мира. А на саблю «бросают» меня.

Нельзя сказать, чтобы тренерская работа меня так уж пугала. В конце концов, все последние годы я много занимался спортивной педагогикой — в ЦДСА и ЦСКА. А перед тем, сразу после окончания Центрального института физкультуры, работал преподавателем на кафедре фехтования. Даже книгу «Тренировка фехтовальщиков на саблях» к тому времени уже удалось написать.

Ну а горечь от того, что не придется больше участвовать в соревнованиях, я уже не раз испытывал. Правда, приобрести опыт в этом, если чувствуешь себя по-прежнему полным сил, невозможно.

Впервые испытал это чувство перед Олимпиадой в Хельсинки. Готовился к ней, участвовал в первых матчах с венгерскими и польскими саблистами. Но в состав олимпийской команды не попал. А когда первый раз команда уезжает на турнир без тебя, это пережить нелегко. Кажется, что подобных соревнований в твоей жизни больше не будет. К счастью, в сборную я скоро возвратился.

В следующий раз прощаться с сабельной командой пришлось в 1955 году, когда примерно на таком же совете меня назначили тренером. Это было на сборе по подготовке ко II Дружеским играм в Варшаве. Лишь по чистой случайности удалось вернуться в ряды спортсменов и участвовать потом еще в шести первенствах мира, в том числе и в Олимпиадах в Мельбурне и Риме.

Мне просто повезло. После удачного выступления в Варшаве решено было послать сильнейших фехтовальщиков на очередной чемпионат мира в Рим. Рассуждали так: если наши мастера действительно выросли, то они докажут это на чемпионате и после Рима ясно будет, посылать их на Олимпиаду в Мельбурн или нет. Ведь поездка в Австралию далековата и дороговата!

Собрали по пять самых сильных фехтовальщиков в каждом виде оружия. Из пяти двое должны были войти в команду. При подборе спарринг-партнеров все критерии вроде возраста, перспектив роста мастерства и т. д., кроме спортивной силы, отпали, и я оказался на сборе. А затем уже все утряслось само собой. Решение перед самым выездом послать целую команду саблистов из пяти человек поставило меня «де-факто» в строй. В Риме я одержал одиннадцать побед в командных соревнованиях, по праву получил вместе с товарищами бронзовую медаль и, как говорится, несколько задержался в составе сборной.

Ну а на этот раз приходится уходить с фехтовальной дорожки навсегда. Действительно, мне скоро будет 34 года, и, по мнению фехтовальных руководителей, перспектив никаких: в 37-летнем возрасте на Олимпиаду в Токио с саблей в руках не попаду.

…Президент Федерации Николай Дмитриевич Попов подводит итоги обсуждения на тренерском совете:

— До Олимпиады в Токио чуть больше трех лет, и омолодить команду — дело разумное. Но почему мы принимаем половинчатое решение? Ведь среди саблистов не только Давид Тышлер ветеран. А Рыльский? Он моложе Тышлера всего на один год. И выступил на первенстве СССР очень плохо. Эксчемпион

мира, финалист последней Олимпиады, а занял место лишь в третьей десятке! Давайте назначим Якова Рыльского вторым тренером, и пусть они вдвоем с Тышлером создают новую команду.

Николай Дмитриевич Попов — человек крутой. Военный, начальник физической подготовки Военно-Воздушных Сил, в прошлом, еще до войны, сам был в числе лучших фехтовальщиков и, хоть тренером никогда не работал, в своей компетентности уверен. Возглавляет федерацию уже около десяти лет. Чтобы его переубедить, нужны весьма веские аргументы.

Вскакиваю, но не успеваю рта открыть, как Иван Ильич Манаенко уже говорит президенту:

— Что мы тут с вами решаем? Назначили старшего тренера, так давайте его послушаем, в каком качестве ему Яков Рыльский нужен.

Пришлось-таки с ходу приступать к работе. Говорю, что последняя неудача Якова Рыльского — досадный эпизод. Кто не проигрывал, не имел срывов? Намекаю, что и у «богов» бывали поражения. Рыльский еще не исчерпал себя — ведь он очень поздно начал фехтовать. Да и кроме того, его пребывание в сборной команде необходимо остальным. Без лидера, без хотя бы одного опытного мастера команда остаться не должна. Иначе за три года достигнет лишь того уровня, на котором она сейчас.

Иван Ильич Манаенко тут же бросает реплику:

— Раз ты веришь в Якова, то готовь, пожалуйста, его сам к первенству мира. Могу тебе его передать. Для авторитета новому тренеру будет полезно тренировать самого титулованного мастера.

Тут уж президент сдался:

— Ну что ж, дадим показать себя молодому старшему тренеру.

Выхожу после совета как после тяжелого матча. А был он в одном из помещений Ленинградского крытого стадиона — манежа. Вижу: на трибунах сидит Яков Рыльский и ждет меня, хоть и не договаривались, что он задержится после тренировки.

Подхожу, а он как чувствовал, что и его судьба решалась, пытливо смотрит и говорит:

— Ну, Дод, выкладывай. И мне заказывать прощальный оркестр?

— Что ты, Яков, наоборот. Никогда не угадаешь, чем кончилось. Я теперь твой тренер. Буду готовить тебя к первенству мира. Иван Ильич предложил это сам.

Выхожу вроде бы с победой, облеченный доверием «богов», а крылышек за спиной отчего-то не ощущаю. Сила команды

сомнительна, ответственность взял на себя огромную, сроки до первенства мира малы до смешного. Сумею ли что-нибудь сделать? Как бы не оказаться сразу «голым королем»…

ПРОБА ПЕРА

Среди членов сабельной команды, выехавшей на первенство мира в Турин, были ученики разных тренеров. Но хотя Аркадьев и Манаенко присутствовали на чемпионате, всех саблистов на это время поручили тренировать мне. Бросили меня в воду — выплывай!

Пришлось выходить из положения. Обычно перед предварительными соревнованиями тренер надевает нагрудник и начинает немножко разминать ученика, особенно если тот волнуется. Делается это не всегда. Но не хотелось же их делить на родных и двоюродных! Поэтому устроил что-то вроде конвейера. Давал уроки одному за другим, без перерывов. Не за час же разминку начинать: первые успеют остыть, пока дойдет дело до соревнований…

Выделял по пять-шесть минут каждому. Причем приемы делались только по одному разу, а ситуации я так быстро менял, что эти пять минут становились колоссально насыщенными. Тогда, в Турине, был принужден к таким урокам необходимостью спешить. Но потом понял: этот метод годится во многих случаях для создания психологической готовности у спортсмена. Удается взвинтить внимание в индивидуальном уроке даже больше, чем в бою! Ведь заказанная ученику ситуация может, как и в бою, сложиться только один раз. Если что-то у фехтовальщика не получилось, исправлять было некогда — начиналась уже следующая схватка. Правда, через пять, семь, девять попыток я мог что-либо повторить, но это было для спортсмена опять совершенно неожиданно. При таком бешеном темпе каждое намерение могло быть реализовано сейчас или никогда!

На такой разминке тренер ставит себя в необычные условия. Ему тяжелее, чем спортсмену. Ведь пока он создает одну ситуацию, в голове рождается следующая. Иногда, заказывая атаку, я нападал сам, проверяя готовность спортсмена экспромтно обороняться, действовать в неожиданно возникающих ситуациях. Подобное построение урока годилось не только для разминки, и я практиковал его во многих случаях всю жизнь.

Все ребята благополучно преодолели первую ступень соревнований и перед следующей пришли снова брать урок. Ну что же, к хорошему привыкают быстро. Делать нечего — надеваю нагрудник, собираюсь начинать. Вдруг вижу: знаменитый Аладар Геревич берет стул, ставит поблизости и устраивается смотреть. Ему стало интересно. Устраивать представление не хочется, но и сворачивать дело нельзя — надо спешить.

Поведение Геревича объяснить просто. Кто же равнодушно проходит мимо работы своих коллег? Было ясно, что нами заинтересовались: вдруг мы что-то новое умеем в сабле, где, казалось бы, найти не пройденное венграми невозможно.

На Олимпийских играх в Мехико и мы со Львом Кузнецовым помимо дел с учениками больше всего занимались именно наблюдением за работой тренеров сабельных команд мира. Каков их уровень, как они работают? Смотрели на тренировках в общем зале, на разминках. Важно знать, как тренер дает урок, как «подает» ученику собственное оружие, вступая с ним в схватки. Наблюдая тренировку, можно получить многие данные, определить привычные реагирования, развитые у ученика, уточнить «кредо» тренера, его приверженность к какой-либо из фехтовальных школ.

До сих пор существуют исторически сложившиеся школы: французская, итальянская, венгерская. И сегодня нередко можно по манере отличить венгра от итальянца, по педагогу узнать ученика. Правда, не всегда и не каждого. Потому что сегодня устраивается очень много международных встреч, национальные школы не так изолированно развиваются, как раньше. А за границей существует практика использования наемных тренеров из других стран. Например, несколько польских тренеров уже много лет работают в Италии. В частности, известный польский фехтовальщик и тренер Рышард Зуб более десяти лет учит спортсменов в одном из итальянских клубов. Там же, в Италии, тренирует рапиристов чемпион XVIII Олимпийских игр Эгон Франке. А венгерские тренеры вообще работали чуть ли не во всех странах Западной Европы, да и на других континентах. В свою очередь, например, польскую команду саблистов — четырехкратных чемпионов мира в командном первенстве — подготовил не кто иной, как венгерский специалист Янош Кевеи. Параллельно со спортсменами — учениками Кевеи росли польские тренеры, и, несмотря на отъезд Кевеи, польское фехтование сохранило свою силу. Потом он поехал в Италию и работал там много лет. Известный итальянский саблист Микеле Маффей — его ученик. Кевеи много занимался и с Луиджи Нардуцци, и с Каларезе, а потом с ними работал и Рышард Зуб…

На чемпионате мира 1961 года в Турине дела наши неожиданно для многих и в какой-то мере даже для меня самого пошли совсем неплохо. После первого тура личного первенства ребята преодолели второй, за ним третий, четвертый… Стартовало пятеро, и четверо из них добрались до полуфинала. Я как тренер даже и не вправе был ставить такую задачу: за год до этого наша сабельная команда неудачно выступила на Олимпиаде

в Риме. Правда, в дальнейшей борьбе за место в финале выстоял один только Яков Рыльский.

Мне пришлось разминать, напутствовать всех четверых. Аркадьев и Манаенко продолжали наблюдать со стороны. Они решили не мешать, хотя в команде были и их прямые ученики: Мавлиханов, Кузнецов и Рыльский. Моя задача осложнялась тем, что руководить нужно было вчерашними своими товарищами. Совсем недавно я летал с ними вместе на соревнования, жил в одной комнате в гостиницах, с ними тренировался и с ними же отдыхал. Мы все были на «ты». А ведь тренер не должен повторять что-нибудь дважды.

Перестройки такого рода происходят непросто. На чемпионате в Турине мне очень помог такт Якова Рыльского, его человеческое понимание моих новых проблем. Он был лидером саблистов — самый опытный мастер, капитан команды. Казалось бы, кто, как не он, мог позволить себе свободное обращение со старым товарищем! К тому же незадолго до чемпионата я стал помогать ему тренироваться. Ему-то как раз можно было простить некоторую вольность. Но именно Яков первый подходил перед тренировкой за указаниями и, как только их получал, выполнял беспрекословно. Это, конечно, было очень хорошим примером для остальных. Дело не только в том, что он выдержанный, внутренне очень сильный и организованный человек. Дело еще и в том, как складывались наши отношения на дорожке. Равные по классу фехтовальщики, мы всегда были соперниками. До определенного момента я чаще проигрывал ему. Но после чемпионата мира 1958 года ситуация существенно изменилась. Хотя по-прежнему он выигрывал чаще, но зато все мои победы были в решающих боях. Эта проблема, которую он не мог решить, очень подняла в его глазах авторитет моих познаний в фехтовании. Видимо, поэтому у него и не возникало сомнений, когда я что-нибудь требовал или советовал.

Начались финальные бои. И тут назрела необходимость вмешаться Ивану Ильичу Манаенко. Все-таки он тренировал Рыльского не два месяца, а более десяти лет, одержал с ним вместе много побед.

— Пора включаться, Иван Ильич! — обратился к нему, и мы с разных сторон сели возле Якова.

Возникло такое негласное разделение обязанностей: я делаю разминку перед боем, Иван Ильич нашептывает свои советы, «наколдовывает», а после боя Яков снова попадает ко мне в руки, мы разбираем поединок, и он немного отдыхает.

Рыльский стал чемпионом мира, теперь во второй раз. Все свои бои он выиграл на пределе возможностей: в каждом бою счет

был 4:5. Эта победа у него была, как говорят в спорте, «трудовая», нелегкая. Но подготовлен он был хорошо, от былой неудачи на чемпионате СССР не осталось и следа — он полностью восстановил свой уровень.

На следующий день начались командные бои, и все дрались очень дружно. В полуфинале выиграли у венгров. А потом, в финале, наши ребята встретились с саблистами из Польши.

И, глядя на этот финал, я не мог усидеть на месте. Дело в том, что за последние несколько лет сам проиграл полякам крайне мало боев! Они все были натренированы по одной схеме. Легко и быстро, как осы, проносились по дорожке и жалили в открытое место. Ужалят — и улетят! Медленноватый и тяжеловатый фехтовальщик сразу же попадал к ним в «клиенты». Но противоядие было найдено. К 1957 году удалось разработать такие приемы, которые в комплексе составляли систему зрительных помех, вынуждавших противников действовать по вполне предсказуемой схеме. И в результате на первенстве мира в 1957 году я выиграл у них все четыре боя, на первенстве мира в 1958-м — два боя и на первенстве в 1959-м не проиграл ни одного. Побеждал всю команду даже у них дома — на турнире «Сабля Володыевского».

«Эх, — подумалось, — если бы можно было себя поставить на этот матч запасным!» Наша команда проигрывала, в упорной борьбе, но проигрывала. Не всегда помогают даже самые точные рекомендации, и я мучился от бессилия, от невозможности что-либо изменить.

И все же серебряная медаль — это был большой и даже неожиданный успех. Обсуждая итоги чемпионата, мы реально ощутили, что в сабельном фехтовании можем сделать многое, можем замахнуться на победу в следующих Олимпийских играх, какой бы фантастикой она ни казалась.

КОГДА ОПУСТИЛСЯ ЗАНАВЕС

В тот год, как оказалось, мне было уготовано еще одно серьезное испытание. В октябре в сабельной Мекке — Будапеште состоялся первый чемпионат Дружественных армий. Участвовали почти все сильнейшие саблисты мира. В финале оказались Тибор Пежа, который впоследствии стал в личных соревнованиях чемпионом Олимпийских игр в Токио, Петер Бакони, выигравший за месяц до этого Универсиаду, два сильнейших поляка, а также наши спортсмены Лев Кузнецов и Марк Ракита. Я же приехал на этот чемпионат уже как судья. Правда, у меня был с собой костюм: руководство делегации решило зачислить меня запасным членом команды — на тот случай, если дело пойдет не лучшим образом.

Сабельные соревнования проводились в самом конце турнира, а команде ЦСКА не удалось до этого оторваться от венгерских фехтовальщиков. Судьба общекомандного приза еще не была решена. И за день до соревнований я получил приказ участвовать в них.

Накануне Рудольф Карпати праздновал свой юбилей. Приглашена была большая группа советских фехтовальщиков, в которую входил и я. На этом празднике можно было отведать и блюда настоящей венгерской кухни, и вина. Ну, конечно, те, кому еще предстояло принять участие в соревнованиях, вина и не пробовали, но я же был судьей. И поэтому как только Карпати замечал, что я «стою без дела», он сразу же говорил:

— Так ведь ты, говорят, закончил, уже не выступаешь?

— Да, — только и оставалось подтвердить мне, — все. Не выступаю.

— Тогда бери бокал.

И приходилось принимать символическое участие в гостеприимном застолье.

Но когда на следующий день Карпати увидел меня в фехтовальном костюме, он чуть не раскрыл рот от удивления:

— Так ты ж полгода саблю в руки не брал! Не понимаешь, что ли, что можешь заработать травму?

Я в ответ развел руками:

— Такой приказ, Рудольф.

— Ладно, это я понимаю. — Карпати, главный судья, был полковником венгерской армии. — Давай сделаем так: ты проведешь пару боев, а потом мы пойдем к нашему врачу, перевяжем голень и дадим заключение, что продолжать ты не можешь из-за травмы.

— Спасибо, сначала попробуем пофехтовать.

Начал драться и выиграл все предварительные. Попал в полуфинал. А там сложилась ситуация тяжелая: восемь участников, каждый проводит по семь боев, четверо выходят в финал. Это очень сложная формула — даже с пятью победами можно вылететь.

Первый бой — с Умяром Мавлихановым. Ну, думаю, ему, наверное, проиграю. А дальше постараюсь что смогу выиграть, чтобы ему было легче. Начал ему помогать — и выиграл у всех. А у Мавлиханова что-то не пошло, и в финал он не попал.

Едем на финал. В машине говорю:

— Ребята, что-то совсем плохо себя чувствую — устал. За медали вы уж сами боритесь. Мне, видно, не удастся сделать ничего путного, гожусь только в помощники.

И вдруг слышу:

— Ну уж нет, Дод. Нечего прибедняться. Вот ты решил помогать Мавлиханову, а что вышло? Борись! Медаль команде необходима!

И кто это говорит? Марк Ракита и Лев Кузнецов! Им ли объяснять, что я уже полгода на тренерской работе, когда они оба все это время у меня же и тренируются?

Финал выиграл. Стал победителем турнира. Все венгерские «старики» — Ковач, Геревич, Карпати — знали, что я сошел, и понимали, чего стоила эта победа. Да и вообще, публика в зале собралась «посвященная». Ведь сабля — венгерская национальная гордость. Многие венгры интересуются фехтованием, а уж военные — обязательно; даже министр обороны и его заместитель, которые тоже были в зале, раньше пробовали фехтовать. Все лучшие фехтовальщики — и свои, и зарубежные — известны в Венгрии наперечет. Мне аплодировали, наверное, минут десять…

На дорожке я выглядел скорее всего не слишком впечатляюще. А после соревнований не мог даже дойти до автомобиля — меня вели под руки.

Но на следующий день, когда начались командные поединки, в финальном матче с командой Польши, которая три месяца тому назад стала чемпионом мира, хоть и двигался по дорожке из рук вон плохо, хуже не бывает, не проиграл ни одного боя.

А уже по дороге домой пришлось принять решение, по сути довольно жестокое: не драться больше с учениками в соревнованиях. Значит, не участвовать.

Эту установку в принципе выдержал. Отступил лишь считанное число раз, в педагогических целях, главным образом с Марком Ракитой в первые три-четыре года совместных

тренировок. Видя его недостаточно готовым, несобранным или слишком уверенным, я вызывал Марка на словесную дуэль, в результате которой начинал вести полушуточный тренировочный бой. Исход боя для меня был безразличен. Он же бой всегда принимал всерьез, и поставленную цель удавалось достигнуть.

РУССКАЯ АТАКА

Старший тренер сборной команды в каком-либо виде фехтования — звание общественное, это не штатная должность. Федерация избирает его, и на сборах он должен тренировать всех тех, кто приезжает без тренера, и присматривать за остальными.

И вот я тренирую сборную команду СССР, и более важных забот у меня нет. Цель одна — выиграть Олимпийские игры в Токио. И делать это надо будет с теми же людьми, которые были со мной на чемпионате мира в Турине. Конечно, один-два человека могут смениться — из-за травмы, например, или еще какой-нибудь случайности, но костяк все равно останется. В фехтовании изменения происходят не слишком быстро.

В Турине из спортсменов старшего поколения были Череповский, Кузнецов, Рыльский, из молодых — Мавлиханов, Асатиани и Житный, впервые тогда попавший в сборную команду. С ними и началась моя работа. Я постоянно давал уроки Раките, Кузнецову, а чуть позже и Житному. В том же зале каждый день тренировался и Мавлиханов. С ним занимался, в основном, Аркадьев, но нередко бывало и так, что Виталий Андреевич, занятый другими делами, передоверял этого своего ученика непосредственно мне. Рыльского же я нечасто видел в обычное время, потому что он тренировался в «Динамо», но на сборе и он был в сфере моего внимания, несмотря на то, что после чемпионата в Турине он снова занимался со своим постоянным тренером Иваном Ильичом Манаенко.

В общем, в той или иной мере все без исключения спортсмены сборной команды находились под моим контролем. Всем давал уроки. И оказался недостаточным мой багаж спортивной педагогики: все-таки до сих пор мастеров высшего класса в таком количестве тренировать не приходилось. Пришлось, «прогоняя» в уроках, буквально переворошить весь арсенал известных мне средств нападения и защиты. Пробовал и такие приемы, которые могут быть использованы одноразово, эпизодически. И вот один такой прием, вышедший когда-то за ненадобностью из употребления, помог нам найти новую, перспективную форму нападения.

В свое время в 1951 году, когда вся группа аркадьевских учеников анализировала итоги первой встречи с венграми, среди всего прочего мы заметили некоторую странность в передвижениях по дорожке двух венгерских фехтовальщиков — Ковача и Пешти. Они оба иногда не совсем обычно начинали известную атаку «стрелой». Как правило, в этой атаке

фехтовальщик из боевой стойки в прыжке выдвигает сзади стоящую ногу и, приземляясь на нее, заканчивает нападение небольшой пробежкой. Таким образом, получается, что во время первого же шага ноги как бы скрещиваются, и в этот момент совершается попытка нанести удар.

Ковач и Пешти поступали по-другому. Они начинали с выпада ногой, стоящей впереди; резко притопнув и набрав инерцию движения вперед, переходили в бег. Все это выглядело так, будто им нужно было перепрыгнуть через большую лужу с камнем посередине, от которого они с шумом и отталкивались.

Тогда, в 1951 году, мы старались перенять у венгров все их «секреты», и, конечно, этот прием каждый из нас не один раз попробовал. Однако он у нас не прижился. Не встречали мы его впоследствии и у венгров.

После Мельбурна мне снова пришлось вспомнить об этом приеме. Я часто проигрывал одному из членов сборной команды, Леониду Богданову. Он начал фехтовать, когда был солдатом, занимался у себя в части без тренера, поэтому некоторые его действия в поединке были своеобразны и неожиданны. Так, например, на атаку противника он как бы шарахался в испуге, отклоняя назад голову и туловище, в то время как рука с оружием оставалась вытянутой вперед. Создавалось ложное ощущение, что он чуть отступил. И нужно тут же удлинить атаку, чтобы все-таки его достать. Задержка противника давала Богданову выигрыш во времени, и он успевал нанести удар. Никто, кроме «автора», повторить этот номер не мог. Неизвестно почему, его обозвали «секонд». И против этого «секонда» необходимо было найти средство.

Оказалось, что Богданов опережал противника не потому, что делал контратаку быстрее, а как раз потому, что она была несколько позже, чем ожидалась. Просто пугающее шараханье вызывало ответное замедление у противников.

Находка оказалась до смешного простой. В фехтовании условный отрезок времени, который нужен, чтобы опередить нападение, называется «темп». Значит, атаки нужно делать продолжительностью полтора «темпа», а не один, и Богданову их не удастся опередить, если нападение начинать с расстояния на полметра дальше, чем принято. Действия Ковача и Пешти как будто были для этого придуманы.

Буквально через год Леонид Богданов закончил выступления — и прием вышел из употребления.

Сейчас любой 15-летний фехтовальщик может небрежно бросить: «Я сделал атаку в полтора темпа!» А в былые времена это выражение вызвало бы недоумение.

Когда мне в конце 1961 года пришлось начать тренировать сборную, все спортсмены опробовали и этот «номер». Общаясь со мною чаще других, Ракита и Мавлиханов стали применять его в тренировочных боях. Вырабатывалась новая координация движений, и они почти бессознательно начинали атаку со стоящей впереди ноги.

Лишь наблюдая практический эффект, я понял, что мы занимаемся вовсе не частным случаем. Вырабатывается новая форма нападения, очень эффективная и эффектная. И противник, который не понимает ее смысла и продолжает использовать общепринятую систему защиты с отступлением, становится абсолютно беспомощным. Его просто расстреливают в упор. Он мечется, как если бы на него неслась грохочущая, беспорядочно движущаяся махина! И варианты завершения атаки после определенной тренировки можно нанизывать на подобные нападения, как елочные игрушки. Ведь если противник начинает на подобную атаку отступать, то из полутора темпов она превращается в атаку в два-два с половиной темпа. Ну а такая атака занимает около двух секунд, атакующий фехтовальщик успевает за это время несколько раз среагировать на изменяющуюся ситуацию и варьировать завершающую часть нападения.

Первым же следствием новшества был резкий скачок в мастерстве, который сделал Мавлиханов. Он был более опытный и физически более мощный, чем Ракита. Движения его крупного тела очень заметны: уж если он топнет — это весьма впечатляет! Выражаясь языком науки, воздействие на зрительные анализаторы противника у него сильнее, значит — эффект значительней. А вскоре эту атаку в полной мере освоил и Ракита. Правда, на первых порах ему еще не хватало опыта, да и класса, чтобы добиться заметных успехов в личных соревнованиях. Но за команду он стал драться очень хорошо.

Эта атака настолько органично вошла, например, в комплекс средств ведения боев у Мавлиханова, что даже как бы стала стержнем, который соединил их в нечто целое, резко увеличив его спортивную силу.

Умяр Мавлиханов побеждал почти во всех международных личных турнирах в период 1962–1964 годов. Трижды подряд был первым в Мемориале Отто Финского, и польским хозяевам пришлось отдать ему приз навсегда. Очень сильный фехтовальщик, он между тем тяжело переносил психическое напряжение. Тренерам часто приходилось «брать его под охрану». В ходе командных поединков, где каждый спортсмен должен встретиться по разу с каждым из четырех представителей другой

команды, как правило, два боя становятся особенно ответственными — первый и последний. Здесь от спортсмена требуются особенно устойчивая к помехам психика и максимальная нацеленность на победу. Мавлиханова обычно ограждали от таких перенапряжений — он мог не выдержать. Но «спрятавшись», он становился исключительно сильным и не раз приносил команде по четыре победы.

Надо отметить, что успехи, которые дал новый способ атаки, имели неожиданный побочный эффект. Лучший советский саблист того времени Яков Рыльский не мог отныне выиграть у Ракиты и Мавлиханова почти ни одного боя. Его самым сильным качеством всегда была предельная бдительность, с которой он, отступая, парировал любые атаки. До сих пор многие наши фехтовальщики говорят, что такой надежной защиты, как у него, не было больше ни у кого и никогда. Но полуторатемповой атаки не выдержал первым именно Рыльский. После 1961 года он только один раз был призером первенства СССР, в то время как до этого пять раз становился чемпионом! На мировых же первенствах, во встречах с зарубежными фехтовальщиками он продолжал показывать отличные результаты: в 1963 году стал чемпионом мира в личных соревнованиях в третий раз, в Токио был четвертым, попал в финал мирового чемпионата 1965 и 1966 годов и вообще сошел только в 1968 году. Бесспорно, он по-прежнему входил в число самых сильных в мире, но… при этом проигрывал Раките и Мавлиханову.

По поводу эффективности атак у советских саблистов в те годы в журнале, издаваемом Французской федерацией фехтования, писали: «Берегитесь: русская атака!» Об одном только можно было пожалеть — почему раньше все это не пришло в голову! Может быть, и самому удавалось бы чаще выигрывать… Мне не пришлось увидеть Олимпиаду в Токио. Ездивший туда с командой Лев Кузнецов рассказывал мне о финальном матче:

— Знаешь, когда кончились бои, никто особенно не прыгал, не кричал, не обнимался… Ребята приехали в Олимпийскую деревню, разбрелись по углам и притихли. Кто-то прикрыл лицо рукой, кто-то отвернулся к стенке. Да что и говорить — у меня у самого, по правде сказать, были мокрые глаза.

Чтобы понять, что значила для нас эта победа, нужно вспомнить всю историю борьбы, приведшей к ней, все с самого начала — поражения, обиды, ошибки… И поиски, напряженные поиски многих людей, зажженных общим страстным желанием — увидеть на верхней ступеньке пьедестала почета советских спортсменов.

Олимпиада в Токио стала триумфом в истории советского

сабельного фехтования. В личных соревнованиях в ходе исключительно трудной борьбы Мавлиханов и Рыльский смогли занять лишь третье и четвертое места, но зато в командных…

Умяр Мавлиханов выиграл все бои с поляками, которые до этого победили в четырех мировых первенствах подряд. В том же матче Ракита принес команде три победы, проиграв только один бой. А в финальном матче с итальянцами отличился еще и Нугзар Асатиани — три победы. Впервые чемпионом Олимпийских игр стала советская команда, отобрав этот титул у венгерских саблистов, которые сорок лет без перерыва удерживали олимпийское первенство!

Победа в Токио значила не только то, что советские саблисты сильнее всех в 1964 году. Это было решительное восхождение на пьедестал! С тех пор каждый знал: мы можем! И спортсмен говорил себе: значит, я должен! С тех пор сабельная команда выигрывала одну или две золотые медали на каждой олимпиаде.

* * *

За массой повседневных дел время летит с безумной скоростью, и для тренера оно измеряется не днями и неделями, а продолжительностью сборов, командировок, годичными и четырехлетними, олимпийскими, циклами. Но когда-то ведь надо приостановиться, оглянуться, подвести итоги своего труда… Победа сабельной команды на Олимпиаде в Токио — хороший повод для серьезных размышлений о будущем.

Пора было мне определяться в своих «фехтовальных пристрастиях». Кроме педагогики меня давно привлекали и наука, и такая «прикладная» сфера деятельности, связанная с историей, как постановка поединков в театре и кино. Можно было бы выбрать занятие поспокойнее, тем более что звания, самые почетные в спорте, уже завоеваны.

Однако то дело, которое властно влекло меня к себе, никак не назовешь спокойным: готовить мастеров мирового класса значило во многом идти неизведанными путями.

Мне уже хорошо была знакома эта жизнь, и моя семья знала о ней не понаслышке. Помню эпизод, взбудораживший и развеселивший всю олимпийскую команду СССР, томившуюся от ожидания встречи с домом где-то посреди Тихого океана на теплоходе «Грузия». Мы возвращались из Мельбурна после Олимпиады и с нетерпением ждали каждой весточки от родных. Может быть, я волновался больше других. На то были основания: моя жена Марина ждала ребенка.

В вынужденном бездействии меня стали одолевать тревожные мысли, предчувствия. Не выдержал и послал в Москву телеграмму, которая, наверное, звучала слишком эмоционально.

Ответ получил в последних известиях по корабельному радио. Николай Озеров закончил рассказ о важнейших событиях и, обратившись прямо ко мне, выразительным голосом прочел: «Нет оснований для беспокойства. Марина». После этого дня три на палубах мне не давали проходу. Каждый встречный считал своим долгом проинформировать: «Ты слыхал? Оснований для беспокойства нет». Благодаря этой истории мне выделили во Владивостоке билет на единственный уходящий в Москву полугрузовой самолет, и, проведя в воздухе каких-то 36 часов, я одним из первых оказался дома.

Да, разделить время на рабочее и личное педагогу невозможно. Особенно в подготовке спортсменов высшей квалификации. Есть очень распространенная тренерская шутка, что их работа оценивается не «поурочно», а «помедально».

Деятельность тренеров в фехтовании неоднородна. В ней различимы три главных амплуа, каждое из которых может выполнять определенный человек, но силою обстоятельств один часто бывает в двух или трех лицах.

Наиболее типично для тренера ежедневное обучение одних и тех же людей в клубе или секции, со всеми педагогическими горестями и радостями, которые сопутствуют усилиям по превращению сильного фехтовальщика в одного из сильнейших. Кроме того, кто-то же должен руководить подготовкой команд городов, республик, спортивных обществ, наконец, сборной СССР. Но ведь не все спортсмены приезжают на сборы со своими тренерами — это нецелесообразно: педагогов оказалось бы больше, чем спортсменов. И «беспризорных» в интересах команды поручают тренировать прибывшим специалистам, которые объединяют в одну группу «чужих» учеников со своими.

И все же тренер в фехтовальном спорте, в каком бы амплуа ему ни приходилось выступать, немыслим без собственных учеников, обучаемых постоянно. Но этих собственных учеников надо еще найти, открыть (вернее, находить и открывать всю жизнь), сделать так, чтобы слова «мой тренер» они произносили не по обязанности. Если же это удается, то возникает «связка» на всю жизнь.

ГЛАВА 4
«СВЯЗКА» НА ВСЮ ЖИЗНЬ

ПОДАРОК ДРУГА

Заветное рядом

Однажды осенью 1961 года ко мне подошел Генрих Булгаков, мой старый друг, один из тех, кто входил когда-то в нашу «аркадьевскую компанию». Она составилась еще в конце сороковых годов, в основном из учеников великолепного детского тренера Раисы Ивановны Чернышевой. Собрав заброшенных, полубеспризорных детей, слонявшихся по улицам Москвы, она стала заниматься с ними фехтованием в старом зале под трибунами стадиона «Динамо». Бывшие юные динамовцы до сих пор помнят не только ее уроки, но и тот знаменитый чай с булочкой, который ей удалось организовать в те трудные годы для своих питомцев. Раиса Ивановна была необыкновенным тренером. Сама замечательная фехтовальщица, сестра известного хоккейного тренера Чернышева и жена не менее знаменитого фехтовального специалиста Аркадьева, она, конечно, в своей области обладала высокой культурой, которую и передавала маленьким спортсменам. Достаточно сказать, что из ее учеников вышли многие блестящие фехтовальщики: Лев Кузнецов, Марк Мидлер, Леонид Лейтман, Генрих Булгаков, Валентина Растворова, Алексей Никанчиков и даже дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Алексей Елисеев, чемпион СССР 1956 года по фехтованию на карабинах со штыком.

Многие из перечисленных впоследствии стали тренироваться у Виталия Андреевича Аркадьева, подружились с другими его учениками. Мы занимались вместе, а главное — вместе пытались докопаться до сути многих вопросов, связанных со спортивной тренировкой и спецификой фехтования. И дружба эта прошла через всю жизнь.

Так вот, Генрих Булгаков, заслуженный тренер СССР, был много лет штатным тренером ЦСКА. К началу 1961 года прошло уже три сезона, как он тренировал Марка Ракиту. Мы не раз говорили с Генрихом обо всех наших проблемах, и в том числе о его учениках. И вдруг он с каким-то особым видом подходит ко мне, усаживает на скамейку и заводит разговор, который сворачивает в одну и ту же сторону: есть ли у Ракиты достаточный потенциал для достижения уровня мирового класса?

Раките было тогда уже 23 года, но, несмотря на это, мне думалось, что перспективы у него есть. Однако у многих специалистов были на этот счет серьезные сомнения. Главное из

них то, что Ракита — «медленный», с фехтовальной точки зрения, движется и реагирует недостаточно быстро.

— Ты же видишь, — убеждал я Генриха, — сильнейшие наши с ним мучаются. Очень тяжело дерутся и нередко проигрывают. Ну а то, что я у него часто выигрываю, легко объяснить. Ты же знаешь, что мы оба «медленные». Меня этим не удивишь.

— А взялся бы ты тренировать такого? — спросил Булгаков.

— Конечно!

— Тогда я тебе его дарю! — И Генрих хлопнул меня по колену.

— Но почему? У тебя с ним хорошо получается — за три года он заметно вырос…

— Знаешь, я чувствую, что из вашего союза будет толк. Это во-первых. А во-вторых, я же больше думаю о шпаге.

Мы помолчали.

— Ну а он как?

— Он просто мечтает работать с тобой, Давид!

А через день Ракита уже сам заговорил со мной об этом. Так у меня появился первый ученик.

Вскоре обнаружился и второй. Им стал Лев Кузнецов. Мы четырнадцать лет прошли вместе в различных сборных командах, и теперь, когда я сошел, а он еще оставался действующим спортсменом, «последним из могикан», положение его складывалось не просто.

— Ты знаешь, — сказал он мне, — осталось выступать немного. Все тренеры потеряли ко мне интерес, а Виталий Андреевич, как всегда, загружен по уши… Да он сам меня послал к тебе. Давай бери меня!

И пришлось тренировать первого советского фехтовальщика, завоевавшего бронзовую медаль в личном первенстве на Олимпийских играх 1956 года в Мельбурне, одного из тех, с кем вместе удалось днем раньше завоевать тоже первую в советском фехтовании бронзовую медаль командного первенства.

Что ты можешь, ученик!

В то время Марк Ракита, по силам входя только в десятку фехтовальщиков страны, тем не менее успешно дрался с двумя спортсменами, которые по праву считались первыми номерами нашей сборной, — Рыльским и Кузнецовым. С ними он имел даже положительный баланс встреч — выигрывал чаще, чем проигрывал. Причем проигрывал, как правило, решающие бои для выхода в следующую ступень соревнований, и объяснялось это, конечно, возраставшей ответственностью, а также тем, что судьи

непроизвольно нередко помогали спортсменам, имеющим громкое имя и авторитет. В сабле, где нет электрофиксации ударов, такое случается. Но все-таки каждая победа над Ракитой давалась всем с великим трудом.

Мне же он почти всегда проигрывал, и ему казалось, что я знаю почему. Мы с ним долгое время, даже когда он был уже сильнейшим в мире, случалось, конечно, в шутку «считали раны»:

— Признайся, Марк, если у нас было сто боев, то из них примерно девяносто семь ты проигрывал, — поддразниваю его.

— Хорошо, пусть три, но зато как я это сделал!

— Конечно, раз их было всего три, ты до сих пор помнишь, как это сделал.

Ну а когда он был еще молодым фехтовальщиком, ему страшно хотелось узнать, почему он проигрывает. Возможно, что и поэтому он стремился у меня тренироваться.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что главная беда не столько в том, что Ракита не обладал природными стартовыми быстротами, сколько в том, что его манера боя сложилась стихийно. И, как оказалось, делая атаки, он все-таки мог достичь нормальной скорости. Но ему всегда это стоило больших волевых усилий. Поэтому он интуитивно не делал ставку на быстроту и в конце концов стал передвигаться нарочито медленно: так он оказывался более результативным. И получались движения, напоминавшие замедленную киносъемку.

Вот уже три-четыре месяца, как официально тренирую Ракиту. Мы усиленно отрабатываем технику атаковых движений; она в какой-то мере является и средством развития быстроты. В один прекрасный день мне показалось, что его уже можно кое за что похвалить:

— Молодец, Марк, ты явно стал быстрее!

Мы только что закончили урок. Марк получил большую физическую нагрузку и, конечно, после тренировки был совершенно мокрый — хоть выжимай майку и нагрудник. Мы сидели рядом на скамейке, и он, опустив плечи, устало смотрел куда-то в угол зала:

— Утешаешь меня… Нет уж, видно, как был я самый медленный, так и останусь…

— Нет, Марк, это не так. Ты не можешь быть быстрым всегда. Но когда надо — раза три-четыре в одном бою, — ты собираешься, сосредоточиваешься и делаешь! Да большего тебе и не нужно. Конечно, есть люди, которые все делают быстро, накатисто, темпераментно, так сказать, на взводе. Для них заставить себя не торопиться — пытка! Ты не такой. Ну и что? Того, что отпустила тебе природа, вполне достаточно, если,

конечно, правильно все использовать.

— Придумываешь. Раз все говорят, что я медленный, значит, это так.

— А вот тут-то ты и не прав! Начнем с того, что у тебя очень слабые ноги.

— Как?! — вскинулся он. — Да ты только посмотри!

Ничего удивительного, что он так возмутился. Ракита никогда не производил впечатления слабенького. Он широк в кости, выше среднего роста, и ноги у него — крупные, пропорциональны всей фигуре. В общем, по виду скорее можно было предположить, что ему место в борцовском зале.

— А вот сейчас проверим, — говорю я ему и двумя пальцами, как бы пытаясь ущипнуть, собираю ему кожу на бедре. — Видишь, вот она твоя жировая прослойка, в три пальца! А теперь попробуй-ка у меня. Попробовал? Ну вот, у меня не больше чем полсантиметра. Так что, милый мой, если из нас с тобой сделать муляжи для анатомички — срезать кожу и жир, — то твои ножки будут во-от такие, как спички! А мои — почти как сейчас. Понял теперь? Откуда же возьмется скорость? Чем ты толкаешься? У тебя только и есть что кости и маленькие тоненькие мышцы.

Надо было видеть его лицо в этот момент! Такое на нем было написано недоумение, такая детская обида!

— Что же теперь делать? — растерянно спросил он. — Может, мне штангой дополнительно заняться? Но тогда мои ноги вообще превратятся в тумбы.

— Нет, дорогой мой. Ты думаешь, почему мы все время столько занимаемся атаковыми движениями? Мы параллельно решаем две задачи: развитие физических качеств и совершенствование техники. А для штанги у нас сейчас нет времени. И вообще, тебе о таких вещах не надо беспокоиться — этот вопрос мной продуман.

Прошел год. Как-то на тренировке он в очередной раз пристал ко мне с выяснениями, почему я даю ему завышенные задания. Он вообще все время пытался поймать меня на том, что я произвожу над ним какие-то тренерские эксперименты. И хоть не отказывался быть подопытным кроликом, однако на роль без слов не соглашался. Иногда его деятельное творческое участие в поисках только помогало мне, но иной раз ради чистоты эксперимента он должен был оставаться в неведении, и тогда мне приходилось вертеться как ужу. Марк проницателен, а главное — всегда был ужасно любопытным. Меня спасало то, что с самого начала удалось создать себе у него репутацию «провидца», но, чтобы она работала на меня, ее приходилось постоянно поддерживать, пользуясь каждой возможностью.

И вот мы спорим о чем-то, и вдруг взгляд мой упал на его ноги. Он, конечно, давно забыл о том случае с измерением жировой прослойки.

— Да, кстати, Марк, помнишь твои тревоги относительно силы и объема ног? Как сейчас?

Мы измерили толщину жировой прослойки, и, как и следовало ожидать, она уменьшилась раза в три, в то время как объем бедра не только не увеличился, но даже определенно стал меньше. Вытянув ноги, он рассматривал их, будто впервые увидел.

— Смотри, Дод, вроде и форма другая — были круглые, а теперь и мускулатура просматривается…

— А что ж. Ты, так сказать, переплавил жир на металл. И скорости тебе, кажется, в нужных случаях хватает.

Против этого нечего было возразить. Недавно закончилось первенство СССР, где он впервые стал чемпионом. А за несколько дней до его начала между нами состоялся разговор, в котором мне снова пришлось заняться предсказаниями. К тому времени Марк очень сильно прибавил. У него были уже такие завидные качества, как безоглядная нацеленность на борьбу в процессе боя и устойчивость к внешним помехам. Когда мы начинали, его тактический репертуар был бедноват, и от этого он вел очень длительные бои — выжидал, пока сложится ситуация, которой он мог воспользоваться. Оказалось, он смел в своих решениях, ему просто не хватало багажа, чтобы реализовать свои замыслы.

Перед началом первенства как раз настало время оценить то, что мы сделали. В циклических видах спорта ведь вообще принято планировать результат, который спортсмен должен показать на соревнованиях. Тренер обязательно ставит ученику определенное задание. В единоборствах это намного труднее. Однако когда Марк спросил меня, на что он может рассчитывать на первенстве, мне пришлось детально разобрать все его шансы.

— Объективно говоря, ты сейчас не уступаешь любому из сильнейших наших саблистов, способен даже быть чемпионом. Не уверен, правда, в том, что это сразу же поймут и судьи. Поэтому маловероятно рассчитывать на первое место. В разное время ты уже выигрывал у каждого из соперников и теоретически ты, бесспорно, можешь в один день выиграть сразу у всех. Но практически… Думаю, что даже при самом плохом раскладе ты займешь где-нибудь с шестого по десятое место. А если тебе удастся попасть в финал, это будет даже справедливо.

На первенстве он уверенно дошел до полуфинала, а дальше стало труднее. Борьба оказалась крайне запутанной, да и система проведения первенства была необычной: полуфинальные победы,

как в спортивных играх, засчитывались в финале. В последнем бою жребий свел его с Умяром Мавлихановым. Тот, кто выигрывал, попадал в финал, проигравший выбывал из соревнований. У Мавлиханова было неизмеримо больше опыта: он уже побывал на трех мировых первенствах и на олимпиаде. Правда, у Ракиты бои с ним всегда проходили психологически ровно — они дружили, вместе тренировались. Мавлиханов был способен на более высокие всплески мастерства, но менее устойчив в борьбе. Это сказалось, и полуфинальный поединок он проиграл, — видимо, как раз потому, что он был решающим.

Итак, Ракита попал в финал.

— Вот видишь, — сказал я тогда, — все правильно, твое место в финале. Если провести десять соревнований между сильнейшими и подсчитать среднестатистические данные, тебя из восьмерки лучших сейчас никак не выбросить. Конечно, в турнире могут быть всякие случайности, но сегодня их не было — и ты оказался на своем месте. Самое интересное, что ты — совершенно другой! Ты бы себя прежнего просто не узнал. Ведь фехтуешь на совершенно новом материале! И главное — для всех это непривычно: они выходят еще на старого Ракиту.

По тогдашней формуле соревнований в финале оставалось провести всего четыре боя с победителями соседнего полуфинала. Ракита подошел к финальным боям, имея одну победу и два поражения.

Перед каждым боем подходил и говорил ему две-три фразы о предстоящих соперниках, и все. Было видно, что моя помощь ему не нужна. Он выиграл один бой, за ним — другой. Все шло хорошо, но итог был неизвестен, потому что почти все участники финала к тому времени имели приблизительно равное количество побед и поражений.

Третий бой у него был с Яковом Рыльским. Труднейший бой, и этого следовало ожидать, так как с ним Ракита всегда дрался упорно. Судьи невольно помогали Рыльскому — естественно: он чемпион мира, лучший фехтовальщик страны, и некоторые удары Ракиты казались им случайными. Особенно их нерешительность была видна, когда счет стал 4:4. Не меньше пяти схваток были оценены как сомнительные. Понятно, судьи хотели, чтобы такому знаменитому фехтовальщику, как Яков Рыльский, был нанесен бесспорный удар. А это не так-то просто сделать: чуть дальше, чуть ближе — и в результате кто-то говорит «был удар», кто-то — «не был», кто-то воздерживается, и снова назначается схватка, и опять расхождения среди судей, фехтовальщики возвращаются в позиции и начинают еще раз… И все-таки дождались такого — бесспорного — удара. Его нанес Ракита и выиграл бой. А когда

Марк, к удивлению многих, выиграл и последний свой бой, оказалось, что только Асатиани набрал такое же количество побед — пять — и, значит, им предстоит перебой за первое место! Мне ничего не нужно было говорить своему ученику: Марк был готов к поединку. Он довольно быстро выиграл у Нугзара Асатиани и стал чемпионом Советского Союза!

Он спустился с дорожки, и на него сразу набросились друзья, стали поздравлять, обнимать. Минуту-другую продолжалась эта счастливая суета, потом вижу: он опомнился и начал искать меня глазами. Наконец подходит. Я стою у колонны в стороне и, так сказать, издали наблюдаю за процедурой. Он высвобождается из объятий, подходит ко мне:

— Ну, что скажешь?

Такое ликование было у него в голосе, в лице, в каждом движении! Его просто распирало от счастья, внезапно свалившегося на голову.

— Очень рад, Марк! Не сомневался, что ты выиграешь перебой. Еще до чемпионата было ясно, что сейчас ты не слабее любого. Все шло в лучшем виде, ты боролся за каждый бой, не думая о медалях, просто старался выиграть каждую схватку, нанести каждый удар… А уж когда дошло до перебоя — нервы у тебя крепкие… Но тебе же говорили, что при удачном раскладе ты сможешь стать чемпионом.

Он не мог понять моего спокойствия. Он все еще не верил, что меньше чем за год достиг того, с чем совсем было уже распрощался, даже в мечтах. Его очень долго не признавали, считали бесперспективным, отказывали в фехтовальном таланте. Хотя по юношеским результатам он был сильнейшим в Союзе, его не только ни разу не взяли на первенство мира среди юниоров, но даже на сбор ни разу не пригласили. Он видел, что дерется не хуже других своих сверстников, а часто даже лучше. Но начинал уже думать, что, может, и правда — специалистам со стороны виднее. До комплекса неполноценности ему, конечно, было далеко. Марк обладал очень устойчивой психикой, однако постоянные сомнения в своих возможностях привели к тому, что мечта о высших результатах стала казаться ему почти недостижимой.

Кем является тренер

За двенадцать лет совместных тренировок мне удалось заиметь непререкаемый авторитет в глазах ученика, несмотря на то, что по складу своего характера Марк был самостоятелен в суждениях, несколько ироничен и очень активен. Он стал уже

обладателем многих наград, чемпионом мира, однако в наших отношениях ничего не менялось: как бы много он ни умел, в решающий момент оказывалось, что есть еще многое, чему следовало научиться.

— Видишь, — жаловался он мне где-нибудь на соревнованиях, — я сегодня никуда не гожусь! Дерусь плохо, и судья плохой, и противник неудобный, ничего не получается, и вообще не вполне здоров…

— Это ты зря, — приходилось настраивать его. — Не так-то у тебя все и плохо, тебя и сейчас голыми руками не возьмешь! А будешь слушаться — попробуем выиграть.

И он слушался. И что-нибудь придумывали и побеждали не раз вместе.

Чтобы предупредить возможную психическую перегрузку тренировок и боев, напряженного переживания за результат, всегда говорил ему: «Между нами должно быть разделение труда». Авторитет — авторитетом, а мне нужно было четко определить направленность его творчества в поединках. Но, кроме того, нерационально было искать в Раките только безгласного исполнителя. Он был способен на неожиданные решения, находки, и нужно было создать для этого благоприятную обстановку.

По этим принципам и строилось паше распределение обязанностей: «тренер — придумывает, ученик — выигрывает». И в пределах задания он получал полную свободу для импровизации. Его задача была изучать противников, не упуская ни одной мелочи. И все, что ему удавалось зачерпнуть, мы обдумывали сообща. Потом наступала моя очередь — принять решение и сформулировать задание, а после этого ему предоставлялась полная свобода в том, как выполнить задание.

Ракита очень любил помногу тренироваться, как правило, его не приходилось заставлять работать. Но иногда, когда до конца тренировки оставалось минут пять, я говорил:

— Хватит, на сегодня закончили.

— Почему? Я не устал, — возмущался он. — Ну, еще один бой!

— Все! — Уговорить меня ему не удавалось.

Я не боялся, что он перетренируется — при его «запасах» тренированности это ему не угрожало. Но зато, когда на тренировке или соревновании приходилось добиваться, чтобы он работал сверх сил и желания, я мог настаивать на своем.

— Не могу, Дод. Видишь, все из рук валится, так устал, — начинал говорить он.

— А, перестань, — отвечал я. — Ты устал! Лучше посмотри,

как устал твой партнер. Тебе легче, ты же позиционщик и двигаешься меньше — только в тактических целях, а все остальные двигаются во много раз больше потому, что движение для них — фон боя. Так что нечего жаловаться! Ты можешь! Пошел! Запасы у тебя еще есть.

Маленькая хитрость становилась могучим рычагом для того, чтобы побудить его проявить волю: он безгранично мне доверял. А ведь однажды, еще до нашей встречи, он испытал жестокую перетренировку. Тогда он был в числе жаждущих попасть в ученики к Виталию Андреевичу Аркадьеву. А таких всегда было очень много. Виталий Андреевич любил присматривать сразу за большим количеством спортсменов. Поглядывал, иногда давал кому-нибудь из жаждущих урок, иногда наблюдал за поединками и при этом присматривался, что за человек, возможен ли с ним контакт. Круг же его признанных учеников был очень ограничен, и это естественно: он же не мог всерьез заниматься с многими — не хватило бы времени, да и сил. Никто из нас молодым его вообще не помнил, все последние тридцать лет это был пожилой человек, который просто не в состоянии давать в день больше четырех-пяти уроков. Да и это удивительно в его возрасте — к концу тренировок он всегда был мокрый до нитки. Он вообще всегда имел учеников больше, чем мог осилить. И плюс к этому — много «кандидатов».

Естественно, за Ракитой не было надлежащего присмотра. А сам он совершенно не знал меры в своем желании драться. В результате — перетренировался и некоторое время себя очень плохо чувствовал и слабо выступал. Он очень тяжело переживал свое состояние и с тех пор очень боялся повторения чего-нибудь подобного.

А ведь чтобы поднять уровень мастерства, необходимо быть готовым к длительной, изнурительной работе. А значит, мне следовало убедить его в том, что его нагрузки взвешиваются мною с аптекарской точностью. Он должен был быть спокоен за себя.

Со всеми своими учениками я вел себя приблизительно по такой же схеме. Тщательно продумывал каждое свое слово, возможное его воздействие и диапазон его истолкований. Оценки и «предсказания» давал только после долгого анализа всей ситуации. Держался даже с самыми молодыми просто и по-товарищески, только был для них старшим. Поэтому часто удавалось сделать так, что и «предсказания» носили коллективный характер: мы строили прогнозы вместе с учениками. А уж если случалось допустить ошибку, спешил найти ее первым и немедленно сказать об этом. Считаю, что это

нисколько не вредило моему авторитету, а, может быть, наоборот, и укрепляло его — нет таких, кто бы не ошибался, важно не бояться отдать себе в этом отчет.

С Ракитой у нас всегда были близкие отношения, мы по-настоящему были друзьями. Называли друг друга по имени, ходили вместе в кино, часто селились в одной комнате — в общем, нам было не скучно друг с другом и помимо фехтовального зала. Незаметно, но очень быстро получилось так, что ни одно его личное дело не решалось без моего совета и участия. Он жил без отца и без матери. Мать его рано умерла, у отца возникла новая семья, и Марк жил со старшей сестрой. В юношеском возрасте он был лишен мужского присмотра и влияния. А его сестра, очень хорошо это понимая, все время просила за ним присмотреть, потому что характер у Марка — не ангельский: озорной, смелый, упорный. Можно было ожидать от него чего угодно. Стать тренером в этой ситуации было мало. Надо было становиться для него сразу же и отцом, и братом, и товарищем.

А потом на него посыпались спортивные успехи, жизнь приобрела настоящую цель, мечта понемногу воплощалась в реальность, и это нас еще больше сблизило. Настолько, что он даже начал мне подражать, вплоть до мелочей. Ну, например, у меня при себе всегда были фотографии жены и сына. И он тоже завел такую привычку — носил фотографии жены и… тренера. Узнать об этом довелось совершенно случайно. Однажды на сборе я подошел к группе тренеров сборной команды, с ними стоял и Марк. У него спросили какую-то квитанцию, он раскрыл портмоне, и все увидели эти фотографии. Нет слов, мне было очень приятно! Да, не избалованы тренеры таким отношением к себе со стороны учеников.

Не раз повторял Раките: «Твое творчество — на дорожке, вышел — и изобретай себе на здоровье. Хоть ногами вверх, но — в пределах задачи». Следуя этой установке, Марк, большой любитель пошутить и побалагурить, разыгрывал из нее целые представления.

Соберут иногда команду, чтобы активизировать ребят, предложат им высказать свое мнение о системе тренировки, о плане занятий или хотя бы о распорядке дня на сборе. Обращаются, например, к Раките:

— Марк, ты капитан, скажи-ка, какие у тебя соображения?

— А какие у меня могут быть соображения? — делает он удивленное лицо. — Давид Абрамович уже все продумал, а мы выполним, как сказано.

— Да брось ты, — пытаются руководители вывести его из

роли, — мы и без тебя знаем, что ваши педагоги — народ опытный и что они тренируют со знанием дела, но ведь и вы бойцы со стажем. Ты-то сам что думаешь?

— А мне и придумывать уже не надо, — упрямо гнет свое Ракита, — все расписано «от» и «до». А мы все сделаем как надо.

Даже на тренировках, стоило ему увидеть, что стоит группа тренеров, он тут же подходил и с серьезным лицом спрашивал:

— Давид Абрамович, какое на сегодня будет задание?

Я отвечал: то-то и то-то надо будет сделать.

— Есть, — чуть ли не козырял он, — будет сделано! — И уходил.

Не всем это нравилось.

— А то ты и без тренера не знаешь, что тебе нужно делать! — кричали ему вслед.

— Не-а, — оборачивался Марк. Он не мог не оставить за собой последнее слово. — Давид Абрамович лучше знает!

Марк никогда не гнался за расположением к себе в благодарность за бессловесность, не пытался приспосабливаться. Откровенный, прямой, он, может быть, только уж слишком любил пошутить и поозорничать. Жаль, что эту его игру порой неверно истолковывали. А ведь поведение Марка могло бы послужить неплохим примером многим спортсменам, которые, добившись некоторых успехов, тут же начинают самовластно править своими учителями. О каком же содружестве, о какой плодотворной совместной работе может идти речь, если иной тренер никак не отделается от страха: вдруг он не сумеет угодить своенравному ученику и тот уйдет туда, где ему покажется лучше!

Кошки и мышки

Мне не нравилось выступать перед учениками в роли метра. По возрасту фехтовальная сборная чаще всего слоеный пирог. В самом деле, с Умяром Мавлихановым мы дружили и выступали раньше в одной команде. Потом я сошел, а в команду пришел Марк Ракита, и они тоже стали друзьями. Со Львом Кузнецовым и Марком Мидлером я пятнадцать лет вместе тренировался и соревновался, а затем стал их тренером. Часто в разговоре спортсмены забывали, что рядом с ними стоит не «Дод», а «тренер», и в результате я знал то, о чем обычно тренеру не докладывают. Ну, например, выспался ли мой ученик, как он себя чувствует, какое у него настроение и почему оно такое, а не иное. Если он уезжал без меня, то тренировался ли, сколько и как.

И хотя такая информация невольно помогала мне, пользоваться ею не всегда было удобно. Иногда, чтобы поднять

дисциплину или вызвать у беззаботно настроенного ученика некоторую тревогу, приходилось прибегать к небольшим уловкам. Например, к помощи… врача.

Врачом ЦСКА в 60-е годы начала работать Вера Власьевна Гайдай-Черткова. Она в свое время была мастером спорта по легкой атлетике, и мы были знакомы еще с тех пор. По моей просьбе она как-то вызвала Марка к себе на осмотр, предложила выполнить обычные пробы. Прослушала его, давление измерила…

Все шло как обычно. Вера Власьевна рисует свои зигзаги… И вдруг лицо ее хмурится:

— Знаешь, побегай-ка еще разок!

Спортсмен пожимает плечами, но повторяет пробу.

— А теперь иди сюда, я тебя еще послушаю.

Долго, старательно выслушивает.

— Как у тебя со сном? Все в порядке?

— Вроде не жалуюсь… А что такое?

— Нет, ничего, так, что-то померещилось… А аппетит? Питаешься нормально?

— Все у меня хорошо! Да что вы там увидели, Вера Власьевна? Все же как обычно.

Спортсмены — народ мнительный, Марк уже чуть не кричит.

— Понимаешь, вот этот уголок — взгляни сам — что-то он мне не нравится. И эта кривая при восстановлении не хорошо себя ведет… Но может быть, мне это показалось? Да, конечно, я уверена, что это пустяк. Нагрузки не снижай, тренируйся нормально… Но через пару-тройку дней я на всякий случай тебя еще посмотрю.

Мой ученик идет на урок в некотором смятении. Достаточно одного взгляда, чтобы определить это. Начинаю занятия, не подавая виду, что знаю, о чем шла речь в кабинете… Но делаю так, что получается у него не очень хорошо. Мы давно сработались, и он быстренько улавливает, что серии приемов идут хуже, чем обычно. В первый же короткий перерыв спрашиваю:

— Ну что сказали тебе у врача?

— Да ничего особенного…

— Что-то неважно урок сегодня берешь… и вообще какой-то вялый. Ну ладно, может, это и не ты виноват — сам плохо «подаю» оружие.

Урок заканчивается, больше к этому разговору мы не возвращаемся, и я его отпускаю.

Казалось бы, видимых последствий нет, но на душе у него не спокойно. И скоро мне становится известно, что те послабления в

режиме, которые он себе позволял, им самим же исключены. И спит, и ест нормально, и выполняет мои требования безупречно.

Когда он приходит к Вере Власьевне в следующий раз, она тщательно производит все измерения и, улыбаясь, говорит:

— Так я и думала, в прошлый раз произошло какое-то недоразумение. Вот теперь ясно видно — все у тебя хорошо, здоровье в норме.

А потом он идет ко мне на тренировку — и берет урок блестяще!

— Ну, — говорю ему, — молодец! А что врач сказала? Все в порядке? Значит, тревога была напрасной. Продолжай и дальше в том же духе.

Ну а на турнире поведение тренера должно быть особенно гибким. Состояние спортсмена во время турнира неустойчиво, особенно в начале борьбы. Допустим, выиграл твой ученик бой. Но это еще ничего не значит. Его арсенал еще полностью не проверен, он еще немного скован, тороплив или, наоборот, чрезмерно осторожничает, ведет длительные поединки, потому что боится проиграть и выжидает моменты, когда можно действовать без риска.

Гораздо лучше, если тренерская оценка в таких ситуациях неоднозначна, но при этом и правдива. В ней должны быть и похвала, и упрек. Если общий фон самочувствия благополучный, дегтя можно и нужно вылить не скупясь. И никакого ущерба ученику это не нанесет. Если же фон неблагоприятный, то сгущать краски не следует, однако видимые ошибки отметить все же необходимо. В первом случае лучше сказать:

— Да, молодец! Выиграл бой. Это важно. Но смотри: тут, тут и тут противник был очень хорош, а ты ускользнул просто чудом. А вот та ситуация для тебя была и совсем неудачная, тебе повезло, что судья просмотрел или не понял эту деталь. Ну а вот в этом, в этом и том случае ты ж мог нанести удар, согласись сам. Но этого не сделал. Почему? Конечно, многое сделал хорошо, на своем уровне, но кое-где тебя спасло только то, что противник допустил тактическую ошибку, другой может и не ошибиться.

Если же примерно так же проходивший поединок закончился поражением ученика, то более уместными будут такие слова:

— Неважно сложился бой. Но вспомни: здесь, здесь и здесь возможности нанести удар все-таки были, ты их просто не успел использовать. А вот в тех-то и тех-то случаях тебе не повезло: судья не заметил удара, потому что ты был недостаточно убедителен или при движении перекрыл ему сектор обзора. Но ведь он мог заметить, и тогда удар был бы засчитан. Значит, была масса упущенных возможностей. Использовать ты их, конечно,

мог, в следующем бою постарайся это сделать. Отдельные фрагменты боя у тебя были просто прекрасные! Но ты не смог овладеть полностью тактической инициативой и точно реализовать свои замыслы. Сейчас будет следующий бой. Помни: ты боеспособен и можешь драться значительно лучше.

Как правило, нужно стараться снять лишнюю тревожность, угнетающую человека, находящегося под угрозой проигрыша. Однако есть и такие спортсмены, которые именно в этом состоянии способны проявить все свое мастерство. Для них видимость опасности нужно сохранять постоянно, даже когда в действительности ее нет. Для максимального проявления своих способностей им необходимо все время быть начеку, опасаясь, что следующая ошибка станет роковой. Представьте себе, что такой спортсмен ведет борьбу с не очень сильным соперником или с тем, у кого привык выигрывать. Даже если ему все время твердить: «Надо, надо, надо!», это не вызовет у него состояния необходимого возбуждения и подъема. Он должен ощущать, «чуять» опасность, угрозу проигрыша. В ответ на нее он взорвется. Таков Марк Ракита, он по натуре слишком спокоен. А вот Сидяку, а раньше Марку Мидлеру было все равно, есть ли реальная угроза проигрыша, нет ли ее. Любой предстоящий бой, любая борьба моментально создавали у них необходимый накал.

Конечно, разбирая бой со спортсменом, нужно оперировать только действительными фактами. Если допустить хоть, небольшую натяжку, спортсмен сразу же это почувствует: сражался-то все-таки он. И тогда все тренерские увещевания пропадут впустую, или — еще хуже — вызовут снисходительную улыбку ученика.

Мексиканский кросс

Самым тяжелым для Ракиты был олимпийский, 1968 год, когда он выступал в ранге чемпиона мира, показывая очень высокие результаты, и, конечно, порядком истощил нервную систему. Тогда перед поездкой на Олимпиаду всех спортсменов собрали для акклиматизации на высокогорной базе в Цахкадзоре. И в первые же дни оказалось, что Марк не в форме: урок брал вяло, фехтовал плохо, просто на глазах превращался в «середняка». Ни беседы, ни внушения, ни приказания не помогали — он все делал без энтузиазма.

По давней привычке он поселился с Мавлихановым, с которым много лет дружил. Но к тому времени прошло года два, как Марк женился, изменились его бытовые привычки. И по складу они несколько различались. Умяр, например, ложился

спать часов в десять, просыпался на заре, а Марк вечером долго заснуть не мог, и подъем на зарядку превращался для него в пытку. Да и интересы у них к тому времени во многом уже были разными.

Иду к руководству команды:

— Положение серьезное. Боюсь, что наш первый номер угас. На Олимпиаде выступать успешно не сможет.

— Как это не сможет? Срочно предпримите что-нибудь!

— Думаю, что помочь может только одно: нужно вызвать на сбор его жену.

На меня покосились, проверяя, в своем ли уме.

— Додумался! Здесь все готовятся к Олимпиаде и все без жен. Председатель Спорткомитета Павлов на сборе тоже без жены! Что за принц такой твой Ракита?

— Тогда я к Павлову и пойду! Он поймет. Нужно изменить психологическое состояние спортсмена, хоть и таким способом. Уверен, что если приедет Света, все будет в порядке.

У меня были основания надеяться на это. Их судьбы схожи: оба очень рано остались без родителей, он — с сестрой, она — с братом. Но во всем остальном они до смешного разные. Он — активный, «заводной», шутник и зубоскал. Она — на редкость спокойная и уравновешенная, принимающая все его «штучки» с милой улыбкой.

В общем, Света приехала. Стояла чудесная погода. Они гуляли в горах, казались умиротворенными и веселыми. Напряжение, владевшее Марком, к концу сбора ушло. По результатам четырех кругов отборочных соревнований он вышел на второе место, следовательно, был вполне боеспособен.

В Мехико мы прилетели за две недели до начала сабельных соревнований. Этого времени должно было хватить и на акклиматизацию, и на окончательную подготовку. Кое-что мы успели и посмотреть — ходили на некоторые олимпийские состязания, гуляли по городу, но большую часть времени все же проводили в зале.

Мы не стремились скрыться от любопытных наблюдателей. Фехтовальщики Западной Европы любят до поры до времени поморочить противников. Итальянцы, например, не раз арендовали помещение специально для своих тренировок; бывало, прятались от чужих глаз и спортсмены других стран.

Мы занимались в общем зале, давали уроки своим ученикам совершенно открыто — пожалуйста, смотрите! Сможете научиться чему-нибудь — будем только рады. Наши фехтовальщики не раз участвовали перед соревнованиями в товарищеских матчах с командами разных стран, со многими

вместе тренировались. Тренеры только приветствовали такие начинания. Это снимало излишнюю напряженность в ожидании ответственных стартов, к тому же позволяло спортсменам расширить кругозор, познакомиться с будущими соперниками.

С иностранцами охотно вступали в тренировочные бои все наши ребята, в том числе и Ракита. И для него это было очень кстати. Ведь дома, где постоянно соревнуются друг с другом пять-шесть приблизительно равных по силе фехтовальщиков, борьба между ними протекает слишком уж напряженно. Каждый, даже тренировочный, поединок становится аргументом в их непрекращающемся споре. А это очень изматывает. Большинство же спортсменов из-за рубежа несколько ниже по классу, тренировки с ними проходят спокойнее. Марк чувствовал себя раскрепощенно и мог сколько угодно проверять на них свои тактические построения.

Все шло хорошо, и мне казалось, что Ракита вполне подготовлен к соревнованиям. Но сам он никак не мог избавиться от неуверенности и дурных предчувствий. Ему все помнилось, что на сборе в Цахкадзоре он только под конец начал входить в форму, а значит, считал он, сейчас никак не может быть на пике.

Начались предварительные туры, их было несколько, потому что участников собралось очень много. Марк миновал их сравнительно легко и вошел в число тридцати двух спортсменов, которые должны были продолжить борьбу. Им предстоял тур прямого выбывания, причем каждый должен был провести два боя на пять ударов с противником, доставшимся по жребию, и если он их выигрывал, то получал право продолжать соревнования. Если же один из двух боев заканчивался поражением, спортсмену приходилось драться в дополнительном, третьем, бою вновь на пять ударов, а вместе получалось уже на пятнадцать. Тем, кому не удавалось добиться победы в матче из трех поединков, представлялась возможность пробиться в финал через серию «утешительных» боев с остальными неудачниками.

Перед началом тура, когда шла жеребьевка, Марк потоптался возле меня и мрачно пробормотал:

— Только бы не попался Пежа…

На предыдущей Олимпиаде Ракита проиграл Тибору Пеже, а кроме того, он опасался, что авторитет венгерской фехтовальной школы может существенно повлиять на исход поединка — через судей.

И нужно же было такому случиться! Жребий свел его именно с Тибором Пежей, чемпионом Токийской олимпиады и, бесспорно, одним из самых сильных зарубежных фехтовальщиков тех лет!

Он проиграл Пеже оба боя. И не стоит винить во всем судей: Марк взошел на помост только для того, чтобы сопротивляться… Поединок был тяжелый и, мягко выражаясь, незрелищный. Бесконечные обоюдные атаки: оба спортсмена, как «марионетки» делая одинаковые движения, скрежетали клинками — унылые, безрадостные попытки нанести удар…

— Ну вот и все, — сказал Марк куда-то в полотенце. Вытер лицо и закончил: — Еще с Цахкадзора к тому и шло.

А ведь ему сейчас пускаться в «утешительные» и выигрывать — только выигрывать — двенадцать боев подряд! При первом же проигрыше он превратится в зрителя.

— Слушай, — говорю ему, — что это ты все Цахкадзор вспоминаешь? Ты забыл, что в прошлом году на чемпионате мира выиграл две золотые медали, не проиграв ни одного боя? Тогда ты был действительно на взлете. Но потом-то, помнишь, как досталось тебе на всех следующих турнирах? На тебя ж все выходили, собравшись до предела! Конечно, каждый думал: «Ракита — чемпион мира. Выиграю у него — значит, не зря ездил!» И бросались выигрывать. Думаешь, тебе это даром прошло? Нет. Ты устал. Но разве ты потерял свой класс? До сих пор ты — лучший фехтовальщик мира! И это совершенно точно. Давай, как в детстве: никакой самодеятельности. Слушаться будешь — еще поборемся.

Приходилось учитывать еще и то, что Марку в начальных ступенях встречались недостаточно серьезные противники, он одерживал победы слишком легко, и это не позволило ему обрести настоящую силу.

Перед первым «утешительным» поединком убедительными оказались такие доводы:

— Иди-иди! В конце концов, проиграешь в личных. Жаль, конечно. Одной медалью будет меньше. Но бороться ты обязан, потому что завтра — командные соревнования, к ним надо подготовиться, и ради них сегодня надо побороться. Командная медаль важнее. Она — на всех.

Все сложилось для Марка еще тяжелее, чем мы предполагали. В каждом поединке он был буквально на грани поражения. Ни у одного из своих соперников он не выиграл два боя сразу, с каждым назначался дополнительный, третий, в котором нужно было нанести еще пять ударов…

Он преображался на глазах. Это не отражалось на счете очень явно, но мне было видно, что его спортивный уровень, его уверенность в себе растут от минуты к минуте. Мы все время переглядывались. Сидел я недалеко, наискосок от дорожки, и в тот момент, когда судьи разбирали схватку, он обязательно на

меня посматривал. Как взглянет — кивну ему: все в порядке, мол. А он продувает 3:1… Но я волнения не показываю. Значит, решает Марк, в принципе тактику он избрал правильную, сейчас будет и результат. Все сомнения, всю неопределенность удалось взять на себя. Ему оставалось только с головой уйти в «производство», в технологию добывания победы. Он успокоился, раскрепостился, по многу раз повторял свои любимые «номера» — и стал выигрывать.

Ракита попал в финал. Жаль только, что это так дорого ему стоило. Но давно замечено, что лучше всего лечит радость, а спортсмен быстрее всего восстанавливается после победы. Уже на следующее утро за завтраком он балагурил, кого-то разыгрывал, кого-то задирал…

Вечером в финальных соревнованиях должны были участвовать два советских фехтовальщика — Ракита и Владимир Назлымов, ученик Льва Кузнецова. В том олимпийском году он выиграл два крупнейших турнира и был одним из претендентов на медаль.

Предложили воспользоваться отдельным легковым автомобилем, чтобы доставить финалистов к месту заключительной встречи, но мы со Львом решили от него отказаться. Дело в том, что самое неприятное для спортсменов — это последние часы ожидания. Финал начинается в семь вечера. Обед заканчивается около трех. Спать нельзя: надо сохранить бодрость. Заняться нечем. Мы, конечно, каждую минуту рядом, но лучше все-таки, чтобы внимание ребят было чем-то отвлечено. А если уже в полпятого выехать рейсовым олимпийским автобусом, то через час с небольшим можно прибыть на место, погулять в парке, осмотреться, потренировать своих подопечных и так постепенно, без особых томлений ввести их в атмосферу главного старта четырехлетия.

Итак, вчетвером садимся в автобус — туда же забираются еще какие-то люди — и с заездом на другие олимпийские объекты направляемся на фехтование. Кто-то выходит «на баскетболе», кто-то «на легкой атлетике», и в конце концов остается несколько человек — журналистов, судей, тренеров, — которые едут с нами до конца. Среди них оказывается и знакомый — Балтазар Рерих, тренер шведских шпажистов. Он, видимо, объяснил журналистам, кто мы такие, потому что все вдруг стали с любопытством на нас поглядывать.

Автобус продвигается по улицам города, останавливается, снова продолжает путь — мы не обращаем на это внимания, болтаем, поглядываем в окна. Потом вдруг стоим долго. Стоим пять минут, десять, двадцать… В чем же дело?

И тут выясняется, что сегодня разыгрываются медали в спортивной ходьбе на 50 километров. По городу проложили сложную трассу, которую наш рейс пересекает несколько раз!

Снова и снова мы попадаем в затор, а до зала еще далеко. Ребята пока ничего не замечают, но мы с Кузнецовым беспокойно переглядываемся. Вот и Марк посмотрел на часы, Володя Назлымов, выворачивая шею, полез смотреть, далеко ли до светофора…

И тогда мы со Львом заговорили. Как по команде, даже не переглянувшись. То и дело сменяя один другого, мы припоминали смешные истории, курьезные случаи, какие только знали. И про фехтование, и вообще про спорт, и про разные страны и народы…

Через некоторое время все сидевшие в автобусе журналисты поняли, в чем дело. Они заволновались, стали сочувственно на нас поглядывать, пробовали заговорить… А когда до начала соревнований оставалось всего минут пятнадцать, мы наконец вырвались из затора. Но водитель, обязанный следовать по маршруту, свернул в сторону, чтобы сделать еще одну положенную остановку. Что тут началось в автобусе! Если бы не мы с Кузнецовым, журналисты, наверное, вытащили бы бедного шофера из его кабинки — так они хотели нам помочь! Но что делать, его бы уволили, если бы он хоть слегка нарушил маршрут. Со всей возможной скоростью, срезая углы и протискиваясь в каждую свободную щелку, автобус все-таки ехал на стадион.

Без пяти семь мы скомандовали: «Раздеваться!» К счастью, женщин в автобусе не было, и ребята быстро облачились в фехтовальные доспехи, вынули оружие, проверили его — они готовы!

В пять минут восьмого, визжа тормозами, автобус останавливается на стоянке. От нее до зала еще метров семьдесят. Выпрыгиваем — и пулей к нему.

— Самая лучшая разминка, — с важным видом бормочет Кузнецов.

Мимо, меряя землю огромными ножищами, проносится Балтазар Рерих:

— Я — в судейскую коллегию! Все им объясню!

Возникает непредсказуемая ситуация. Ребят могут спять с соревнований, если финал начат вовремя. Единственная надежда, что по жеребьевке первый бой между ними и судьи раздумывают, что им делать.

Влетаем в зал и видим: в судейской коллегии шумит Рерих, а главный помост — пустой. Ни на секунду не задумываясь, ни о

чем не сговариваясь, мы с разных концов вспрыгиваем на него и начинаем давать ученикам урок: Кузнецов — Назлымову, я — Раките. Огромный зал полон, яблоку негде упасть. Три-четыре минуты фехтуем, потом, нечаянно задев друг друга локтями, мы с Кузнецовым переглядываемся: хватит, мол, хорошенького понемножку. Сбрасываем маски, ученики отдают нам салют, и мы пожимаем друг другу руки. Публика разражается громом аплодисментов. Наверное, все решили, что для них устроили показательное выступление…

Вся советская команда на своих скамейках прыгает от волнения, руководство грозно хмурит брови: надо начать «проработку», да нас нет — мы делом занимаемся.

Когда стихла публика, а мы спустились с помоста, из репродукторов раздался торжественный голос судьи-информатора:

— Месье Ракита э месье Назлымов, сюр ля пист, силь ву пле!

Финал начался, спортсмены приглашаются на помост. Они не спеша вытираются полотенцами и выходят на бой.

К чести наших ребят надо сказать, что они, бесспорно, были самыми сильными из всех финалистов. Первый бой между ними закончился победой Ракиты. Это был упорный, интересный поединок достойных друг друга партнеров. По справедливости, только они должны были решать судьбу «золота» и «серебра». Однако Ракита получил серебряную медаль, а Назлымов стал четвертым.

И все равно радости было много. Все наши собрались тесным кружком, поздравляют Марка, разбирают только что отгремевшие поединки.

— Да если бы мне кто-нибудь сказал месяц назад, что я попаду в финал Олимпиады и буду на волосок от золотой медали, я б его назвал фантастом. И то только в хорошем настроении!

— Брось, Марк, прибедняться, — хлопает его кто-то по плечу, — ты свою медаль заслужил!

Ракита счастлив и даже как будто растерян. Мы встречаемся глазами, и вдруг он резко делает шаг вперед, быстро снимает висящую на шее медаль и набрасывает ее на меня:

— Поноси и ты, Дод!

Шахматный блицтурнир

Вступив в пору своего расцвета накануне Олимпиады в Мехико, Марк Ракита сумел сохранить спортивную мощь в течение нескольких лет. Он сложился как исключительно

сильный боец, особенно в том, что касалось тактики. Пожалуй, еще лет пять после того, как он сошел, в мире не находилось равного ему в этом отношении фехтовальщика. Немного уступая своим противникам в быстроте движений, он всегда был предельно оперативен в тактике. Он буквально в несколько секунд продумывал возможные варианты развития событий на дорожке и так преуспел в этом, что иногда, как справедливо шутили, «передумывал сам себя». Дерясь против сравнительно слабого фехтовальщика, вдруг начинал проигрывать. Он думал за противника, сам опровергал, сам находил дальнейшее противопоставление, в то время как тому и в голову не приходило ничего подобного — ведь мыслил гораздо проще. Поправить Марка в подобном случае было несложно. Достаточно было предложить ему поманеврировать, сделать пару атак или контратак издали, умышленно не доставая противника, — и все становилось на место. Противник выдавал свои замыслы и их уровень, и Марк быстро выигрывал бой.

К чемпионату мира в Гаване в сентябре 1969 года Ракита подошел в очень хорошей спортивной форме. Перед началом финала личного первенства было время пару часов отдохнуть. Мы расстались в холле после обеда — он решил сыграть партию в шахматы.

— Ты иди отдыхай, а я сейчас, — покивал он мне, — доиграю партию и пойду в номер, прилягу.

Я ушел.

Прихожу его будить — он собирает оружие, а постель не тронута.

— Ты что же, не лежал?

— Нет…

— А что ж ты делал?

— Играл в шахматы.

Разве нельзя, недоумевал Марк, позволить себе партию-другую? Конечно, можно. Сыграл — лег, отдохнул, отвлекся. Но ведь не двадцать же блицев подряд! Это нагрузка на психику огромная, истощает внимание.

Приходим в зал, начинаю его разминать, а он вялый. Реакции уже не свежие. Не то.

В финале он старался, боролся, но… чемпионом не стал. Хотя до этого, в полуфинале, где с ним сражались четверо из шести финалистов предыдущей Олимпиады, никто не смог нанести Марку больше двух ударов. А в последнем бою его противник ни разу не сумел даже махнуть саблей ближе чем за сорок сантиметров от тела Ракиты. На трибунах уже шутили:

— Ну, вопрос о первом месте ясен. Интересно только, кто

станет вторым.

А он, видите ли, увлекся и играл партию за партией, растрачивая себя! И я хорош — решил, что могу спать спокойно. В нашем тренерском деле любая мелочь играет роль. Из-под контроля педагога нельзя выпускать даже самого серьезного ученика. Он может просто не понимать, что делает, фон его жизни более эмоционален. А тренер должен знать и учитывать все.

Хорошо, что у нас в команде не было слабых. Чемпионом стал Сидяк.

На протяжении соревнований фехтовальщик около двухсот раз находится в состоянии предельного напряжения — примерно столько раз он пытается нанести удар. Из этих двухсот ситуаций сорок-пятьдесят становятся критическими: нанесет удар — выиграет бой, попадет в следующую ступень, не нанесет — либо вылетит, либо придется вступать в другую такую же нелегкую схватку, проводить следующий бой. Таким образом, примерно четвертая часть поединков проходит «у барьера». Учитывая это, нельзя ни на секунду выпускать участника из поля зрения, а спортсмен должен сам постоянно контролировать свои порывы.

Фехтование не прощает легкомысленного отношения к противнику или недооценки ситуации.

Как быть со спортом!

После чемпионата мира в Гаване Марк Ракита успешно участвовал еще в двух мировых первенствах: в 1970-м — в Вене и в 1971-м — в Стамбуле. Олимпиада 1972 года в Мюнхене была для него последней. За свою спортивную жизнь он добился многих наград: восемь раз становился чемпионом мира, получил две золотые и две серебряные олимпийские медали.

Сезон 1973 года был первым в новом олимпийском цикле, ведущем к Монреалю. Раките шел уже тридцать пятый год, и он тяжело переживал проигрыш команды в Мюнхене. Многие тогда считали, что в составе сборной пора появиться молодым. Вместо Ракиты в ее состав вошел Виктор Кровопусков.

Судьба Марка, естественно, не могла меня не волновать. Правда, уход из большого спорта не был связан для него с резким изменением жизненного положения: Марк — военнослужащий, и будущее его определено. Но мне казалось, что такой поистине большой мастер еще многое мог бы сделать для фехтования.

Сам Марк тяжело переживал перемену в своей жизни. И это нетрудно понять. Много лет большой мастер отдает всего себя, добывая победы во славу советского спорта, щедро и безоглядно

расходует нервы, сердце, все силы! Весь мир смотрит на него, он у самой рампы, на него направлен свет юпитеров, его награждают медалями, о ним пишут журналисты… И в этом ведь тоже часть жизни.

И вот падает занавес, пустеет зал — наступает пора передавать героические роли другим. Тем, кто не раз ему проигрывал, кто, кажется, все умеет делать хуже, чем он. Нужно уйти… Как же так? Ведь он еще может показать свое виртуозное мастерство и железную волю к победе!

Марк Ракита не думал о тренерской работе. Вернее, не считал себя способным к ней. Обдумывать каждое свое слово, стать и пекарем, и лекарем, и сестрой-хозяйкой, а главное — учителем!

— Да разве я смогу? — говорил он мне.

Мне думалось — сможет. Это был как раз тот человек, который сумел бы продолжить начатое мною. И учил его многому, и исподволь, незаметно для него самого, готовил к тренерскому делу… И, как это часто бывает в жизни, пока Марк пребывал в нерешительности, а я раздумывал, как подвести его к тренерскому труду, делу помог случай.

Однажды меня пригласили в институт физкультуры выступить перед студентами. Согласился охотно. Ведь институт — родной дом на всю жизнь, отсюда мне открылся путь в большой спорт. Здесь впервые занялся фехтованием: оно было включено в программу обучения.

В новом здании института оказался впервые. Пока студенты собирались в аудитории, прошелся по длинным коридорам, заглянул в великолепные залы. Один из встретившихся старых знакомых, Валентин Маслов, спросил меня после обычных в таких случаях радостных восклицаний:

— Обратно в институт не собираешься? У тебя ведь, я видел, уже несколько книг вышло. Пора и о диссертации подумать!

— Не знаю пока, решать надо. Кстати, кто теперь ректор? Я слышал, Иван Исаич Никифоров ушел на пенсию.

— По адресу обращаешься с вопросом, Дод: ректор — это я.

Мы посмеялись над моей неосведомленностью и отправились к студентам. А через некоторое время официально был объявлен конкурс на должность заведующего кафедрой фехтования. Это стало известно прямо на тренировке в ЦСКА. Я поискал глазами Ракиту.

— Марк! Подойди-ка сюда! — Он сбросил маску, опустил саблю и подошел ко мне, пересекая большой зал. — Хочу кое-что предложить тебе. Не согласишься ли стать тренером Кровопускова и братьев Ренских? Вместо меня.

— А ты?

— Меня приглашают заведовать кафедрой.

— Но я же никогда не готовился к этому! Шутка ли, сразу стать тренером, да еще спортсменов такого класса!

— А мы с тобой поступим, как в старые времена. Помнишь? Я тебе предлагаю, что делать, а ты — выполняешь на «отлично». Так и начнем. С первого шага. Только теперь ты будешь в новой роли.

Марка всегда отличало глубокое тактическое проникновение в суть поединка и умение блестяще разыгрывать каждую схватку. Это вместе с большим разнообразием приемов, в сочетании с высоким мастерством исполнения создавало прекрасный фундамент для тренерской работы. К его «бойцовскому» пониманию фехтования требовалось добавить лишь «технологию», некоторые специфические тренерские навыки. К тому же для работы именно с Кровопусковым и Ренскими у него был значительный «задел» — высокий спортивный авторитет в их глазах.

Около недели мы с Ракитой каждый день уединялись в зале, и он учился тренерской технике. Ему же ни разу до тех пор не приходилось давать индивидуальный урок! Теперь он давал его — мне! Мы поменялись ролями, только говорить во время урока было пока не его привилегией. Задача ставилась такая: ученики не должны были на первых порах почувствовать разницу в материале, который им преподносят. Последовательность приемов он записал в блокнот. И очень скоро начался тренировочный сбор, на который Ракита впервые в жизни поехал в роли педагога. Возвратился он оттуда уже более уверенным в своих силах.

Еще два-три года он нуждался в помощи. Первое время даже иногда приводил своих ребят ко мне на уроки. Честно говоря, в этом не было особой надобности, поддержка Раките требовалась разве что чисто методическая. Но вот в другом, может быть самом важном, разделе тренерской работы — управлении учеником во время соревнований — для него еще было много неосвоенного.

Есть немало опытных фехтовальщиков, которые считают, что если они в перерыве между боями пройдутся по залу с учеником и, обняв его за плечи, похвалят или поругают, то необходимое воздействие на подопечного будет осуществлено. Однако все не так просто. И за первые три года тренерской работы Ракиты я не пропустил ни одного важного соревнования — везде был с Марком рядом.

Первым по-настоящему самостоятельным соревнованием для него стал предолимпийский чемпионат страны 1976 года. Я наблюдал финальные поединки из кресла первого ряда, а Марк — один — был с Виктором Кровопусковым. Его ученик блестяще

выиграл это первенство, а позже — Олимпийские игры в Монреале.

Последнюю проверку для себя Марк попытался сделать на заключительной тренировке в Лужниках, перед отъездом сборной команды СССР в Канаду.

— Слушай, — вдруг обратился он ко мне, — может, дашь Виктору урок? Попробуешь, как он? В каком состоянии?

Пришлось наотрез отказаться:

— Нет уж, дорогой, только сам! Лучше будем обмениваться мнениями в перерывах.

А через четыре года, когда советские фехтовальщицы одна за другой проигрывали бои в личном турнире на Московской олимпиаде, переживая за них, я вдруг поймал себя на мысли, что беспокоюсь за Марка и его учеников — Кровопускова и Бурцева. Оснований для беспокойства как будто нет: оба претендуют на золотую медаль, и, скорее всего, один из них станет чемпионом. Но в том-то и дело, что наши рапиристки тоже накануне соревнований уже «примеривали медали». Увы, уверенность, не подкрепленная пониманием опасностей борьбы, так же плоха, как и ее недостаток.

На носу поединки саблистов. И я вновь и вновь ищу в зале Ракиту. Наконец поймал его:

— Срочно принимай меры! Как бы и твои сабельные виртуозы не улетели на воздушном шарике иллюзий.

— Не волнуйся, — ответил Марк, — я вчера дрался с ними на тренировке и выиграл у обоих. За пару дней не успеют слишком далеко вознестись. Ну а пока придется подержать их в черном теле.

На соревнованиях ученики Ракиты не думали о медалях, а трудились от первого до последнего боя. Им пришлось долго подниматься по турнирной лесенке и на каждой ступеньке — сражаться. Сражаться не за медали, а за право продолжать борьбу.

А потом уже были олимпийские награды, поздравления, счастье тренерской победы и исполненного долга.

ЛЕВША НЕВЕРОЯТНОЙ СИЛЫ

Ради других

Виктор Сидяк, общепризнанный мастер фехтования, завоевавший четыре золотые медали на олимпийских играх, а кроме того, еще одну серебряную и одну бронзовую, попал в сборную команду не потому, что был сильнейшим, а в связи с существовавшей тогда потребностью в фехтовальщике-левше. Еще в 1962 году после турнира «Сабля Володыевского», анализируя поединки Марка Ракиты, я подсчитал, что из тринадцати боев, выигранных им, двенадцать были с фехтующими правой рукой, а из семи шесть он проиграл левшам. Все ясно — срочно нужен спарринг-партнер левша.

Но найти такого партнера оказалось довольно трудно.

В среде рапиристов всегда было достаточно спортсменов, фехтовавших левой рукой. А в сабле — нет. В какой-то мере объяснялось вот чем: многие специалисты стояли на том, что в сабельном фехтовании левша не имеет таких уж значительных преимуществ, как в рапирном. С другой стороны, такое положение создавалось и потому, что раньше начинали фехтовать обычно на рапире, а уж потом специализировались в любом виде оружия. Ну и конечно, наиболее пригодные, а тем более левши, так и оставались в рапире.

Осенью 1963 года на первенстве Вооруженных Сил я приметил одного паренька: левша, среднего роста, физически сильный. Откуда он взялся? Оказывается, зовут Виктор Сидяк, 21 год, призван в армию из Донецка и даже еще не мастер спорта — только кандидат. Подошел к нему, немножко поговорили.

— Любишь фехтование? — спрашиваю.

— Люблю!

— Тренироваться хочешь?

— Хочу!

— Хочешь вырасти?

— Хочу!

Все хочет. Что ж, это для начала неплохо. Правда, уровень у него был очень еще невысокий. Агрессивен и от этого перенапряжен.

Приглашаю на сбор и понемногу начинаю с ним заниматься. Наблюдаю — кое в чем он хорош: тренироваться может сколько угодно, где угодно и с кем угодно. Желание заниматься спортом огромное: команда сборной играет в футбол — он в воротах,

старается, аж на животе ползет, водные лыжи — с удовольствием…

И тем не менее партнером он оказался не очень хорошим. Жестковат, удары — болезненные. Терпеть боль на тренировке не очень хочется, особенно чемпионам. Получается «покупка с нагрузкой». Но выхода нет — левша.

Кто талантливее!

Прошло года полтора, и Сидяк подтянулся. Однажды в начале 1965 года между мной и Генрихом Булгаковым произошел любопытный разговор. Он в то время помогал Льву Кузнецову, недавно перешедшему на тренерскую работу, подбирать учеников. У Генриха Жановича был глаз на способных людей, он нашел многих. У него занимались и Мавлиханов, и Свешников, и Модзалевский, и Ракита… И ко мне он подошел с предложением:

— Тебе одному тяжело, людей много, вот и поделись со Львом, он тебя разгрузит.

— Конечно, — сказал я, — у меня действительно учеников многовато.

— Ну тогда давай так, пусть Кузнецов тренирует ленинградцев — Винокурова и Мельникова, спортсмены не слабые, с перспективой. Не возражаешь? Ну и хорошо. Значит, остаются еще двое, которых нужно поделить, они приблизительно равны — Назлымов и Сидяк. Кого ты себе берешь?

— Выбирай сам, — говорю, — согласен на любого.

— Ну, пусть тогда у Кузнецова тренируется Назлымов.

— Пожалуйста, не возражаю.

Прошел еще год, и Булгаков как-то в разговоре решил меня поддеть:

— Дод, а ты маху дал, когда Сидяка себе оставил! Назлымов талантливее.

— Не думаю, — говорю. Вижу, ему хочется поспорить, — может быть, для того, чтобы утвердиться в своем мнении. Но я в своей оценке был уверен.

Да, талант Назлымова бесспорен. С ним все ясно: он очень быстр, а быстроте движений и реакций фехтовальщика просто цены нет. Кроме того, Назлымов волевой, умеет бороться, страшно хитрый — из хитрецов хитрый. Прекрасно оценивает обстановку не только в борьбе за отдельный удар, но и в бою, и во всем соревновании.

Но и Сидяк волевой и в этом Назлымову не уступает. К тому времени он был уже во второй десятке фехтовальщиков СССР, и мне казалось, что есть возможности подвести его к уровню

мирового класса. К тому же очень хотелось сделать сильным такого необычного спортсмена, да еще и левшу. Это бы значило, что удалось открыть еще один путь, сделать педагогическую находку.

— Слушай, — говорю Булгакову, — а давай посоревнуем их. Только не на короткий срок, а на два-три года. Через несколько лет сравним их результаты.

— Согласен. Давай поспорим. Только на что? — смеется Булгаков. — На столик в ресторане?

— Договорились!

Проходит год. На первенстве СССР 1966 года Назлымов попадает в финал и занимает шестое место. Сидяк — в полуфинале.

— Видишь, — смеется Булгаков, — Назлымов лучше!

— Подожди, — говорю, — мы спорили не на год.

Проходит еще год. Сидяк уже не спарринг-партнер. Он попадает в финал первенства СССР, тренируется со сборной. Назлымов едет в Монреаль на чемпионат мира, становится там четвертым в личном первенстве и приносит нашей команде победные очки во всех четырех боях в решающем матче с Венгрией. Теперь он уже идет в сборной вторым номером после Ракиты.

— Я не отрицаю, — говорит Булгаков, — они оба растут, но Назлымов все равно далеко впереди.

Наступает 1968 год — олимпийский. Сидяк одерживает две победы в финальном матче командного первенства и становится заслуженным мастером спорта, но в личных соревнованиях Олимпиады участия пока не принимает. А Назлымов уже борется за призовые места в личном турнире, становится четвертым.

— Ладно, Генрих, — говорю я, — наш спор затянулся. Давай так: следующий год — последний. Тогда и подведем итоги этого матча.

Первенство мира 1969 года. Сидяк становится чемпионом мира в личных соревнованиях, а Назлымов выступает неудачно. Генрих при встрече сразу начинает разговор сам.

— Да-а, — крутит он головой. — Сидяк, хоть и завоевал золотую медаль, не сильнее Назлымова. Они оба талантливые, только по-разному, а значит, методы тренировки должны быть неодинаковыми. Столик все-таки за мной.

Поднимался Сидяк к своему мастерству нелегким путем. Он бывал сильно возбужден на соревнованиях. Желание драться — огромное, выдержки — никакой. Ему бы только вперед, скорей нанести удар, в атаку! Завидное стремление бороться вызывало огромный накал энергии, концентрировало внимание.

Но слабее его делало то, что, наскакивая все время на противника, к решающему счету — 3:3, 4:4 — он проводил уже целую серию схваток, в которых демонстрировал свою в общем-то прямолинейную и односложную тактику. И теперь его противнику очень легко удавалось «вычислить», что он будет делать дальше, и нанести ему чистый удар. Более опытные бойцы в решающий момент его обязательно обыгрывали. На это Булгаков, в частности, тоже обращал внимание. Что же было делать?

Орел или решка!

Старым тренерам известны вероятностные тактические связи между последовательно применяемыми действиями в поединке. Суть этих связей в том, что, когда спортсмен получает удар, нанесенный определенным образом, он начинает думать: «Ох, я же не так действовал, надо было сделать вот это!» И если тут же ситуация повторится, он скорее всего «вот это» и сделает.

Для Сидяка как раз и были характерны скоротечные поединки, не оставляющие противникам более трех-шести секунд на обдумывание в интервалах между схватками. В бою на пять ударов в среднем можно насчитать шесть-восемь схваток. И стопроцентного предугадывания быть просто не может. Достаточно действовать более вероятно, чем менее вероятно, — тогда в большем количестве схваток будешь прав.

И родилась интересная идея. Можно как следует оттренировать тактически обоснованную последовательность действий, закрепив каждое в определенном месте вероятностной цепи. А поскольку Сидяк никому не дает опомниться на дорожке, драться против него станет очень тяжело. Вся эта система призвана оказать жесточайший «прессинг» на противника. Ведь после очередной схватки он должен обязательно спохватиться: «Эх, что же я не сделал против него вот это?» — или решить: «Буду действовать сейчас вот так». И когда через три-пять секунд Сидяк вновь на него нападает, то он, очень вероятно, сделает что задумал. И тут Сидяк пустит в ход контрприем, намертво закрепленный в этом месте вероятностной тактической цепи.

Чтобы создать у Сидяка хорошо закрепленные навыки, потребовалось некоторое время. Но уже к концу 1967 года он начал поразительно сильно драться. Его простоватость исчезла как дым. Противники не понимали, отчего это вдруг его действия стало трудно предугадать.

Я так же тренировал и других своих учеников, в частности Ракиту. И это всем сослужило хорошую службу, потому что в

условиях напряженного поединка, полного неожиданностей, у каждого возникают ситуации скоротечного боя, когда нет времени на размышление.

Помимо вероятностных комбинаций в работе с Сидяком было удачно применено еще несколько важных элементов, сочетающихся с особенностями его боя. Так, например, он всегда очень заметно, агрессивно, почти без подготовки начинал нападение, вследствие чего противнику легко было распознать начало атаки. Учитывая это, мы стали тренировать атаки с более далекого расстояния — хоть прямо с линии начала боя, сразу после сигнала «начинайте!». Это, конечно, противоречит фехтовальному опыту и традициям. Однако «фокус» заключался еще в одном противоречии. Стартовая быстрота у него также была небольшая. В этом случае, как всегда, он очень заметно бросался вперед, противник, естественно, пытался контратаковать, а Сидяк до него еще просто не успевал добежать! И это было удобно Сидяку: медленные старты сочетались у него со склонностью к реакции выбора, и он успевал правильно среагировать и взять защиту точно со стороны нападения. В результате он прекрасно — пожалуй, лучше всех советских фехтовальщиков — научился парировать контратаки противников.

Если же вместо контратаки Сидяк встречал отступление, то, ускоряя бег — а с разбегу он становился так же быстр, как и другие, — набирал неожиданную для него скорость, и атака становилась внезапной. Здесь ему снова помогала его отличная реакция выбора: делая обманные движения саблей, он легко запутывал противника и наносил удар в открытую часть туловища или маску.

В использовании небыстрых стартов для начала нападений у меня уже был опыт, приобретенный с Марком Ракитой. Но он, как правило, начинал атаки с дистанции, не противоречащей канонам классического фехтования. Даже напротив — он стремился стать ближе, чем другие. А Сидяку, оказалось, чем дальше, тем даже и лучше. И эта аномалия сделалась правилом для него.

Многие в то время не понимали, за счет чего выигрывает Сидяк:

— Бросается как сумасшедший, а удары все равно наносит…

Вперед! К победе!

На пути в сборную Сидяку нужно было опередить очень сильных, опытных спортсменов… Но дрался он за это самозабвенно. Первый выезд его в составе сборной команды в Италию на турнир «Кубок Марци» всем показал, как он стал

силен. Во встрече с венграми и с итальянцами он выиграл восемь боев из десяти!

Последний бой у него был с итальянцем Сальвадоре — фехтовальщиком мирового класса. Судили венгерские спортсмены, которые перед этим уже свои бои закончили. Удары Сидяка от перенапряжения были особенно болезненны, и венгры, испытавшие их силу недавно на себе, неохотно отдавали Сидяку победу. Они, в основном, воздерживались, когда Сидяк наносил очередной удар. Бедный Сальвадоре под конец, наверное, уже готов был взмолиться, чтобы удары его противника засчитывали! Каждый раз, сближаясь, Сидяк успевал парировать контратаку и нанести удар. А раз судьи воздерживаются, то ведь и Сальвадоре приходилось не показывать боль, страдать тайно.

А когда в 1969 году в мае Виктор Сидяк блестяще одержал победу на турнире «Кубок Люксардо», в итальянских газетах появились статьи с огромными заголовками: «Русские привезли левшу невероятной спортивной силы!».

Через четыре месяца на чемпионате мира в Гаване он, оказавшись в финале, выиграл четыре боя. Вышел на перебой с венгром, первым вскочил на помост и, ожидая противника, стал расхаживать взад и вперед, залихватски крутя ус. «Вот теперь-то побьемся за первое место!» — было написано у него на лице. И через пять минут растерзал своего противника и стал чемпионом мира.

Однажды в сборной команде психологи проводили исследования. В числе прочего спортсменам было предложено заполнить анкету — тест на мотивацию. Вопрос один: «Почему ты занимаешься своим видом спорта?» Нужно было оценить каждый из напечатанных здесь же ответов, распределив их по значимости. Ответы были, например, такими: «Потому, что я хочу посмотреть разные страны», «Потому, что я люблю фехтование», «Потому, что я хочу быть сильным», «Потому, что я хочу, чтобы меня уважали окружающие» — и тому подобное. Всего 15–20 ответов. Разные спортсмены ставили разные оценки. Один, например, поставил высший балл против пункта «Потому, что я хочу быть чемпионом», другой — против пункта «Потому, что я люблю фехтование». Ну естественно, для одного самое главное быть первым, а для другого спорт важен как средство самосовершенствования. Все опрошенные спортсмены в своих ответах оказались очень разными. Но когда взяли анкету Сидяка, — ахнули. Он против каждого пункта поставил высший балл! Такой взрыв желаний — хотел всего: и прославиться, и быть чемпионом, и совершенствовать себя, и все что угодно. Да, при такой мощной мотивации его, пожалуй, в достижении цели ничто

не могло остановить.

Правда, при всем своем мужественном облике он переживал нередко и мрачные периоды, когда все надежды казались ему бесплодными мечтаниями.

Особенно он заволновался в 1968 году перед Олимпиадой в Мехико. В команде действительно были и более знаменитые бойцы: еще дрался Нугзар Асатиани, выступал Борис Мельников.

— Успокойся, — говорил я ему. — Займись своим делом: выигрывай соревнования. А тренерские советы будет выигрывать тренер. И тогда все будет в порядке.

— Конечно, я понимаю, Давид Абрамович, но ведь могут же меня все равно не взять?

— Могут. Но об этом тебе думать нечего. Тренируйся.

Не взять Сидяка в сборную оказалось просто невозможно.

На последнем предолимпийском сборе в Цахкадзоре в отборочных соревнованиях, на которых присутствовали и представители ЦК ВЛКСМ, и специалисты из других видов спорта, он боролся самозабвенно. Его оценили по заслугам.

Еще за полгода до этого я не раз говорил ему:

— Будешь хорошо драться — попадешь в олимпийскую команду. А если попадешь, будешь драться в финале.

— Так не поставят же, Давид Абрамович!

— Поставят. В команде есть ветераны, а им уже трудно выдержать напряжение всех боев. Кто-нибудь может не очень удачно выступить в личных соревнованиях и к командным просто выдохнуться. Тогда на финал поставят тебя. А уж если там ты выиграешь два боя, — станешь заслуженным мастером спорта.

— Ой нет, не может быть, не верится…

Но, к великому счастью, все эти предсказания сбылись.

В полуфинале у нас была очень тяжелая встреча с французами. Их команду нельзя было назвать особенно сильной (только один участник, Арабо, считался фехтовальщиком экстракласса), но уж очень нервным получился матч. И судили его на редкость необъективно.

Матч начался, и ребята сразу почувствовали: что-то не то. Вроде бы не должно быть причин предельно напрягаться, однако выигрывать очень тяжело. Мы с Кузнецовым забегали, начали ребят пугать, что недалеко и до проигрыша. Ничего не помогает. Будто в оцепенении фехтуют.

— Да ладно, — говорят, — чего там беспокоиться! Выиграем все равно.

Однако вижу — положение серьезное. Ракита после личного первенства был какой-то истощенный, вялый. Подхожу к нему:

— Марк, надо же что-то делать! Выручай команду!

Он дрался в этом полуфинале с поразительной ответственностью. Все четыре боя у него начинались с проигрыша: то 3:1, то 4:2, то 4:1, но он сумел вытянуть все четыре. В конце концов переломился и весь ход общекомандной встречи; после неустойчивого баланса 6:6 матч закончился нашей победой — 9:6. Ракита очень много сделал для этого, и к финалу у него уже не оставалось сил.

А Сидяк вышел на первый бой финала против Каларезе. В 1968 году это был опытнейший мастер, десять лет выступавший на мировой арене. Сильный физически, тоже левша, он завязал исключительный по накалу поединок. Сидяк проиграл — 5:3. Сошел с дорожки, весь дрожа от напряжения. Говорю ему:

— Молодец, дрался хорошо! Это же Каларезе! Ничего, дальше будет легче.

А следующий бой — с Сальвадоре. Он считался первым номером итальянской сборной, даже более сильным, чем Каларезе. Тот просто опытней, да еще и неудобен тем, что левша. Кроме Сидяка, у нас тогда не было в сборной фехтовальщика, держащего оружие в левой руке, и тренироваться ему было не с кем. Поэтому бой с левшой представлял для него определенную трудность.

Сидяк выиграл у Сальвадоре. Когда он наносил последний, пятый удар, у него вдруг сломалась сабля. Сидяк испугался: вдруг поломанное оружие как-то повлияет на решение судей, и быстренько сунул обломок сабли под мышку. Судьи удар засчитали — он был бесспорным. А Сидяк с обломком под мышкой пошел пожимать руку сопернику.

Сходит с помоста счастливый и страшно довольный тем, что сохранил полное самообладание и саблю спрятал. Потом он выиграл и еще один бой, а значит, намеченную программу выполнил.

Очень хорошо помню тот совет, на котором решали, кто будет фехтовать в финале. Присутствовали два тренера — Лев Кузнецов и я — и все члены команды. Из пяти фехтовальщиков на помост должны были выйти четверо. Мы предложили высказать свое мнение участникам. Насчет первого номера споров не велось — это Ракита, вторым также единогласно назвали Назлымова, а третий кто?

Винокуров вдруг говорит:

— Третьим пусть будет Сидяк. Фехтует против итальянцев надежно и наверняка будет рваться в бой.

Это что-то новое! Значит, Сидяка считают третьим? Кто же четвертый? И тот же Винокуров предлагает:

— Мавлиханов. Я буду в запасе.

Странное предложение. Даже сам Мавлиханов не думает, что оно наилучшее, и говорит:

— Винокуров дерется сильнее. Я и в полуфинале себя неважно чувствовал.

Проголосовали. Получилось — Винокуров дерется, Мавлиханов в запасе. Тут-то и выяснилось, почему Винокуров не хочет выступать. Он, оказывается, подсчитал, что если команда выиграет, то он и оставаясь в запасе все равно станет заслуженным мастером спорта, потому что уже выступал много и результаты показал хорошие. А если, сражаясь за команду, он плохо выступит, то этого звания не получит. Стать заслуженным мастером — заветная мечта любого спортсмена, и Винокуров вдруг решил подстраховаться.

— Ну, знаешь ли, — зашумели ребята, — больно хитрый! Победу надо делать собственной рукой, а не сидя на скамейке. Дерись!

Наши ребята стали олимпийскими чемпионами. И Винокуров, и Сидяк получили звания заслуженных мастеров спорта.

Не дожидаясь официальной церемонии поздравлений, они решили отметить это событие по-своему. Заранее договорились, что если станут заслуженными мастерами спорта, то на радостях искупаются ночью в фонтане в самом центре Олимпийской деревни. Я узнал об этом случайно и решил во что бы то ни стало воспрепятствовать им: ведь после такой забавы они могли и не дождаться вручения значков заслуженных мастеров!

И я остался ночевать с ними. Сдвинули две кровати и улеглись втроем. Посередине — тренер, по бокам — оба чемпиона. А то сбегут ведь, как мальчишки! Несколько раз за ночь я просыпался оттого, что кто-то набрасывался на меня, начинал трясти, обнимать. Оказывается, Сидяк просыпался, вспоминал, что он теперь заслуженный мастер, и не мог не выразить свой восторг и благодарность.

Не так-то просто бывает понять, почему выигрывает тот или иной большой мастер. Да иначе и быть не может. Ведь понять это — значит уже наполовину обыграть его. К тому же ни один сильнейший фехтовальщик не похож на другого. Каждый имеет индивидуальные черты и своеобразно их использует. Пожалуй, не было в истории и такого фехтовальщика, у которого не обнаружилось бы недостатков. Все дело в том, чтобы умело использовать их, сделать для противников неудобными, а еще лучше непонятными.

В работе с Сидяком необходимо было постоянно заботиться и о его общем техническом уровне. Вспоминаю один эпизод,

который свидетельствует, что и эта проблема была успешно решена.

В 1969 году в Гаване в дни мирового первенства было очень жарко, и надевать на себя тренерский нагрудник для разминки не хотелось. Вдобавок ко всему на этом чемпионате мира мне пришлось быть спецкором ТАСС, и выглядеть надо было соответственно.

И раньше, разминая учеников на турнирах, я обходился без нагрудника. Мне заменял его пиджак — просто отворачивал лацканы и поднимал воротник, прижав его подбородником маски. Спортсмены экстракласса очень точно умеют рассчитывать свои движения, и опасаться болезненных ударов не приходилось. Даже если и нанесет кто-нибудь удар, то скорее всего по правому плечу — боль вполне терпима. В фехтовальном спорте любой тренер не новичок на дорожке, сабля — дело мужское, значит, нечего и говорить о таких пустяках, как синяки и ушибы. С улыбкой припоминаю, как еще моя бабушка увидела меня впервые после соревнования, когда утром вышел делать зарядку. Обошла вокруг, всплеснула руками и сочувственно спросила:

— За что же это тебя так наказали?

И правда, было очень похоже, будто по спине, по плечам и рукам прошлись шомполами. В ее время так бивали. Синяков каждый раз бывает немало. Но они быстро проходят, фехтовальщики о них не думают. Свои «шомпола» они получают за любовь, за преданность спорту.

Современный фехтовальный костюм достаточно хорошо предохраняет спортсменов, не говоря уже о тренерском нагруднике, который специально служит цели защитить «живую мишень». Но тогда, в Гаване, разминая Ракиту и Сидяка, мне пришлось давать им урок даже без пиджака — только в белой рубашке! И ни тот, ни другой — подчеркиваю: ни другой — ни разу меня больно не ударили. Руку с саблей посылали так, что получался легкий щелчок по телу. То есть к тому времени Сидяк достиг уже настолько высокого технического уровня, что мог виртуозно владеть оружием.

Когда Сидяк стал в Гаване чемпионом мира, нашлись люди, которые поспешили подпортить его радость и поколебать уверенность:

— Спору нет, ты — сильный спортсмен. Но у Ракиты тебе никогда не выиграть!

— Почему? — заволновался Сидяк.

Стрела была направлена точно в цель: он действительно почти всегда проигрывал Раките. Даже в тот день, когда он стал чемпионом мира, проиграв только один бой, он уступил его

именно Марку.

Это легко объяснить. В существенном отличии от всех других фехтовальщиков, в одной из «изюминок» они были схожи — оба имели медленные старты. Но Ракита не фехтовал без постоянного поиска информации о том, что думает, что решил его противник, практически перед каждой схваткой. И даже когда такой его противник, как Сидяк — агрессивный, почти автоматически выстреливающий серию приемов, — наступал, он успевал противопоставлять ему продуманные действия. Непонятная для остальных последовательность действий Сидяка, ставившая противников в тупик из-за крайне малого времени на поиск контрдействий, серьезной опасности для такого бойца, как Ракита, не представляла. Ракита обыгрывал Сидяка и до чемпионского звания, и после.

Находились даже такие «сочувствующие», которые намекали Сидяку, что Ракиту я специально тренировал против него.

— А тебя драться против Ракиты тренер никогда не учил! — говорили ему.

Бессмысленно вообще своих учеников учить драться друг против друга. Я даже воздерживался давать им советы перед боем. Делал что мог для предотвращения атмосферы соперничества. Ведь им нужно было и тренироваться вместе, вместе расти и поддерживать друг друга. Сидяк, как уже говорилось, был очень неудобен в тренировке. Мало того, что он часто наносил болезненные удары, главное, что он в силу своей манеры боя затруднял спортивный рост партнера, не давая возможности опробовать какой-либо новый прием, вынуждая даже в тренировке вести личностную, волевую борьбу. Для Ракиты такая тренировка психологически превращалась просто в пытку. Но ради дела я всегда уговаривал раздраженного Марка:

— Ты должен, ты обязан тренироваться именно с Сидяком. Иначе он не вырастет. Только ты можешь создать ему настоящую боевую обстановку высокого уровня. Командные медали вы будете выигрывать вместе. Нельзя быть сильным в одиночку. Надо быть сильным вместе с товарищами по сборной команде.

Ракита добросовестно выполнял мои требования. И хотя со временем Сидяк отучился больно бить, он по-прежнему ощущал себя сильным только в том случае, если наносил больше ударов, чем его противник. Поэтому все тренировки, в которых Ракита собирался отрабатывать те или иные приемы, благодаря азарту Сидяка превращались в стремительные схватки, единственной целью которых было нанести удар. И все равно на каждых соревнованиях для разминки я подсовывал Сидяка именно Раките. И все повторялось: Сидяк сражался, будто он фехтует уже

в финале первенства мира, обрушивал на Ракиту град ударов, пробивая любую защиту, и от этого набирался столь нужной ему уверенности. А Раките зачастую приходилось потом искать себе другого партнера и проводить разминку еще раз, уже так, как это было нужно ему, спокойно проверяя свои тактические построения.

Виктору Сидяку очень помогла эта его, по сути, первая большая победа в Гаване. С тех пор удержу ему не стало! Набрал исключительную спортивную силу. И еще на много лет, более чем на десять, сохранил свое мастерство. Наибольший успех сопутствовал ему на Олимпийских играх 1972 году в Мюнхене. Впервые в истории советского фехтования он завоевал золотую медаль в личном турнире по сабле. И на последующих двух Олимпиадах, в Монреале и в Москве, он выступал успешно и много сделал для достижения командной победы.

СЧАСТЛИВАЯ НАХОДКА

Гадкий утенок

Моя первая встреча с Виктором Кровопусковым произошла во Львове. Лучшим результатом 19-летнего мастера спорта было третье место на первенстве Москвы. До того, честно говоря, я его и в лицо-то не знал. Во Львове проходила подготовка юниоров, а потом должен был начаться турнир сильнейших взрослых фехтовальщиков страны. В одном зале с командой Вооруженных Сил, с которой я работал, тренировалась юниорская сборная СССР. Кровопускова взяли на сбор просто потому, что среди сильнейших юниоров опять-таки не нашлось левши.

И вот как-то подходит ко мне руководитель сбора юниоров и говорит:

— Слушай, тут у нас есть мальчик, ученик Льва Корешкова, может, дашь ему хоть пару уроков? А то он уже пятнадцать дней на сборе и вроде бы не нужен никому. Ходит как потерянный. Другим помогает — и все. Обидно же! Жалко на него смотреть!

Ученик Корешкова — это хорошая рекомендация. Лев Серафимович прекрасный тренер, к тому же мы друзья.

— Ладно, — говорю, — но я буду свободен не раньше двух часов, после тренировок армейцев. Если сможет, пусть приходит.

Пообещал, но заработался и забыл. К концу тренировки, усталый и мокрый, сажусь на скамейку, чтобы перевести дух. Смотрю: рядом пристраивается какой-то парень. «Ох, — думаю, — да это, наверное, тот самый, неприкаянный…» Сидит скромненько, ждет, когда на него обратят внимание.

— Ты меня ждешь? — спрашиваю.

— Да.

— Как твоя фамилия?

— Кровопусков.

— Н-ну?! Подходящую фамилию носишь!

Вижу, парень принахмурился. Другой на его месте виду бы не подал, а этот характер показывает.

Прохаживаюсь, тяну время, чтобы немножко отдохнуть.

— Становись, — говорю, — в стойку.

Стал он, оружие держит в левой руке. Я обошел вокруг него, обмахиваясь полотенцем, взглянул в лицо — живое, выразительное, и на нем будто написано: «Хоть вы и заслуженный тренер, а я еще очень молодой мастер спорта, но уж в стойке-то стоять умею, зачем же ерундой заниматься!» Мне даже интересно

стало, что же дальше будет?

— Ну-ка, — говорю, — сделай шаг вперед! А теперь шаг назад. А теперь выпад. А теперь атаку «стрелой».

Минут семь я его так гонял. Он выполнял — и ни звука.

— Какой у тебя разряд? — спрашиваю.

— Мастер спорта!

— Знаешь что, давай подеремся!

Это было для него совершеннейшей неожиданностью. Мы обменялись несколькими ударами. Уловил его специфику и — прибавил. Удар влево, удар вправо, удар по маске — не меньше чем десять ударов он от меня получил. Было мне тогда 40 лет, и десять-пятнадцать минут продержаться на своем прошлом уровне удавалось без особого труда.

— Ладно, не расстраивайся, все у тебя нормально, просто левша всегда был для меня удобным противником. Приходи завтра в это же время, мы с тобой по-настоящему позанимаемся. А сегодня… надо же нам было познакомиться, верно?

Юниор мрачно кивнул, собрал свой мешок и пошел. Ну, думаю, не придет он завтра.

А он пришел. За полчаса до назначенного срока. Тут уж мы с ним как следует поработали. Приходил он и в следующие дни. Мы разговорились, возникло то необходимое между тренером и спортсменом понимание, без которого фехтования быть не может. Но должен сказать, что особенно сильного впечатления он на меня не произвел: сразу ясно, что фехтовальщик быстрый, способный на мощные рывки, но уровень техники владения оружием — средненький. И вообще, на мой взгляд, он ничем не отличался от десятка-другого таких же хороших юниоров. И уж, конечно, я никак не предполагал, что наше знакомство когда-нибудь продолжится — ведь это был ученик Корешкова, и я просто замещал отсутствующего Льва Серафимовича.

Через несколько дней начался турнир сильнейших. Обычно перед боем я подхожу к каждому из своих учеников, перебрасываемся парой слов, если надо, — пытаюсь чем-то помочь, если нет, — не мешаю, но пусть видит, что тренер тут. Подошел и к Кровопускову:

— Ну как? Противников своих знаешь?

— Нет, — отвечает, — понятия не имею.

— А кто там у тебя в группе?

Конкретных советов я обычно не даю, предпочитаю сведения общего характера, чтобы не сковывать инициативу спортсмена. И в этот раз дал общие характеристики противникам и сказал, что можно предпринять в боях с ними.

Начались предварительные соревнования. Поглядываю на

Кровопускова: в первом бою, во втором пытается выполнить все, что от меня услышал! Ничего не забыл, не перепутал и все хочет сделать. В результате он не только выиграл большинство боев и попал в финал турнира сильнейших взрослых спортсменов, но затем и в финале сумел одержать несколько побед и занять десятое место. Никто из юниоров в этот финал, кроме Кровопускова, не попал. А ведь он даже не был членом молодежной сборной! Вот тогда-то мне и захотелось его тренировать: если мальчишка так безоговорочно мне поверил, то для него можно придумать такое, что сам черт его не съест!

После соревнований сказал об этом сослуживцу Льва Серафимовича, и он пообещал передать все Корешкову.

Исполнение мечты

Спустя почти пять месяцев, когда уже закапчивалась тренировка в зале ЦСКА, вдруг открылась дверь и появились оба: Лев Серафимович и Кровопусков с фехтовальным мешком.

— Не передумал с ним заниматься?

— Нет. Не передумал. — И хоть не планировал уже в этот день работать, снова переодеваюсь и начинаю давать урок. Лев Серафимович присел на скамейку, а мы начали. Вижу, кое-что делает не совсем так, как мне хотелось бы. Поправляю, ученик не сразу понимает, что от него требуется, и тогда, оборачиваясь, кричу:

— Марк! Иди сюда!

А на другой половине большого зала вся сабельная «элита» страны играет в футбол: Ракита, Мавлиханов, Назлымов, Винокуров, Сидяк — один знаменитей другого! Виктор косится на них: он очень любит футбол и прекрасно играет, даже обладает футбольным дарованием.

Марк оборачивается, отрывается от игры и подходит к нам.

— Сделай нам, пожалуйста, атаку «стрелой»!

Марк не понимает, зачем это все нужно, но, конечно, выполняет прием и раз, и другой… Кровопусков повторяет, лицо его горит, а в сияющих глазах можно читать, как в раскрытой книге: он попал в волшебный мир, где чемпион мира показывает ему приемы, лучшие саблисты страны играют рядом в футбол, любимый с детства тренер смотрит на него со скамейки, а заслуженный тренер СССР дает ему урок. Ну конечно, это счастье! Он беззаветно любит фехтование, мечтает знать его, как лучшие, и наконец он попал туда, куда стремился всю жизнь.

Сколько раз потом, когда он начал завоевывать один титул за другим, его искушали различными заманчивыми предложениями!

Сулили золотые горы, всяческие удачи. Но все было бесполезно. На него воздействовали и другим образом: четыре года держали на скамейке запасных, когда он дорос уже до сборной команды. И это его не смутило.

Если видел меня расстроенным, обычно успокаивал:

— Ничего, Давид Абрамович, не расстраивайтесь! Вот увидите, я все равно сумею победить всех!

Ничто не могло поколебать его убеждения в том, что он попал именно туда, куда мечтал, туда, где он получает настоящее мастерство и из первых рук. А значит, обязательно станет самым сильным.

Проработали мы с ним месяца два, успел он взять всего-то тридцать-тридцать пять уроков, когда поехал на первое свое отборочное соревнование перед юниорским первенством мира — последним, в котором он мог по возрасту принять участие. Я не был с ним: дела задержали меня в Москве.

До разговора с Виктором я подробностей соревнований не знал. Знал только, что он занял второе место. Конечно, его успех меня очень обрадовал: значит, путь избран верный, можно продолжать в том же духе. На первом же уроке Виктор начал подробно рассказывать мне о ходе соревнований. Когда он дошел до финала, я предпочел высказать свои предположения, чтобы проверить некоторые догадки о его особенностях:

— И что же, первый бой с Петром Ренским ты, наверное, выиграл, а перебой ему проиграл?

— Да.

— И в перебое, видимо, вел в счете что-нибудь вроде 2:1, 3:1?

— Да, Давид Абрамович! А откуда вы знаете? Вам уже рассказывали?

— Нет. Просто я уже немножко знаю тебя.

Его невероятно поразило мое «провидение». Так и с ним начались те же, что и с Ракитой, и другими моими учениками, игры в «угадайку», началась совместная работа, которая продолжалась семь лет.

После еще нескольких отборочных соревнований его включили в сборную команду юношей, и на первенстве мира он стал чемпионом. И, как ни странно, хотя всего полгода назад никто в фехтовальном мире не выделял его из массы молодых мастеров спорта, эта победа Виктора не произвела сенсационного впечатления. Он очень быстро сумел утвердить себя среди лучших.

А еще через два месяца он принял участие в турнире сильнейших взрослых фехтовальщиков страны, который, по сути, можно было приравнять к первенству СССР. Соревнования

проходили в два круга. В первом круге лучшим оказался Ракита, который выступал в ранге чемпиона мира, вторым — Кровопусков!

Вот это уже стало сенсацией! Чтобы юниор вошел в число сильнейших взрослых саблистов? И такую силу почувствовали в нем некоторые спортсмены и тренеры, что, честно говоря, после этого ему стало намного труднее жить. Во что бы то ни стало выиграть у Кровопускова — такую цель поставили себе многие.

Что поделаешь, и это закон спорта. Если ты хочешь прийти на смену другим, тебе рады, только когда ты уже пришел. Да, рады: ты силен и сумеешь постоять за честь и славные традиции советского спорта. Но пока ты в пути берегись! Тысячу раз у тебя будут требовать доказательств, что ты к этому действительно готов.

Виктор выдержал тяжелую борьбу. В этот же олимпийский год он попал в число восьми сильнейших и поехал на заключительный сбор. А в следующем, 1969-м, он числился уже шестым, запасным. Но этим шестым ему пришлось пробыть до 1972-го включительно, и на первенство мира он впервые попал только в 1973 году.

Примерно через год после того, как мы начали работать, Виктор женился. Многое изменилось в его жизни. Спортсмены не так часто видят своих близких, как им бы этого хотелось. И естественно, что в периоды между сборами и соревнованиями он не всегда укладывался в тот распорядок дня, который предписан фехтовальщику, стремящемуся добиться высших достижений. На тренировке иногда появлялся невыспавшимся, вяловатым. Он пытался скрыть свое состояние, но достаточно мне было взять саблю в руки, как все становилось ясно. Оставлять это без внимания было нельзя.

— Ты когда вчера лег спать?

— Нормально, Давид Абрамович!

— Ах нормально? Ну ладно!

Такие короткие диалоги мы разыгрывали не раз, пока однажды Виктор не признался, что действительно нарушил режим. И прежде, чем я успел что-либо ответить, он виновато потупился и добавил:

— Между прочим, Давид Абрамович, и раньше, когда вы меня спрашивали, я тоже недосыпал.

Инцидент был исчерпан. Нам ничего не оставалось делать, как смеяться вместе, но по разным причинам.

Марафонское ожидание

Хоть я как тренер и неплохо знал Кровопускова, иногда все же он поражал меня удивительной способностью упорно верить в свою звезду. С той минуты, как он переступил порог зала ЦСКА, вера эта была непоколебима. Несмотря на трудности и неудачи, он считал, что все у него идет как надо, а будет еще лучше, и прежде всего потому, что его жизнь и любимое дело связаны неразрывно.

Сборная команда СССР перед Олимпиадой в Мюнхене тренировалась на спортивной базе в Кярику (Эстония). Кровопусков был тогда не слабей первых номеров команды, по результатам попадал даже в тройку. А ехать должно было пять человек. Ну, о первых четырех нечего было и спорить — именитые спортсмены. Кто пятый? Большинству казалось, что им должен стать Кровопусков. Но за место в команде боролся я Виктор Баженов, которого, как и Кровопускова, я тренировал уже в течение пяти лет.

Всем стало ясно, что педагог попал в критическое положение, хотя разница в результатах учеников была очевидной. Предвидя возможность подобной ситуации, в начале олимпийского сезона я сказал обоим спортсменам, что буду при их оценке формалистом — предложу в сборную команду того, кто окажется впереди по официальной системе отбора.

Мне вообще не советовали выступать со своим мнением на тренерском совете. А на мое беспокойство по поводу предстоящей тяжелой борьбы на Олимпиаде некоторые даже говорили:

— Пустяк. Саблисты выиграют Олимпиаду, как бы ни выступил пятый! Там такая сильная четверка — командного первенства они не отдадут. Баженов старше, пусть съездит — получит заслуженного… А Кровопусков подождет.

И все же я выступил на совете. Пытался доказать, что Кровопусков сильнее, чем Баженов, уже сегодня.

— Баженов — надежный командник, — возражали мне, — он, конечно, звезду с неба не схватит, но и своего не отдаст!

Я не сдавался:

— Но ведь Кровопусков дерется не менее упорно, а отдельные его выступления — на уровне лидеров команды! Он участвовал в финалах всех личных турниров года. И хотя начинал борьбу каждый раз не совсем удачно, потом побил всех сильнейших зарубежных мастеров: и итальянцев Микеле Маффея и Марио Альдо Монтано, и венгра Петера Марота.

Кроме того, не следует жить сегодняшним днем. Кровопусков — будущая спортивная звезда. Его творческий потенциал огромен, и нужно дать ему возможность принять участие в самых главных соревнованиях — олимпийском турнире. Ведь придет же

и следующая Олимпиада, и ее тоже нужно будет выигрывать. Более дальновидно, а главное, беспроигрышно «опробовать» Кровопускова уже сейчас…

Взяли Баженова.

Никогда так плохо эта команда по сабле не дралась, как в мюнхенском финале. Неудача в личном турнире сразу же постигла Ракиту. Он чувствовал себя «не в своей тарелке», был скованным. В результате вылетел из предварительных соревнований личного первенства, и на главный матч командного турнира его даже не поставили. В финале делалось что-то невообразимое! Назлымов дважды вел в боях 4:1 и оба боя проиграл. А ведь с ним такого почти не случалось. Он славился как раз своей выдержкой, умением не уступить завоеванных позиций, «железными» нервами. Но на этот раз он нес на себе тяжесть поистине непомерную, видел, что творится с товарищами. Винокуров и Сидяк начали финал, проигрывая свои бои.

Ребята были на себя не похожи — торопливы и перенапряжены. Когда «в товарищах согласья нет», на кого-то ложится лишняя ответственность, кто-то торопится, спешит выиграть. Результат печальный.

Очевидно, причиной смятения, охватившего команду, явилось несправедливое решение тренеров. Ведь ребята могли усмотреть в этом решении разные мотивы, в том числе и самые худшие. А фехтовальщик, находящийся на пике спортивной формы, особенно уязвим. И мысль о том, что так же несправедливо могут когда-нибудь поступить и с ним, не может не повлиять на его состояние.

В первую очередь эта история отразилась на выступлении Ракиты. Он много работал со своим младшим товарищем и не мог не принять случившееся близко к сердцу.

Сидяк отнесся к событиям как будто спокойнее. Он больше помалкивал, но в душе — царапина: не окажется ли следующее решение совета несправедливым по отношению к нему лично.

Винокуров был рад, что взяли Баженова, которого он считал надежным командником. Но необъективность тренеров и он ощутил и забеспокоился: а вдруг через год вместо него возьмут кого-нибудь помоложе, не считаясь с действительными возможностями претендентов на место в сборной?

Ну а Виктор Кровопусков не был обескуражен таким поворотом событий. Хорошо помню наш разговор после тренерского совета. Выхожу из дверей — поблизости ожидают спортсмены. Они почему-то всегда знают о решении совета раньше всех. В кучке ребят стоит и Кровопусков. Взгляд мрачный,

нахмуренный.

— Пойдем, — говорю, — погуляем, но сначала в буфет зайдем.

Зашли в буфет, купил триста граммов конфет. Помню, конфеты были «Кавказские». А мы с ним оба любим сладкое. Идем, едим. Молчим. Ну не знаю, что ему сказать, чем утешить. Молодой, хороший парень, зачем ему мое печальное знание жизни? Нет у меня таких слов, которые сейчас были бы к месту. Идем по аллейке и молчим. Уже минут пять или десять идем.

Вдруг он схватил меня за рукав и развернул поперек дороги:

— Ну, Давид Абрамович! Что вы так переживаете? Я все равно на следующей Олимпиаде буду сильнейшим!

Боже мой, боже мой, а я-то думал, как к нему подступиться… Дорогой ты мой, да ведь до следующей Олимпиады четы-ре года ждать!

Дальше мы уже говорили спокойно. Конечно, обидно, что не поехал, но все равно участвовал бы только в командном первенстве, потому что в личном по праву были заявлены Назлымов, Ракита и Сидяк. Значит, опыта приобрел бы не так уж много. А на следующей Олимпиаде нужно обязательно участвовать в личном первенстве.

— Сейчас ты на уровне лучших, а должен стать самым лучшим. Уверен, что уже к следующему первенству мира ты войдешь в сборную и покажешь хороший результат. Главное — стать самым сильным. И тогда ничто тебе не помешает.

В следующем году на чемпионате мира 1973 года в Гетеборге Виктор стал финалистом личного первенства.

Через год — новый взлет. По итогам финала чемпионом мира в личном турнире стал А. Монтано. А Виктор с тремя победами, но лучшим соотношением нанесенных и полученных ударов получил серебряную медаль.

Кровопускова нельзя назвать очень организованным человеком, особенно в решении бытовых проблем. Однажды он даже уехал на первенство мира, не организовав своей семье переезд на новую квартиру из старого дома, который собирались сносить. Пришлось тренеру все решать за него, хотя такой помощи он не просил и на нее не рассчитывал. Просто эти вопросы для Виктора всегда были второстепенными. Главное для него то, что благодаря тренерам он приобщен к высшему мастерству в фехтовании, он горд и счастлив тем, что добился права числиться среди лучших спортсменов мира. И, видимо, прежде всего в этом истоки глубокой привязанности Виктора Кровопускова к своим тренерам: Льву Корешкову, Марку Раките и, в свое время, мне.

От всех болезней

У каждого спортсмена свои особенности ведения поединков, свои достоинства и недостатки. Тренер, хорошо знающий своего ученика, в состоянии воздействовать на него должным образом в ходе соревнований. Однако не всегда тренер бывает рядом. В другом городе, а тем более за рубежом ученик может остаться без должного присмотра, особенно если старший тренер, выезжающий с командой, считает его «благополучным».

У меня были основания тревожиться, когда Виктор Кровопусков ездил на соревнования без тренера. Даже когда Кровопусков еще не имел высоких наград, а только боролся за них, он вел бои на очень высоком техническом и тактическом уровне. Вскоре уже ни один финал без него не проходил — ни внутри страны, ни за рубежом. Но дальше начинали происходить странные вещи: став финалистом, он боролся без огонька и проигрывал, особенно часто бои первой половины финалов.

Пришлось проанализировав выступления Виктора на многих соревнованиях, сопоставить силу партнеров, уровень судейства, особенности поведения ученика и результаты боев, а на Универсиаде-73, которая проводилась в Москве, удалось поэкспериментировать и впервые сформулировать закономерности, объясняющие финальные проигрыши Кровопускова. На следующем же турнире проверил свою догадку — и результат подтвердился. Оказалось, что в ситуациях неблагополучных (расстановка сил в группе создает дополнительные сложности, судья не понимает его действий, противник неудобный) он борется упорно, терпит, маневрирует, выжидает, то есть полностью проявляет все свои возможности.

Но если Виктор только что легко выиграл у всех, если судья и расстановка сил его удовлетворяют, а тем более если он уже в финале, вот тут-то и может поджидать беда. Степень его возбуждения резко уменьшается, упорство и выдержка куда-то исчезают, движения делаются торопливыми, он форсирует события или, наоборот, предпочитает только обороняться, а значит, может проиграть.

Пришлось придумать для него три правила, пригодные «на все случаи жизни». Эти три совета, три заповеди он должен был помнить и соблюдать, где бы ни находился. Все они носили тактическую окраску, на самом же деле были направлены на психорегулирование. Естественно, он не должен был почувствовать истинной подоплеки, иначе все увещевания тут же потеряли бы смысл. Человек всегда сопротивляется насильственной психологической обработке, чувство

собственного достоинства, видимо, протестует против такого вторжения.

Легче всего было преподнести эту «конфетку», так сказать, в тактической «обертке». Тем более что тактические рекомендации всегда ориентируют спортсмена на бои, и мои три совета не входили в противоречие с тем, чем заполнено в момент соревнований все существо фехтовальщика. В этот момент спортсмену свойственны крайние проявления психики. В обычной жизни человеку не часто приходится быть в таком состоянии, не часто его организм принимает на себя такую нагрузку.

Итак, совет первый. Если ситуация складывается неблагоприятно, то перед боями и между ними можно вести себя как угодно. Если же все идет хорошо, он присесть не имеет права ни на минуту! Все время должен двигаться, ни в коем случае не задерживаться надолго возле фехтующих спортсменов, даже если они его будущие противники. Можно только взглянуть и сразу же отойти.

Ему была категорически противопоказана успокоенность. А во время движения, хочет он того или не хочет, за счет двигательной активности он начинает возбуждаться. И, кроме того, вынужденное метание из конца в конец зала, мимо фехтующих спортсменов, мимо пестрой толпы зрителей на трибунах, мимо табло с меняющимися результатами, уже само по себе никак не способствует успокоению.

Второй совет основывался на том, что для Виктора всегда была типичная взрывная эмоциональность, сопутствующая единоборству. Когда он начинал бой, он загорался от самого выхода на дорожку и дебюты, как правило, выигрывал. Наносил первый удар и в трех случаях из четырех вел 2:0, или 2:1, или 3:2, или 3:1. Но вслед за этим обязательно наступал спад. Скорее всего, это происходило потому, что эмоциональный взрыв в начале боя стоил ему немалых сил и, естественно, нервные затраты требовали компенсации, времени на восстановление. После бессонной ночи можно ведь задремать на ходу по той же самой причине.

Если же он дебют не выигрывал, то неблагоприятная обстановка поединка продолжала держать его в напряжении — и спада не возникало. Он упорно боролся до самого конца.

Линия результативности в процессе его боев была резко изломана: подъем в начале поединка, резкое снижение в середине и к финишу опять резкий подъем. Значит, выход один: после удачного дебюта Виктор должен устроить себе, так сказать, тактический перерыв — тайм-аут.

Как это сделать? В фехтовании брать перерыв не разрешается.

Ну, на худой конец, спортсмен один раз за соревнование может попросить разрешения у судей во время боя поменять саблю или взять щипцы, чтобы подкрутить гайку на рукоятке. Но это же не выход из положения, да это и неприлично.

Пауза может быть создана фехтовальщиком с помощью тактических средств. Например, можно делать короткие атаки, пугая противника, чтобы он все время держался на солидной дистанции. Когда он окажется прижатым к границе дорожки, скорее всего, последуют обоюдные атаки. Затем судья прервет поединок и назначит розыгрыш приоритета, что займет некоторое время. На все это уйдет 15–20 секунд боя — и тактический рисунок изменится. В это время главное — не получить удара. Как нанести его самому — будет возможность решить после такого небольшого переключения, впрочем вполне достаточного для фехтовальщика.

Виктор быстро усвоил это второе правило, но выполнять подобный замысел, конечно, всегда непросто. Взять хотя бы его первый финальный бой на Олимпийских играх в Москве с Михаилом Бурцевым. Это был открытый поединок: соперники не разрушали построений друг друга, а продолжали их в следующих схватках, вплетались в замыслы, предлагали, опровергали… Между ними возник интереснейший тактический обмен замыслами. В первых же трех схватках Виктор обыграл Михаила. Этот бой легко было судить — такими безупречно чистыми были все удары. Но потом, вместо того чтобы без сожалений разорвать установившуюся связь, уйти, подвигаться — взять тайм-аут, Виктор продолжал единоборство. И Михаил в течение минуты нанес ему три удара, так же быстро и так же неотразимо. И счет стал 3:3, потом 4:4, ну а при таком счете, когда до победы всего один удар, а соперники равны, главным судьей может стать случай. Этот бой выиграл Михаил Бурцев.

Правда, в том же финале им пришлось встретиться еще раз — в перебое за первое место. В дебюте повел Бурцев — 3:1. И тут особенно ярко проявилась специфика Виктора Кровопускова — в условиях крайне обостренной ситуации не снижать, а, наоборот, прибавлять мастерство. И хотя нельзя было не заметить, что по тактическому рисунку они продолжают свой первый финальный бой, Виктор счет сравнял, а потом и добился победы, которая сделала его вновь олимпийским чемпионом. Приятно было видеть, как, сбросив маски, они обнялись искренне, по-дружески и так, обнявшись, ушли с дорожки.

Слишком часто, к сожалению, можно видеть, как соперничающие спортсмены избегают тренироваться друг с другом. Может быть, не следует их особенно обвинять. Слишком

много сил расходуется на любой, даже тренировочный, бой с опасным противником — они щадят свою психику. Правда, когда им все же приходится на тренировке драться друг с другом, заметно, что они стараются вести бой не в полную силу, скрыть какие-то свои возможности, исказить свой стиль. И каждый пытается вынудить другого на то, чтобы он себя выдал, то есть всю тренировку они играют в кошки-мышки. Тренеры стараются не создавать таких ситуаций, разводить конкурентов по разным парам, потому что подобная игра приносит им не много пользы. Гораздо важнее, чтобы тренировочный процесс превратился в обоюдное творчество. Попытка умышленно снизить напряженность поединка отрицательно сказывается на самом спортсмене. У него появляются технические ошибки, которые часто впоследствии автоматизируются, и избавиться от них стоит большого труда.

Пример Кровопускова и Бурцева особенно показателен как случай, когда два спортсмена, будучи соперниками, тренируются друг с другом совершенно открыто, используя весь свой боевой арсенал. Каждому из них ясно, что, усиливая своего партнера, он растет и сам. Таким же образом действовал Ракита, когда Сидяк был его младшим партнером по тренировке. Таким же образом они вместе подняли в свое время класс Кровопускова. И точно так же рос и Бурцев, закаляясь в боях со своим другом.

Третий совет, который был тогда нужен Виктору Кровопускову, давал ответ на мучительный вопрос, как поступать, когда вообще бой не получается. Ведь бывают случаи, когда трудно даже дать тактическую оценку поединка — не получается и все.

Чаще всего бой не идет потому, что спортсмену не удается проникнуть в логику планов противника, войти с ним в тактический контакт. Бывает, что тактические решения спортсмена предвзяты, оторваны от решений и действий противника, он мало заботится о подготовке своих действий, недостаточно маневрирует. И у него возникает обескураживающее впечатление, что решения противника не поддаются «вычислению», как бы возникают из ничего. У спортсмена, полностью поглощенного своей целью, такое «алогичное» поведение противника моментально вызывает инстинктивный протест. Собственно, это естественная защитная реакция психики при столкновении с чужой логикой и волей. Так уж мы устроены: непонятное кажется нам враждебным, и только через некоторое время, нужное на адаптацию, становится отчетливо слышным голос разума, пытающегося овладеть ситуацией, объяснить ее и что-нибудь ей противопоставить.

Помочь спортсмену справиться с собой в таких случаях может лишь совет спокойно оценить свои действия. Проверить, как соотносятся у него средства подготовки с попытками наступления и обороны. Кровопускову следовало задать себе такие вопросы: а использую ли я вообще средства подготовки? И если да, то как? Может быть, я тороплив, мои решения предвзяты?

Возбудимость, смелость Виктора действительно нередко приводили к торопливости. В каждой попытке ему хотелось нанести удар. В спортивных играх он наверняка был бы результативным нападающим. Но фехтовальщику нужно совмещать в одном лице все качества и функции, которые игровики могут распределить между членами команды. Прежде чем ударить, ему самому нужно «разыграть мяч». А Виктор, случалось, «отрывался» в своих действиях от противника и сам выдергивал нити из тактического узора поединка.

Ведь у него нередко бывали нелегкие бои именно с такими противниками, которых условно можно назвать непредсказуемыми, которые нападают, будто выскочив на дорожку «из-за куста». Помню, как однажды встретился Виктор на международном турнире «Московская сабля» с кубинским фехтовальщиком Ортесом. Это крупный, мощный спортсмен, с ярко выраженными спринтерскими качествами. После команды «Начинайте!» он так далеко отбегал назад, что между противниками оказывались чуть ли не две обычные боевые дистанции, вообще ставившие их вне фехтования! И тут он на мгновение останавливался, а потом с огромным ускорением мчался в атаку, успевая заметить любые контрмеры и разнообразно отреагировать на них. Это, конечно, сугубо индивидуальная, хорошо отработанная манера. Пытаться реагировать на все его действия в каждой схватке — бесполезно. Нужно спутать ему карты, сначала разрушать привычный для него ход событий, а затем навязывать конкретные ситуации.

Поединок проходил в рамках тура прямого выбывания, где счет ведется до десяти ударов. Виктор проигрывал уже 6:2, когда мы с Ракитой решили, что пора вмешаться.

— Не надо же подключаться к нему каждый раз! Побегай от него сначала, посмотри, пропусти одну-другую схватку, а уж потом пытайся нанести удар!

Он так и сделал: один-два раза отступит или пугнет оружием, а потом вдруг станет на месте как вкопанный, возьмет защиту и нанесет ответный удар или, отступая, опередит контратакой. В результате он выиграл бой со счетом 10:7, то есть получил еще только одно туше, а сам нанес восемь!

Умение соотнести средства подготовки с действиями

нападения и защиты крайне важно. Этот баланс индивидуален для каждого спортсмена, он даже может меняться от боя к бою, и поэтому следить за ним необходимо. Ведь слишком много подготовок — это тоже плохо. У некоторых бойцов в напряженных поединках можно видеть сплошные подготовки, а попыток нанести удар — нет, тогда инициатива переходит к противнику, и дело кончается проигрышем. Причем спортсмену кажется, что он действует много и адекватно ситуациям поединка. Он не замечает, что перестал быть опасным.

Три рекомендации, о которых шла речь, дали Виктору необходимое ощущение, что при случае ему достаточно полезть в карман и вытащить нужное напоминание. Правда, не всегда вспоминаются даже самые лучшие советы, не всегда они срабатывают, не всегда удается точно им следовать. Но во многих случаях, когда в кратчайшие секунды нужно решать, что же делать, хорошо, если под руку попадается готовое лекало.

К тому же в фехтовании, для того чтобы завоевать право на выход в следующую ступень, вовсе не обязательно выигрывать все бои. Как правило, из группы соревнующихся в шесть человек в следующую ступень выходят четверо, тогда три победы — это 90 процентов гарантии успеха. Бывает и так, что и с двумя победами можно обеспечить себе право продолжать поединки. А уж проигрыш одного боя из пяти и вовсе ничем не грозит. Лучший фехтовальщик определяется среди тех, кто больше выигрывает, чем проигрывает: около 75 процентов побед от числа всех поединков дают право на высшие места в соревнованиях. Система допускает возможность случайных неудач, каких-то тактических несовпадений, просто невезения, наконец.

Правда, в туре прямого выбывания, который проводится перед финальными соревнованиями, скидок на случайности почти не делается. Проиграв один бой, фехтовальщик попадает на круги так называемых утешительных боев, где уже не имеет права на проигрыш, если хочет попасть в финал. С 1981 года и финальные поединки проводятся по такой же ужесточенной схеме. Международная федерация приняла такое решение потому, что слишком участились случаи, когда при определении сильнейших спортсмены набирали равное количество побед и распределение мест между финалистами решалось в большом количестве перебоев. Например, на чемпионате мира 1978 года в Гамбурге в финалах почти всех видов фехтования набралось по четыре-пять одинаковых результатов и пришлось проводить как бы дополнительные микрофиналы, закончившиеся далеко за полночь.

Награда за преданность

Четырехлетие с 1973 по 1976 год было для Кровопускова временем резкого подъема. Он претендовал на призовые места во всех соревнованиях, а в год Олимпиады в Монреале стал чемпионом СССР и обладателем Кубка.

Мы с Ракитой были совершенно уверены в том, что он способен стать первым и на Играх XXI Олимпиады. Но станет ли? Это вопрос другой. В финал наверняка попадут самые сильные: итальянцы Монтано и Маффей, наши Назлымов и Сидяк…

— Вряд ли удастся их обойти, — сомневался Виктор, — судьи не дадут!

Недаром фехтовальщики говорят, перефразируя известное выражение, что первую часть жизни саблист работает на авторитет, а вторую — авторитет на него. Виктор не раз имел возможность в этом убедиться на собственном опыте, особенно на международных турнирах за рубежом. В общем-то, все вполне объяснимо: организаторы хотят, чтобы публика за свои деньги увидела в финале знаменитостей, обладателей громких имен. Поэтому Кровопускову, еще малотитулованному спортсмену, так трудно было в финалы пробиваться. Иногда и на первенствах мира недвусмысленно дадут понять, что имя — это многое!

Но вот на олимпиадах обычно бывает совсем наоборот. Олимпиада любит новые имена, любит молодых! Видимо, дело в том, что ветераны, много лет проведшие в атмосфере большого спорта, острейшей борьбы, безжалостно изматывающей нервы, на самом главном соревновании не выдерживают напряжения и дерутся несколько хуже. Для них четыре года ожидания — это слишком много.

— Вот увидишь: попадешь в финал, нанесешь удары — все засчитают! — убеждали мы его.

В финальных соревнованиях первые бои у Виктора были со своими — сначала с Назлымовым, потом с Сидяком. Он вел в каждом и выиграл один со счетом 5:3, а другой — 5:4. Борьба была исключительно упорной, но после того, как он выиграл у тех, кого до того времени ему на мировых первенствах победить не удавалось, никто из оставшихся спортсменов не смог нанести ему больше двух ударов! Без единого поражения он стал олимпийским чемпионом!

Старшим судьей в этом финале был Рудольф Карпати, который дважды побеждал на Олимпийских играх — в 1956 и 1960 годах, блестящий фехтовальщик и умный, знающий судья. Он уже давно приметил Кровопускова! Это ему принадлежит точная фраза, заключающая характеристику Виктора как бойца:

— Он — левша, а сразу этого и не заметишь!

Карпати давно увидел, что по своему классу, чистоте техники, отделанности каждого движения Виктор достиг самого высокого уровня. И как судье ему оставалось только официально это зафиксировать. Что он и сделал.

А на следующий день в командных соревнованиях Кровопусков подтвердил свою силу. Решающая встреча состоялась в полуфинале, который, как оказалось, был трудней финала. В этом матче с сильной и упорной командой Румынии наши спортсмены вышли вперед только после подсчета разницы между нанесенными и полученными ударами, потому что счет поединков был равным — 8:8. Из этих восьми побед четыре сделал Виктор. Он получил всего двенадцать ударов, а нанес двадцать! Если добавить к этому, что победу нашей команде принес перевес всего лишь в два удара, то станет ясно, как велик был вклад в нее самого Кровопускова.

Виктор, конечно, фехтовальщик уникальный. Поясняя характеристику, которую дал ему Карпати, можно добавить, что левши обычно действуют оружием и передвигаются по дорожке своеобразно, резко отличаясь от спортсменов, фехтующих правой рукой. Виктор же обладает высокой культурой движений, точно соблюдает каноны фехтовальной техники. Частотой бега по дорожке он напоминает хорошего спринтера, а отсутствие при этом видимого напряжения создает у противников ощущение мнимой безопасности. И Виктор это тут же использует. Способность к разумному риску — наиболее характерная черта его тактической манеры. В процессе борьбы все внимание его обращено на успешное завершение каждой отдельной схватки, он полностью поглощен текущими тактическими событиями единоборства. До решающего счета он свободен от переживаний за возможный исход всего боя. Может быть, поэтому ему так стабильно удается демонстрировать высокие результаты.

Сразу после победы Виктору было присвоено звание заслуженного мастера спорта. Когда он приехал из Монреаля и пришел ко мне в гости, я уже знал об этом. Собственно, так было всегда: победитель получал почетное звание там же, на Олимпиаде. Виктор в прихожей снял пальто и, не глядя на меня, стал что-то выуживать из кармана пиджака. Вытащил, разжал кулак и показал мне на ладони свой новенький значок. Глаза его светились радостью и… немножко лукавством.

Тут же стало ясно, в чем дело. Когда-то на тренировках, давая поручение или устанавливая очередность уроков, я часто, почти как присказку, повторял нехитрую шутку: «Преимущества имеют только ветераны старше тридцати лет и заслуженные мастера

спорта». Ну, естественно, убрать сетку, расставить скамейки, сбегать с поручением полагалось тем, кто помоложе, дело вовсе не в звании.

Оказывается, Виктор видел в этом не только шутку. Ему очень хотелось входить в число лучших в фехтовальном мире. И он был счастлив показать мне знак своей причастности к славной когорте сильнейших.

Итак, Кровопусков доказал всем свою силу. Но и сильнейшим не всегда в процессе борьбы за свое звание доводится выигрывать: иногда неудобен противник, или не удается настроиться, или не совпадает тактика… На коротком отрезке — в один бой — все может случиться. А выиграть со счетом 5:0 так же трудно у слабого, как и у сильного. В единоборстве гарантировать абсолютную победу не может никакой уровень мастерства.

Поэтому для фехтовальщиков очень важно правильно относиться к проигрышам — необходимо, чтобы быстро зарубцовывались «раны». Если же они долго «кровоточат», возникает психологический барьер. В таких случаях спортсмен начинает проигрывать определенному противнику, как мы говорим, «попадает в клиенты». Это можно наблюдать на самых разных соревнованиях — от турнира в спортивной секции до первенства мира. И полгода, и год, а иногда и всю жизнь не может человек отделаться от этого состояния.

Можно даже сказать, что в фехтовальном спорте не менее ценно окончить школу поражений, чем школу побед. В спортивной жизни Виктора Кровопускова того и другого было сполна, и, возможно, его долголетие в фехтовании объясняется малой ранимостью, способностью отбросить от себя болезненные переживания, связанные с проигрышем.

Как-то за полгода до Олимпийских игр в Монреале мне позвонил один из старых друзей. Мы обсуждали шансы разных фехтовальщиков в предстоящих соревнованиях. Среди возможных победителей я упомянул и Кровопускова и тут же услышал на другом конце провода усталый вздох:

— Опять ты о Кровопускове. Согласен, Виктор — спортсмен мирового класса. Хорошего уровня он достиг и сейчас очень силен. Но сильнейшим он не будет никогда) Ты только посмотри: занял второе место — и улыбается. Доволен! А ведь это плохо. Первым становится только тот, кто обладает лидерскими качествами. Возьми Назлымова — он же не может, чтобы кто-то был сильнее него. Он такого не терпит! Вспомни многих чемпионов. Они выходили на дорожку не только для борьбы клинками — они вели и личностную борьбу… А этот — улыбается!

Мой собеседник и сам в прошлом был настоящим бойцом. Расстраивался тем больше, чем ближе был к первому месту, если его не выигрывал.

— Конечно, — отвечаю, — Кровопусков именно такой, как ты говоришь. Но зато у него есть другие достоинства. Он не истощает нервную систему, он быстро восстанавливается и никогда ни к кому «не попадает в клиенты»… Дело все же в мастерстве! А оно у него такое, что первым он стать способен.

— Ладно, не будем гадать. Ждать уже не долго.

И Виктор стал олимпийским чемпионом.

Конечно, никто не скажет, что быть лидером по натуре — плохо. Важно лишь в воспитании спортсмена с ярко выраженными лидерскими качествами направить его задатки на созидание, а не на разрушение личности. Надо добиться, чтобы при проигрыше такой человек не погружался в переживания, а направил свой эмоциональный заряд на анализ причин поражения. Тогда сам факт поражения уже не будет его чрезмерно угнетать, он переключится на поиски верного решения. И столь же яростно, как только что боролся с соперником, он будет бороться с собственными недостатками.

В фехтовании, конечно, выходят вперед чаще всего именно сильные люди, обладающие незаурядными волевыми качествами. Здесь нужно умение собраться, предельно сконцентрировать внимание, в один миг вложить всего себя и выстрелить снайперски точно. Помимо блеска шпаг на дорожке мы видим напряженную борьбу двух воль, двух интеллектов.

Волевой спортсмен не обязательно должен везде и во всех случаях, скрипя зубами, рваться вперед с непреклонным лицом. Надолго такого может просто не хватить! И если кто-либо не переживает долго свое поражение, это, кстати, не значит, что он не способен на колоссальные напряжения в условиях боя.

В спорт высших достижений приходят разные люди. И во многом их уже не переделать. Мы только можем и должны специализировать их качества в процессе тренировки, проявить через манеру боя отношение к победам и поражениям. Необходимо найти удачный способ согласования способностей и формы их проявлений, развить положительные стороны, находя для них оптимальное воплощение в процессе единоборства и, наоборот, компенсировать негативные, особенно мешающие анализу.

Для молодого спортсмена, жизненно еще незрелого человека, не самым лучшим является ярко выраженное стремление во всех случаях быть первым. Мне кажется, педагог не должен это в нем поощрять. Лучше, если бы ему хотелось научиться тому же, что

умеют делать другие, — это гораздо более благородная позиция для ученика. Однако нередко бывает, что тренер из самых лучших побуждений, не уставая, твердит: ты должен быть только первым, первым… Как часто случается, что настроенный так спортсмен, наконец став первым, считает всех остальных вторым сортом. В том числе и своего тренера. Премьерство и эгоцентризм вырастают на этой почве стремительно, как бамбук.

Нездоровая атмосфера может создаться вокруг подающего надежды спортсмена, едва послышатся звуки славословий, речи о его талантливости и исключительности. Некоторые не выдерживают этого груза. И Виктор прошел сквозь испытание славой, но не дрогнул.

Свой путь в спорте Виктор Кровопусков начал девятнадцать лет назад. Он не был вундеркиндом, и восхождение к первым местам далось ему не легко и не скоро. Но он верил в себя и добился всех побед, о которых только может мечтать современный фехтовальщик. Одного он знать заранее никак не мог — что судьбой уготовано ему новое, очень трудное, испытание.

В 1977 году он сорвался в такую пропасть, откуда, как многие думали, выбраться уже невозможно: тяжелая травма с коварными последствиями. Но он выбрался! Помогли опытные специалисты, друзья, тренер, помогли вера в себя и воля к победе. В последующие два года он завоевал на чемпионатах мира золотую и серебряные медали. А на Олимпийских играх в Москве вновь стал чемпионом в личном турнире.

Родина высоко оценила самоотверженный труд, выдающиеся победы спортсмена и гражданина: Указом Президиума Верховного Совета СССР Виктор Кровопусков удостоен высшей награды нашей страны — ордена Ленина.

ВОПРЕКИ ОЖИДАНИЯМ

Будет ли мировой класс!

На сбор перед Олимпийскими играми 1968 года в Цахкадзор пригласили восемь саблистов. Из них шестеро — реальные претенденты на пять мест в команде: Ракита, Мавлиханов, Винокуров, Назлымов, Сидяк, Мельников. Взяли им для тренировки и двоих молодых — Кровопускова и Баженова. По своим силам Виктор Баженов занимал тогда место где-то от восьмого до двенадцатого в СССР. Спортсменов распределили между двумя тренерами, присутствовавшими на сборе, — Львом Кузнецовым и мной. Баженов оказался в моей половине. Со сборной командой РСФСР я занимался давно, не раз наблюдал Виктора на соревнованиях и давно заметил, что он — волевой, внутренне сильный человек. На фехтовальной дорожке Баженов предпочитал выжидать, но в критических положениях находил в себе какие-то резервы, которые позволяли ему даже в самой безнадежной ситуации идти в атаку, не бояться обострений, разумно рисковать — пусть не всегда удачно, но все-таки сопротивляться. Короче, он предпочитал в любом случае надеяться на себя. Вообще же бои он вел с большой выдержкой.

Правда, многие считали, что по физическим данным он не подходит для большого фехтования: рост 163 сантиметра, руки и ноги хоть и сильные, но короткие. Раньше он занимался футболом и неплохо играл, а фехтовать начал чуть ли не в 17 лет. За счет хорошего общего спортивного уровня, бойцовских качеств он таки поднялся, и его заметили в фехтовании.

Арсенал его приемов, однако, был чрезвычайно мал. Стремясь компенсировать недостаток в росте, он интуитивно начинал нападения бегом, а не общепринятыми выпадами, но бежал при этом медленно-медленно, как бы присматриваясь к противнику. Если тот оказывался недостаточно внимательным, Баженов резко ускорялся и переходил в атаку. Ему очень трудно давалось преодоление «мертвого» пространства приближения к противнику, которое другие легко покрывают за счет своих ростовых данных. Он, кроме того, почти всегда старался при сближении отбить клинок противника, который ему психологически «мешал». Его можно было понять! Более рослые, длиннорукие спортсмены часто успевали опередить его и нанести удар по маске или руке прежде, чем он успевал добежать до удобной для него дистанции. Но ведь отвести клинок противника

в сабле удается крайне редко, потому что обычно фехтовальщики поджидают противника с опущенным оружием.

Начал тренировать Виктора, не строя никаких далеко идущих планов. Однако довольно скоро заметил, что приобрел интересного ученика. Он ловил каждое мое движение, каждое слово. Ничего не упускал, был предельно исполнительным. А вскоре выяснилось, что он быстр и ловок, что ноги у него хорошо развиты, и незаметно для самого себя я начал подбирать ему способы компенсации имеющихся недостатков. Решил, что если сделать его нападения как бы «двухэтажными», ускорить бег вперед, тогда по глубине атак он сравняется со своими возможными противниками. Меня очень обнадеживало то, что он был от природы хорошо координированным и имел еще очень небольшой фехтовальный стаж — всего лет пять-шесть. Значит, если создать подходящую манеру боя, сможет соревноваться на высоком уровне.

Постоянное стремление оттолкнуть, отбить клинок противника можно было использовать. Целесообразно сделать из него не один прием, а много, хоть десять. Ведь этот способ, если его несколько видоизменить, можно применять в разных ситуациях, с различными «добавками» и подготавливающими действиями. В результате получится много «номеров», совершенно различных, — и противнику будет очень тяжело, почти невозможно предугадать развитие событий. И тогда в наступлении и в обороне Баженову нетрудно будет создавать условия для применения этого своего любимого «номера». Кроме того, наличие в арсенале такого сложного, разнохарактерного боевого средства создаст у противника повышенную тревожность, вызванную ожиданием коронного приема. Но ведь Виктора можно будет оснастить и другими действиями, которые удачно скомпонуются с его главным, стержневым приемом. И пользоваться всем этим можно умело и ловко: когда от него будут ожидать его «коронку», он сделает что-нибудь другое и удары будет наносить неотразимые. Заодно вырастет его технический уровень и увеличится глубина атак.

Заметив, что я стал подолгу заниматься с Баженовым, многие коллеги захотели меня «образумить»:

— Ты что, собираешься его тренировать? Но ты же не волшебник! Оспаривать очевидное бессмысленно!

Не поддерживая легкого тона, я каждый раз объяснял, почему думаю, что у Баженова может быть будущее. Не знаю, дошли до него эти разговоры или нет, но в конце сбора он подошел ко мне и сказал:

— Давид Абрамович, может, вы согласитесь стать моим

постоянным тренером?

Его омский тренер, мой хороший друг Оганес Крикорьянц, не возражал, и по линии сборной Баженов стал тренироваться у меня.

Уже через два года он завоевал себе право на постоянное место среди кандидатов в сборную команду, даже занял в 1970 году пятое место на первенстве СССР. Но когда обсуждали состав сборной перед первенством мира, тренерский совет предпочел ему Сергея Приходько, завоевавшего на чемпионате седьмое место, но обладавшего незаурядными физическими данными, быстротой и стажем выступлений среди юниоров. Специалисты сочли его более перспективным для команды. Это не обескуражило Баженова. Уже на следующий год он показал такие результаты, что никаких споров о том, кому ехать на первенство мира 1971 года, возникнуть не могло. Во всех международных турнирах он занял призовые места, что поставило его в один ряд с фехтовальщиками мирового класса.

Баженов сформировался как очень специфичный фехтовальщик. Был очень волевым спортсменом. Несмотря на заметные успехи, кое-кто считал, что заниматься с ним — пустая трата времени.

Но я уже загорелся. Попытаться что-то сделать из такого спортсмена, нащупать, в чем могут быть его преимущества, развить их, построить тактику специально для него, и только для него одного, и превратить таким образом его в опасного соперника — это достойная труда задача! Подумал, что если он станет фехтовальщиком мирового класса, это принесет мне огромное удовлетворение. Да и так ли уж часто тренеру попадается первосортный материал, из которого можно штамповать сильнейших! Мне гораздо чаще приходилось разгадывать педагогические головоломки. Итак, надо мной подшучивали, а я не отступался.

Баженов мог бы, возможно, выиграть призовое место на первенстве мира 1971 года в личном турнире, но ему просто немного не повезло. В четвертьфинале Виктору предстояло сразиться с одним из сильнейших советских фехтовальщиков — Владимиром Назлымовым и еще двумя маститыми зарубежными мастерами. По мнению Баженова, Назлымов был выше его по уровню. Это не совсем так, точнее было бы сказать, что мастерство Назлымова шире. Но ведь Баженов был боец! И для того, чтобы уйти от него в поединке, надо было потратить очень много сил.

В следующую ступень соревнования переходили только трое лучших. Следовательно, кому-то одному нет места. Первый бой —

между своими. Баженов проиграл Назлымову как-то очень быстро. И, видимо, судьи подумали, что он дрался не всерьез. Решили, что он пропускает вперед именитого товарища по команде, помогает ему сохранить силы. И когда он вышел драться против зарубежных соперников, все удары — как в стену! Судьи решили: «Если ты пропускаешь Назлымова, придется тебе пропустить и других, не менее именитых из других команд. Посторонись, голубчик!» Не знаю, что они говорили между собой, но подумали, видимо, примерно так.

Яблоко раздора

Виктор Баженов упорно готовился к Олимпийским играм 1972 года. Неплохо выступал в турнирах дома и за рубежом. Показал все, что мог, на что был тогда способен. Но случилось так, что другой фехтовальщик оказался сильнее. В этом и проявляется один из суровых, но справедливых законов спорта. Ты готовился, не жалея сил, выступал, все отдав борьбе, но появился еще более подготовленный спортсмен. Что делать! Надо готовиться к следующим турнирам, снова стремиться вперед. Остановишься — тебя обойдут. И нечто подобное произошло.

В олимпийский сезон 1972 года исключительно бурно вырос Кровопусков и показал на соревнованиях более высокие результаты. Решая вопрос о составе олимпийской команды, тренерский совет, как уже было сказано, предпочел кандидатуру Баженова — спортсмена, испытанного в сборной, надежного.

Конечно, при такой четверке — Ракита, Назлымов, Сидяк и Винокуров — легко было допустить мысль, что пятый при них — «пассажир». Любой, мол, проедется с ними на Олимпиаду и обратно, получит медаль командного первенства и с почетом вернется домой. Да, четверка, бесспорно, была сильнейшая, но… олимпиады, видимо, недаром проводят всего раз в четыре года, выиграть их очень нелегко, а индульгенции в спорте высших достижений вообще не выдаются.

На Олимпиаде в Мюнхене финальный командный матч саблисты СССР проиграли итальянцам и завоевали серебряные медали, что было для нас всех поражением после первых мест на двух предыдущих Олимпийских играх. Причем нельзя сказать, что Баженов был виноват в этом проигрыше. Он-то как раз дрался упорно и выиграл свой первый бой. Но настрой команды, зависящий от очень многих причин, и в частности от справедливости решений тренеров, оказался неважным. Итальянцы выиграли со счетом 9:4, хотя наша сборная была представлена сильнейшими фехтовальщиками мира,

находящимися в то время в расцвете своих сил и способностей.

И, как нередко бывает, Виктор Баженов, явившись «яблоком раздора», нес на себе затем психологический груз мюнхенской неудачи. В последующие несколько лет специалисты занялись поиском новых талантов и не замечали Баженова при комплектовании команд в следующем олимпийском четырехлетии.

Баженов сохранял достигнутое мастерство, но у меня уже больше не тренировался. После достопамятного предолимпийского сбора он решил, видимо, что дело тренера — выигрывать тренерские советы, а не стараться быть объективным.

Возвращение в команду

Однако час Баженова как мастера фехтования на саблях пробил еще раз. В течение четырех лет в составе сборной команды он не выступал, но в 1977 году вновь занял в ней место и вошел в число лучших спортсменов страны. На чемпионатах мира в Буэнос-Айресе и в Гамбурге был пятым в личном первенстве. То есть уровень свой сохранил, но дальше не рос. Ничего удивительного в этом не было. Его специфика требовала особого подхода. Узкосформированный стиль надо было постоянно поддерживать. А поскольку этого не делалось, его манера не совершенствовалась. Конечно, он обогатился опытом, стал тактически несколько более гибким, но все эти приобретения только позволяли сохранять приобретенный ранее уровень.

На следующие мировые чемпионаты он не попал, и хотя прожил интересную и большую жизнь в спорте, как бы состоящую из двух периодов, ему так и не удалось показать результаты, которых он мог и хотел бы добиться.

Виктор Баженов, пожалуй, в своем отношении к бою — прямая противоположность Кровопускову. Сама природа создала его борцом — он не мог не сражаться до конца. Хватит ли сил, хватит ли способностей — над этим он не раздумывал.

Есть такая старинная притча о двух лягушках, попавших в глубокую кринку со сливками. Одна из них, осознав, что конец неминуем, сложила лапки и пошла ко дну. Вторая же, не повинуясь доводам рассудка, упорно продолжала бултыхаться на поверхности. И через несколько часов, уже изнемогая от усталости, она вдруг почувствовала, что может упереться в твердое дно и выпрыгнуть наружу. Оказывается, плавая, она сбила из сливок масло. Спасение пришло неожиданное, но заслуженное.

Эту притчу обычно истолковывают как пример того, что мужество и упорство способны преодолеть любые преграды. Мне же кажется, что здесь речь идет не столько о сознательных волевых усилиях, сколько о природных качествах. Не отдавая себе полного отчета, собирая все свои силы, живое существо следует могучему древнему инстинкту самосохранения. А инстинкт — не достоинство, не заслуга, он заложен в живом существе самой природой.

Баженов был хорошим учеником, пока ему не показалось, что возникла угроза его личным планам, его продвижению вперед. И как только рядом с ним стал набирать силу другой спортсмен, он забеспокоился. Ощущая конкуренцию, Баженов всеми силами рвался в сборную — непременно на предстоящий чемпионат, потом на следующий.

В то время я говорил ему:

— За пять лет, что мы занимаемся, ты стал мастером мирового класса. У тебя есть еще неиспользованные резервы. Станешь со временем еще сильнее, а вполне возможно, что и самым сильным, и твое от тебя не уйдет.

Но ждать он не мог. Потребность действовать, «спасаться» затмевала все соображения. Он решил, что уже достаточно силен, что приобретенного мастерства на его век хватит, как бы он ни тренировался в дальнейшем.

Мне кажется, главная беда Баженова была все-таки в том, что он себя недооценивал. Ему постоянно твердили: «Ты боец, но у тебя нет данных». И он поневоле стал считать себя фехтовальным курьезом. Так развилось в нем ослепляющее желание попасть именно вот на эти соревнования, вот на этот чемпионат: появились опасения, что другого случая в его жизни не будет. В конечном счете ему так и не удалось до конца развить и реализовать свои возможности.

Что же касается меня, то работа с Виктором Баженовым лишний раз подтвердила необходимость как можно больше использовать возможности фехтовальной педагогики.

ВОВРЕМЯ РОДИТЬСЯ

С Петром Ренским мы познакомились на сборе в Минске перед первенством мира среди юниоров. Петр готовился выступать на нем в ранге победителя прошлогоднего чемпионата мира. А до этого ни один советский фехтовальщик на юниорском первенстве мира не побеждал дважды. Было принято решение дать молодым возможность сразиться в тренировочных боях с наиболее опытными мастерами в порядке обмена опытом. Моя задача состояла в том, чтобы консультировать постоянных тренеров, приехавших на сбор со своими учениками, а Ракита должен был тренироваться с юниорами.

Первая половина сбора закончилась контрольными соревнованиями, в результате которых выяснилось, что Петр Ренский не в форме. Видимо, он испытывал ощущение неуверенности, не надеясь повторить свой прошлогодний высокий результат. Ему было что терять. Тренер Ренского Игорь Григорьевич Пыльнов всерьез забеспокоился и обратился ко мне за советом.

Мы давно и близко были знакомы с Пыльновым. Способ воздействия на его ученика выработали сообща. Решили, что тренировать Ренского он будет продолжать сам. А я, как бы обсуждая с тренером ход подготовки, дам Ренскому два-три урока, но скорее для педагога, чем для ученика. Ракиту мы попросили создавать в боях с Ренским атмосферу тактического противоборства. Но вести поединки надо было так, чтобы Петр не чувствовал себя слабее. Для Марка не составляло труда выполнить наши просьбы незаметно для противника. Некоторые тренеры предостерегали Пыльнова, считая, что рискованно перед такими ответственными соревнованиями доверять своего ученика «чужой руке», что эффект может быть самым неожиданным. Но в силу того, что причины снижения спортивного мастерства у Петра Ренского были чисто психологическими, а действовали мы сообща и очень обдуманно, то, к счастью, мрачные прогнозы не оправдались. Петр стал сражаться лучше, но все же некоторая внутренняя скованность осталась.

В начале чемпионата Петя дрался неважно. В полуфинале даже был момент, когда он мог вылететь, проигрывал 4:3 свой решающий бой. Вокруг дорожки, где соревновались спортсмены его группы, столпилось множество людей. За Петю волновались, старались что-то посоветовать, подсказать, теребили его.

— Игорь, гони всех! — посоветовал я Пыльнову, видя, что спортсмена уже вконец задергали. — Смотри, он уже не знает,

кого слушать, несется без руля и без ветрил.

В считанные мгновения тренеру и ученику удалось понять друг друга, Петр собрался, успокоился и «вытащил» этот бой. В финале он был неузнаваем, победил с большим преимуществом и во второй раз стал чемпионом мира.

В юношеском возрасте Петр Ренский был одним из противников Кровопускова. Когда Виктор в 1968 году стал чемпионом мира, Петя в том же финале занял третье место. Затем Кровопусков соревновался уже только со взрослыми, а Ренский еще дважды выступал в составе юниорской сборной. В 1970 году братья Ренские, оба — фехтовальщики, были призваны в ряды Вооруженных Сил и стали тренироваться в ЦСКА. Игорь Григорьевич Пыльнов согласился на мое участие в их подготовке, и Петя стал у меня заниматься.

Такого уровня юниор мне в руки еще никогда не попадал. Это был щедро одаренный спортсмен, исключительно выдержанный, смелый, сообразительный. В фехтовальном плане — техничный, разносторонне оснащенный, с прекрасной защитой. Но не очень быстрый. Ну, меня это не пугало, компенсация такого рода недостатков, можно сказать, стала моей специализацией. В общем, я был почти уверен, что смогу, если можно так выразиться, сделать второго Ракиту. У них была общая способность глубоко проникать в психологию и тактику фехтовального поединка. А что касается культуры владения оружием, то у Петра она была безукоризненной. Пыльнов, его «детский» тренер, славится тем, что умеет дать хорошую основу своим ученикам. Кстати, это он вырастил Михаила Бурцева, ставшего чемпионом мира и олимпийских игр.

Из Петра получился прекрасный фехтовальщик. Он достиг уровня мирового класса, фехтовал очень сильно и имел еще большие возможности. Однако в спорте должно еще повезти вовремя родиться. В период расцвета его дарования в сборную команду саблистов входили поистине великолепные мастера, долго не сдававшие своих ведущих позиций. Достаточно сказать, что на Московской олимпиаде в нашей команде выступали Владимир Назлымов, пришедший в сборную в 1967 году, и Виктор Сидяк, который попал туда в 1968-м. И не только Петру Ренскому, но и целой группе молодых способных ребят так и не пришлось утвердить себя в мировом фехтовании. Разве что только один Виктор Кровопусков, беззаветно влюбленный в фехтование, не мыслящий без него своей жизни, сумел это сделать. Остальным не удалось. Да, у поколения Петра Ренского не было спортивного счастья. Однажды на международном турнире против команды Румынии, которая в этот год была

второй в мире, вышла четверка спортсменов: Назлымов, Петр Ренский, Мартин Ренский и Алексей Илюк. Трое — представители того самого «второго эшелона». Все показали высочайший уровень фехтования и выиграли со счетом 9:3. Таких доказательств силы молодых было множество. Особенно выделялся Петр.

Тренируя Петра, я не мог обойти вниманием и его брата, Мартина, — это было бы просто неэтично, хотя занятость мешала работать с ним достаточно часто. Нельзя сказать, что Мартин выглядел таким же перспективным, как его брат. Они очень разные. Если Петр хитрый, гибкий тактик, разносторонне оснащенный в бою, то Мартин, внешне выгодно отличающийся от брата атлетизмом, высоким ростом, был прямолинеен в поединке и результатов высоких не показывал. Среди юниоров он еще мог рассчитывать на место в сборной, но, став взрослым, выше двадцать четвертого места в СССР не поднимался.

Внимательно понаблюдал за ним, а затем на уроке, не зная еще, что решить, сказал Мартину:

— Давать тебе уроки чаще, чем раз в две недели, просто не смогу — нет времени. Но ты не огорчайся. Тебе это и не нужно. Ты вполне сформировавшийся боец. А результаты неважные потому, что у тебя в принципе неверный, ошибочный подход к делу.

И объяснил, в чем его ошибка. Петр склонен к позиционной, маломаневренной борьбе. И для него это выгодно: он очень внимателен, у него отличная реакция переключения, поэтому он может позволять своим противникам приближаться, много нападать. Но Мартину, который поступал точно так же, это было категорически противопоказано.

— На каждую атаку противника ты должен реагировать мобильно, — доказывал я ему, — уходить, используя все возможное пространство, вести только маневренный бой с большим количеством нападений. При глубине твоих атак и быстроте соперники просто не смогут от тебя спастись! Даю тебе первое задание: в тренировочных боях сделать в течение получаса не меньше тридцати атак. Причем не нужно выбирать момент, разыгрывать ситуацию — атакуй, лишь только увидишь, что противник на мгновение замер. Прямо командуй себе сам: «Пошел!» Увидишь, процент попаданий будет высоким. Сможешь перестроиться, начнет у тебя получаться — буду выкраивать время для уроков с тобой.

Конечно, поступок несколько жестокий, но что делать — времени у меня действительно было в обрез. Да дело не только и не столько во времени. Мартину нужны были огромные усилия

над собой, чтобы сломать старую, мешавшую ему манеру боя. Он мог это сделать лишь имея мощный стимул.

Прошло какое-то время. Наблюдаю за Мартином и вижу: с железным упорством в каждом бою топает на противника и атакует! Ну что ж, прекрасно. Он подсчитал процент попаданий, и оказалось, что реализуется от половины до двух третей его нападений. Значит, надо помочь ему «почистить» атаки. Снова позанимался с ним — и так несколько раз. А месяца через два он заметно изменился, репертуар его обновился. Ну, а в следующем сезоне он попал во все финалы соревнований, проходивших у нас в стране: два турнира сильнейших, первенство СССР и другие, всего — шесть.

Успех необычайно быстрый, такого даже что-то и не припомню в работе с другими спортсменами. Получив от меня не больше двадцати пяти уроков, Мартин догнал Петра, которому досталось не меньше восьмидесяти уроков.

Но судьба их была одинакова. И Мартину не нашлось места в сборной команде. Хотя он, так же как и Петр, успешно участвовал в международных турнирах, был не один раз чемпионом СССР в составе московской команды. Оба они были и победителями Спартакиады народов СССР, Мартин даже два раза. Но на помосты чемпионатов мира и олимпиад им выйти так и не удалось, хотя это люди исключительно преданные фехтованию, посвятившие ему все свое свободное время и отдавшие много сил ради достижения высокого мастерства.

* * *

По-разному складываются судьбы спортсменов. Стремясь повлиять на этот процесс, тренер к каждому из них ищет свой подход. Но правила соревнований для всех одни и те же, заветные цели тоже одни, а на пути к высшим достижениям все преодолевают одинаковые рубежи. Поэтому в деятельности фехтовальных педагогов можно обнаружить некие общие моменты, выделить общие установки, применимые к любому ученику и годные на все времена.

Начало всех начал — поиск своего ученика. Того единственного, с которым могут сложиться отношения полного взаимного доверия. Того, для которого хочется придумывать способы достижения высшего спортивного мастерства. И дело вовсе не в том, чтобы, просеяв сквозь частое сито, выбрать способнейшего из способных. Важно не ошибиться, приметив интересного спортсмена, работа с которым может превратиться в

настоящее творчество.

Но, найдя единственного, надо еще добиться, чтобы он «слышал» своего тренера, чтобы он хотел учиться, участвовал в творческом процессе. А значит, тренеру всю жизнь необходимо бороться за свой авторитет.

Спортом занимаются, в основном, очень молодые люди, часто еще не совсем определившиеся в своих нравственных оценках, мнениях. А их нередко подстерегают искушения, соблазны. И не всегда путь, кажущийся кратчайшим, является лучшим. А значит, дело тренера — воспитать в каждом из учеников человека и гражданина. Ведь спорт не самоцель, а скорее средство воспитания, утверждения личности.

Преданность любимому спорту, углубленные занятия им, требующие от спортсмена всех его сил и всего времени, не должны замыкать его в узких рамках специализации. Неизбежен тот час, когда неравнодушному ученику захочется большей полноты в оценке своей деятельности. И тогда он неминуемо должен будет обратиться к изучению других видов спорта, познать хоть и близкий, но все-таки другой мир. Задача педагога — побуждать и стимулировать проявления такого интереса.

Вот лишь немногое из того, что приходится держать в фокусе своего внимания каждому педагогу. Каждодневная практика дает ему богатую пищу для педагогических сюжетов.

ГЛАВА 5
СЮЖЕТЫ ФЕХТОВАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

НАЙТИ ЕДИНСТВЕННОГО

Если бы тренер, думая о подготовке мастера мирового класса, мог выбирать, кого ему тренировать… легкая у него была бы жизнь! Но этого, как правило, не случается. Часто ученика сталкивают с тренером какие-либо жизненные обстоятельства. Допустим, родители спортсмена переехали в другой город — он начинал в одном месте, а продолжает в другом. Юноша призывается в армию, или поступает в институт, или попадает в одну из сборных команд, и у него появляется другой или еще один педагог… В течение своей спортивной жизни спортсмен часто «проходит» через руки трех-четырех человек.

Допустим, где-то углядел ты интересного юниора, разгадал в нем способности. Но ведь его кто-то уже тренирует! Разве можно подойти к молодому человеку и сказать: «Хочешь заниматься со мной?» А как быть с педагогом, который «открыл» ученика?

Фехтование — особый вид спорта, мы работаем методом индивидуального урока. И единственно допустимый способ получить понравившегося ученика — это предложить его тренеру творческое содружество.

Казалось бы, проще самому набрать группу детей (а сейчас уже начинают заниматься фехтованием с 10 лет), найти среди них спортивно одаренных, заложить фундамент мастерства, основанного на собственном восприятии фехтовального единоборства. Некоторые так и делают: начинают работать с учеником, полностью создают его, как говорится, «под себя», именно с такими у них складываются дальнейшие отношения. Правда, у этих тренеров с чужими учениками, попавшими к ним тем или иным образом уже за границей юношеского возраста, чаще всего ничего не выходит. Не могут приспособиться друг к другу.

А есть тренеры, которым все равно, кто учил начальной школе юношу, попавшего к ним в обучение в возрасте 17–20 лет. Мне, например, было интересно начинать работу именно с момента, когда у спортсмена складывается фехтовальный почерк, формируется индивидуальная манера боя, обусловленная особенностями проявлений физических и психических качеств. Хотя мне приходилось заниматься и с начинающими.

С Ярославом Ситниковым мы познакомились, когда ему было 13 лет. Мне хотелось тогда проверить новые методы технико-тактической подготовки на «чистом листе». Ярослав стал чемпионом СССР среди взрослых в составе команды РСФСР, а в 18-19-летнем возрасте был членом юношеской сборной, попадал в

финалы турниров сильнейших фехтовальщиков страны. В дальнейшем ему не повезло. Стало подводить здоровье, а в таком случае большие тренировочные нагрузки противопоказаны, и он прекратил свои выступления.

Детских педагогов обычно мучает вопрос точности выбора, так как ждать ответа им приходится долгие годы. Можно сразу сказать, что награда чаще всего приходит к тем, кто учитывает, что сами по себе способности не гарантируют ученикам ровной дороги в спорт высших достижений. Вместе с талантом им понадобится еще многое другое.

Известный грузинский педагог, воспитавший немало отличных мастеров фехтования, Трифон Гедеванович Месхи набрал однажды в свою секцию новичков. Естественно, он старался высмотреть среди них самых быстрых, ловких и прыгучих мальчишек. Все они стремились поскорее попасть туда, где знаменитый Тэ-Гэ научит их управляться с оружием. Они прыгали с мячом, соревновались, делали различные упражнения — в общем, показывали, на что способны.

Не всем удалось приглянуться опытному тренеру. Особенно безнадежное впечатление производил один маленький крепыш, неторопливый и тяжеловатый в каждом своем движении. После испытаний Трифон Гедеванович сказал ему:

— Слушай, мальчик, фехтование — не для тебя. Займись лучше борьбой, а?

— Возьмите меня, я научусь! — Мальчик не сводил с него умоляющего взгляда. — Дайте только саблю, и вы увидите!

Но решение тренера было окончательным.

Начались занятия, и каждый раз Трифон Гедеванович слышал за спиной осторожный скрип двери, легкий шорох, а потом появлялась и круглая голова «забракованного», который протискивался в зал и замирал где-нибудь за скамейками.

— Ты что такой упрямый?! Делай уроки, гуляй на свежем воздухе! Зачем ты здесь стоишь? — не выдержал однажды тренер.

Мальчик ушел. Но это был еще не конец истории. На следующий год во время очередного набора он снова оказался тут как тут и снова, стиснув зубы, старательно проделывал контрольные упражнения. Сдвигов в лучшую сторону не было, и Трифон Гедеванович, глядя на него, даже немного расстроился. «Эх, — подумал он, — всем бы так хотеть, как этому! Вот прошел год, а много ли способных осталось в секции? Почти все ушли попробовать что-нибудь другое. Ну, конечно, ловким и быстрым везде рады! Возьму-ка я этого „нескладного“ — пускай другие у него поучатся, как надо добиваться цели».

И он ни разу не пожалел об этом. Ученик не только от

первого до последнего занятия был примером для всех тренировавшихся вместе с ним. Этот мальчик, Нугзар Асатиани, стал чемпионом XVIII Олимпийских игр в Токио в составе команды по сабле, в течение многих лет был капитаном и душой грузинских фехтовальщиков.

Фехтуя на соревнованиях, юноша или девушка побеждают не случайно. Но чаще всего сразу не удается определить, почему один выигрывает, а другой проигрывает. Конечно, есть традиционное мнение о том, какие качества для фехтовальщика наиболее важны. Любой тренер скажет: в первую очередь это быстрота во всех ее проявлениях. Крайне важно быстро двигаться, быстро реагировать, быстро мыслить. Еще важно быть ловким, ибо оружие, ноги, руки нужно скоординировать, выполнить много разнообразных сложных движений опять-таки в мгновенно изменяющихся ситуациях. Так кажется, чего же и голову ломать? Раз быстрый, обязательно будет первым!

Если бы это всегда было так! На практике сплошь и рядом оказывается, что очень сильный фехтовальщик двигается совсем и не быстро, случается, заметны недостатки и в координации. Можно даже заподозрить его в недостаточно быстром реагировании… Где ж правда?

Но если посмотреть повнимательнее, что значит быстрое реагирование? Легко можно заметить лишь быстроту простой двигательной реакции. Бросаются в глаза быстрота преодоления пространства, хороший прыжок, ловкость. Эти качества сразу наводят на мысль о способностях. Но ведь в видимом диапазоне находится лишь «моторный компонент» любого движения. Величину «скрытого периода» реакции, ту часть времени, которая проходит от восприятия сигнала до начала движения, мы со стороны не фиксируем. А проявления свойств психики различимы не так просто, визуально их трудно определить. Поэтому они как бы находятся в тени.

Пролить свет на скрытые возможности человека, способного к единоборству, тренеру иногда помогает случай. Истинных педагогов, работающих по призванию, собственно, и отличает то, что они этот случай постоянно ищут, а найдя — не оставляют без внимания. Для меня самого первая встреча с преподавателем фехтования осталась навсегда значимой, так как в ней как раз было видно стремление тренера дать оценку возможностям ученика.

В первые послевоенные годы кафедрой фехтования института физкультуры заведовал Александр Николаевич Пономарев. Его авторитет в глазах студентов был исключительно высок. Играли свою роль и его военное прошлое, и высокие достижения в

фехтовании на всех видах оружия, и весь его облик — всегда подтянутого, мужественного, очень привлекательного человека. Ему тогда еще не было и тридцати.

В качестве студента второго курса, желая ликвидировать задолженность, однажды вечером я заглянул в фехтовальный зал, чтобы справиться о расписании занятий, и сразу наткнулся на прямой и строгий взгляд заведующего. Но на несмелый вопрос в ответ вдруг услышал:

— Приходите хоть каждый день, только попозже. Было бы желание, а без внимания не останетесь.

На следующий день в гимнастическом трико и чешках «задолжник» явился в зал, а затем стал приходить каждый вечер. Так прошло недели три-четыре, и вот однажды урок студенту решил дать сам Александр Николаевич. Может быть, он хотел немного разгрузить своих преподавателей — народу в зале в тот вечер скопилось немало.

— Ну вот, научил я вас атакам с финтами, — сказал он в конце урока, — но в бою они вряд ли у вас получатся. Противник-то начеку!

— А как же быть? — спросил студент.

— Нужно постараться нападать неожиданно.

И они проработали ложный выпад, за которым следовала небольшая пауза, рассчитанная на то, чтобы противник успокоился и отвлекся, а затем — атака.

— Освоили? — спросил Пономарев. — А теперь давайте подеремся!

Новая неожиданность. Студент и месяца еще саблю в руках не держал, а с ним вступает в поединок один из лучших фехтовальщиков СССР! Однако надели маски и начали. Оба передвигаются по дорожке, педагог атакует, так проходит секунд пятнадцать, а потом он снимает маску и говорит:

— Ну что же вы? Учились-учились атаковать врасплох, а не делаете?

— Так вы ж об этом еще не забыли, — неуверенно ответил студент. — Хотел потом, после нескольких схваток…

— Что-о?! — Александр Николаевич рассмеялся и крикнул через весь зал Аркадьеву, работающему там со своими ученичками: — Виталий! Ты только послушай этого молодого! Он уже проверяет, как я знаю тактику фехтования!

С тех пор Пономарев не выпускал меня из своего поля зрения. Он показывал мне «номера», которые готовил к ответственным соревнованиям, делился своим сокровенным опытом, а к концу тренировок, обращаясь будто бы ко всему залу, но поглядывая именно на меня, весело говорил:

— Эх, и настроение же подраться! Ну, кому тут сделать 5:0? Есть желающие?

Студент скрещивает клинок с заведующим кафедрой. Занятия окончены, но смотрит весь зал. И каждый удар многого стоит.

Фехтовальному педагогу постоянно приходится иметь дело с резко отличающимися друг от друга людьми, особенно когда он работает с юношами в возрасте 18–20 лет. Такие ученики имеют определенный опыт, сложившиеся черты характера. Как их поднять на уровень высшего мастерства? Один широко одарен, другой — уже, третий — совсем узко… Какие-то способности обязательно должны быть. Без них наверх в большом спорте просто не пробиться.

Найти одаренного молодого человека — только первый шаг, затем, в течение всей его спортивной жизни, придется решать задачу: как же максимально реализовать потенциал ученика, заставить его проявить свои способности в боевых действиях?

Виталий Андреевич Аркадьев не раз говорил, что тренер, как скульптор, имеет дело с различным материалом. И то, что лучше сделать из дерева, он не должен пытаться воплотить в мраморе. Аркадьев каждый раз, создавая «образ» фехтовальщика, стремился «лепить» его в строгом соответствии с индивидуальностью ученика. К этому можно добавить только то, что «материалу» должен соответствовать и «инструмент».

Жизнь фехтовального педагога очень облегчится, во многом станет интереснее, если ему удастся создать в своей «мастерской» атмосферу спортивного товарищества, а еще лучше — сделать учеников своими единомышленниками. В этом случае можно так построить процесс совершенствования, чтобы к соревновательной борьбе не примешивалось никаких негативных элементов — ни вражды, ни зависти. Пусть ученики выходят на дорожку, где каждый хочет победить, и делают для этого все, но пусть они потом встречаются на тренировке, не держа, как говорится, камня за пазухой.

Пусть спортсмен, приезжая с соревнований, расскажет подробно, как фехтовал, как сложилась борьба, каковы были; противники. Тогда у учеников будет объединяться соревновательный опыт. А быстрое его накопление поможет им стать сильными. Приобретенные в тренировках и беседах знания позволят со временем выработать общую систему анализа действий спортсмена и тренера, способность обобщать разнохарактерные данные. В результате сформируется методическое кредо будущих специалистов фехтования.

Большинство учеников, связавших со мной свою спортивную судьбу: Ракита, Сидяк, Баженов, Кровопусков, — не были самыми

лучшими в своем возрасте и в своей, так сказать, категории. Они были — среди лучших. И это значит, что они, бесспорно, были по-своему способными и «всплыли» не случайно.

Но при этом все они имели и некоторые бросающиеся в глаза недостатки, поэтому жизнь не баловала ни их, ни их тренеров… Мои встречи с учениками произошли не в процессе поиска самого талантливого, а в случаях, когда фехтовальщик оказывался длительное время рядом, или был без тренера, либо требовался партнер для подготовки сильнейших, команде необходим был комплект и приходилось срочно искать — в общем, все решала производственная необходимость.

А может, все это было и к лучшему.

На пути к высоким результатам тренер и спортсмен трудятся рука об руку долгие годы, но в спортивном мире имеет широкое хождение такая шутка: «Побеждает всегда ученик, а проигрывает только тренер». Бесспорно, в этом много справедливого: спортсмену принадлежит главная роль, одерживает спортивную победу именно он. А роль тренера внешне малозаметна. Приводит это нередко к тому, что хвалу и прославления ученик воспринимает как должное. Ведь очень часто чемпион, отвечая на вопросы корреспондентов, как он сумел добиться такого результата, как шел к своей победе, как готовился, набирает полную грудь воздуха и начинает повествовать от первого лица. В лучшем случае вскользь упомянет, что где-то рядом при этом присутствовал и его тренер — присматривал, чтобы он не переутомился.

К сожалению, бывает и так: как только спортсмен приобретает класс, ему начинает казаться, что он все меньше нуждается в чьей-либо помощи. И тренер уже не решается сказать ученику, где его ошибка, сделать замечание и в конце концов теряет возможность управлять им в ходе соревнований. Даже спортсмен высшего класса не застрахован от скованности, предстартовых волнений, и тогда тренер должен любой ценой его из такого состояния вывести. Иногда для этого приходится ссориться с учеником, говорить ему резкие слова — сознательно вызывать у него обиду на себя. Но кажущаяся несправедливой колкая фраза, брошенная перед боем, полностью отвлечет спортсмена от мучительного ожидания поединка, переживаний за его исход. Тренер, уверенный в своей душевной связи с учеником, не побоится вступить во временный, вызванный необходимостью конфликт, точно отмерив дозу нужного лекарства.

Вопрос о том, что думает ученик о своем тренере, совсем не праздный он имеет многоплановый аспект в любом виде спорта, но и фехтовании к нему примешивается еще существенная

специфика.

В нашем виде спорта, независимо от уровня мастерства ученика, значение непосредственного умения тренера владеть оружием очень велико. Тренер должен обладать определенной техникой. Реакции у него должны быть специализированы для проведения занятий в форме индивидуального урока. Ежедневно от тридцати минут до часа занимаясь с каждым учеником ему приходится разыгрывать тактические ситуации, повторять различные действия. Тренер собственным оружием и маневром имитирует движения противника. Естественно, в его движении есть некоторая условность: иногда он стоит ближе, чем стоял бы противник, иногда — несколько дальше; колебания оружия по амплитудам могут быть чуть шире или уже, чем это будет в бою. Но тем не менее, создавая для ученика определенные ситуации, которые могут возникнуть при взаимодействии с противником, тренер старается придать им максимальную достоверность.

Если говорить самые умные слова, а делать оружием что-то неподходящее, то у ученика ничего не будет получаться. И он сразу поймет, по чьей вине. При всех самых лучших идеях «король» через пять минут окажется голым.

Условия нелегкие. Поэтому тренером по фехтованию становится, как правило, человек, который умел хорошо фехтовать. Не обязательно, конечно, чтобы он был чемпионом, но все-таки он должен иметь хорошие навыки владения оружием. Редким для фехтования исключением является пример тренера из Казани Владимира Житлова, фехтовавшего лишь на уровне кандидата в мастера. Он сумел вырастить прекрасных спортсменок (В. Никонову, О. Князеву, Н. Гилязову), ставших сильнейшими. Будучи бесспорно одаренным человеком, он и сам вырос в процессе работы не только в педагогическом плане, но и в технике владения оружием. Он учился, наблюдая работу других тренеров, и извлек из нее для себя максимум пользы. Но все равно заочное обучение нашему делу представляет гигантскую трудность.

Обычно тренер всемерно использует весь свой накопившийся опыт спортсмена. Ему может пригодиться даже то, что на поверхностный взгляд кажется мелочью. Во многих видах спорта мастер сам подгоняет себе инвентарь. Так и в фехтовании. Вряд ли идеальное соответствие клинков потребностям каждого фехтовальщика может быть рассчитано инженером. Обычно спортсмены сами «доводят» для себя рапиры, шпаги, сабли. Однако, например, Ракита ни на одном крупном первенстве ни единой сабли в руки не взял, прежде чем я с ней не повозился — не придал ей соответствующий изгиб, не подкрутил гайку, не

выправил гарду. Как выяснилось потом, он это прекрасно умел делать и сам. Просто считал, что все-таки лучше с этим справится тренер. А сейчас, став тренером, он возится с саблей Виктора Кровопускова. И у того на душе становится спокойнее.

А вот Виталий Андреевич Аркадьев за оружием учеников никогда не следил. Это совсем не значит, что он не придавал ему значения. Просто считал, что спортсмен должен отделывать клинки самостоятельно, а не может — пусть находит сам выход из положения. В конце концов, Аркадьев же не был слесарем! Нельзя всех стричь под одну гребенку. Есть люди, которые, решив, что что-то главное, а другое нет, на второстепенное не обращают внимания. А для других каждая мелочь важна, так как она тоже может сыграть свою роль на длинных дорогах соревновательной борьбы.

Огромные физические и нервные нагрузки тренера по фехтованию можно в полной мере оценивать, лишь учитывая, что работать нужно не только молодым, но и в преклонном возрасте, в хорошем настроении и в плохом, чувствуя себя физически бодрым или перебарывая недомогание. В других видах спорта, циклических например, основная работа тренера связана с карандашом и бумагой. В ней больше используются его знания, методическая подготовленность, чем способность обеспечить ученику возможность успешно действовать.

Хотя если говорить о фехтовании на саблях, то спортивный багаж для тренера даже и недостаточен. Ему нужно освоить еще и новую технику, необычные движения и их параметры. Поэтому у саблистов бывает, что сильный спортсмен, став тренером, не сразу овладевает профессиональными навыками. А специфика эта скупо описана, и ей, как правило, спортсменов не обучают из-за очевидной, казалось бы, элементарности. Каждому приходится доходить до сути самоучкой. Почему-то предполагается, что большой спортсмен быстро доберет недостающие ему для дела технические детали, «мелочи», чтобы с успехом заниматься тренерской работой. Но они как раз и отражают личное мастерство лучших сабельных наставников. Научиться им, взяв учебник, тоже не просто, так как знания не заменят необходимых навыков.

Тренеру все время нужно балансировать, в своих действиях не выходить за рамки условностей, а если выходить, то только когда уверен, что покажет себя наилучшим образом. Сильный фехтовальщик, придя на тренерскую работу, может не сомневаться — еще в течение нескольких лет он сохранит способность вести спортивный бой на своем прежнем уровне. В конце концов, для одного боя не требуется столько выносливости,

сколько нужно спортсмену в соревнованиях, продолжающихся до четырех суток.

Через четыре года после того, как я «сошел», мне как-то раз снова пришлось участвовать в бою. Марк Ракита, вернувшись с международного турнира, не приехал на планировавшийся сбор сразу, а задержался дома на несколько дней. А когда прибыл на сбор, на первой же тренировке мне стало ясно, что эти несколько дней он провел «вне режима».

— Дорогой мой, — говорю ему, — ты же сегодня так плох, что, наверное, даже я мог бы тряхнуть стариной да у тебя и выиграть!

Ох он и взвился! Еще бы, он только что прекрасно выступил на Кубке Европы в Будапеште, и вдруг такие сомнения! Мы, бывало, и раньше, в первые мои тренерские годы, изредка дрались с ним, и уж, во всяком случае, «раздетым» я себя не чувствовал. Но это было давно. Рискнул предложить ему матч из пяти поединков и выиграл у него четыре. Ему ничего не оставалось делать, как только изобразить, что ничего в этом нет особенного:

— Да, кажется, ты прав. Я что-то не в порядке, но может, это с дороги?

Мы оба рассмеялись.

У тренера, даже пожилого, всегда есть возможность продемонстрировать ученику свою силу во владении оружием и не ведя с ним настоящих поединков. Способы имеются. В фехтовании широко применяются упражнения, называемые «контрами». Это, по сути дела, соревнования по выполнению отдельного приема, где требуется быстрота и внезапность действий — что-то вроде элементарной двигательной пробы с оружием.

Допустим, у тренера открывается один из секторов, и спортсмен должен попасть в него, задача же тренера — защищаться. Фехтующие стоят очень близко. И то, что тренеру не нужно преодолевать расстояние, а можно только действовать клинком, существенно облегчает его положение. Быстрота и точность движений руки не слишком ухудшаются с возрастом. К тому же тренеру помогают и техника, и опыт, и специализированность реакций. Так что в «контрах» он может посоревноваться хоть с чемпионом мира.

Рассказывают, что Виталий Андреевич Аркадьев в возрасте 80 лет поддразнил как-то группу молодых ребят, фехтовальщиков на уровне кандидатов в мастера, и в «контрах» выиграл у них у всех. Рука у него, действительно, и до сих пор фантастически быстра. К сожалению, некоторые сегодняшние чемпионы воображают, что

раньше спортсмены были куда слабее и дрались хуже, а тренеры работали с помощью «сохи». Конечно, фехтование было немножко другим, но выигрывать, быть первым, а также подготовить сильнейшего всегда, во все годы бывает нелегко.

ПОГОНЯ ЗА АВТОРИТЕТОМ

В спорте высших достижений победы «на легком аллюре» не одерживаются. Требуется предельное, иногда даже запредельное напряжение всех сил, когда пот заливает глаза, когда высочайшая точность и ловкость должны быть извлечены откуда-то из последних глубин, когда все ресурсы должны быть вычерпаны без остатка.

Кто возьмет на себя ответственность, смелость отдать спортсмену приказ: «Пойди и сделай все для победы!»? Только тот тренер, которому ученик верит безоговорочно и безгранично, только тот, кто обладает в глазах спортсмена высшим авторитетом — и человеческим, и профессиональным.

Во взаимоотношениях с учеником свою ведущую роль каждый тренер представляет по-своему. Поучительных примеров в практике фехтовального спорта бесконечное разнообразие. Прежде всего интересен опыт выдающихся педагогов.

Вадим Алексеевич Андриевский с целой группой учеников начал работать сразу после окончания войны. Предстал перед ними в ореоле заслуженного фронтовика — он был на войне командиром батальона. Затем в течение многих лет возглавлял кафедру фехтования Львовского института физической культуры и был даже его ректором.

Известный тренер набрал группу совсем молодых ребят, которые с первого же дня знали, что им несказанно повезло: все фехтовальное образование, начиная с самых азов, они получают, как говорится, из первых рук — ведь им преподает не более не менее как сильнейший мастер своего дела!

Собственно, так оно и было. Они действительно получили в учителя крупного специалиста — и теоретика, и практика — в прошлом сильного спортсмена, способного и через несколько лет выиграть у любого из своих учеников… Какие же тут могут быть дискуссии, обсуждения! Лишь внимать — и повиноваться.

Вадим Алексеевич внешне слегка напоминал одного из героев Дюма — Портоса. Доброжелательность к окружающим сочеталась в нем с решительностью действий и мнений. Он мог после проведенного боя сетовать на непонятливость судей, вздымая саблю вверх и восклицая: «Двенадцать левых боков!» Смысл фразы нужно понимать таким образом: «Как это не увидеть мои удары? Уж и так бью все больше по левому боку, как в сабельной рубке — „от плеча до седла“»!

С самого начала и до тех пор, когда ученики уже стали сильными спортсменами, их отношения с тренером строились на

беспрекословном следовании его идеям. Конечно, у учеников появлялись и собственные мысли относительно того, как лучше делать то или иное. Но тогда уж им нужно было постараться найти приемлемую форму для проявления инициативы. Все, что могло показаться тренеру подсказкой, пресекалось им на корню, потому что не совпадало с его взглядами на спортивную педагогику.

Не раз можно было наблюдать, как резко реагировал Андриевский на любую попытку не только отстаивать, но даже просто высказывать свою точку зрения на тот или иной вопрос, возникающий в процессе тренировок или соревнований. Истиной в последней инстанции являлось мнение педагога.

Авторитет Андриевского оставался всегда высок для всех его учеников. А были среди них и крупные мастера, такие, как Евгений Череповский, Евгений Рюмин, Василий Станкович. И на соревнованиях авторитет помогал тренеру вывести спортсмена из кризисного состояния, управлять им так, как это было нужно, не нанося ущерба их дальнейшим взаимоотношениям. А когда его ученикам случалось заниматься с другими тренерами, они даже испытывали некоторое неудобство, обусловленное непривычными формами общения — настолько начальственная манера Андриевского стала для них родной и привычной. Получая от других тренеров новое и интересное, они, тем не менее, не переставали признавать главенствующую роль и заслуги своего собственного. Просто оказывалось, что в обучении фехтованию помимо известного им можно найти еще что-то полезное. Но только как дополнительное к тому основному, что они получили от своего Вадима Алексеевича.

Виталию Андреевичу Аркадьеву не приходилось делать ничего специально для поддержания своего авторитета. Все нужное для этого органически заключалось в нем самом, и не было никого, кто бы это сразу же не почувствовал. Он покорял своих учеников широчайшей фехтовальной эрудицией, он раскрывал перед ними такие необозримые горизонты в любимом деле, такие интересные перспективы в углубленном изучении фехтования, что всем хотелось вместе с ним всю жизнь познавать новое, совершенствуя себя. Каждый чувствовал, что Аркадьев как бы владеет ключами от сундука с сокровищами, что он знает неизмеримо больше, чем кто бы то ни было, и видит возможности научить этому. Аркадьев увлекал творческой стороной единоборства, способствовал осознанию органической связи фехтования с искусством, умению видеть его составной частью человеческой культуры вообще.

Для него было естественным вступить в серьезную дискуссию

по любому вопросу, невзирая на уровень развития собеседника. Часто можно было слышать, как он высказывал свое мнение о чем-нибудь, тут же начинал опровергать себя для того, чтобы побудить к размышлению окруживших его спортсменов. Профессиональные знания и высокий культурный уровень Аркадьева внушали к нему уважение, вместе с тем не подавляя учеников. Пользуясь этим, он старался расширить их духовный мир, привить им интерес к искусству, литературе, архитектуре… Некоторые из спортивных специалистов относились к этому скептически, считали лишним и подшучивали над Виталием Андреевичем. Но подавляющее большинство его учеников — а их у него было очень много — завороженно слушали своего учителя. Фехтование представлялось им в совершенно необычном, новом свете — как исключительно интересная область творческой деятельности. Представало не только как искусство владения оружием, но и владения собой, как единоборство в широком плане, по выражению самого Виталия Андреевича, — в физическом, моральном и интеллектуальном.

Естественно, уроки Аркадьева каждый его ученик воспринимал несколько по-своему, интерпретировал в силу особенностей собственной личности. Но все же его влияние на их дальнейшую деятельность было очень значительным.

Иван Ильич Манаенко был для учеников поистине «всевидящим оком». Он знал все, что составляло их жизнь не только в спортивном зале, но и вне его. Он устраивал их домашние дела, улаживал их взаимоотношения, помогал по любому вопросу, связанному с их бытовыми нуждами, продумывал вместе с ними их жизненный путь и оборонял их на соревнованиях и тренерских советах «до последнего патрона». Если же оказывалось, что спортсмен в чем-то провинился, ругать его мог только сам тренер, но никто другой и тронуть его не смел.

Когда на соревнованиях что-то не ладится, бои не идут, судьи «отвернулись», его ученики всегда уверены: Иван Ильич тут, рядом — значит, все будет в порядке. Уж Иван Ильич добьется, чтобы судьи судили правильно, а не станут — их заменят. А если не получилось, что ж, для победы надо напрячь все силы. Раз Иван Ильич говорит, что другого выхода нет, значит, «и так тоже можно выиграть».

И выигрывали — «так». У его учеников была абсолютная вера в него. В то, что тренер все продумал, он все знает, он самый умный, самый ловкий, самый лучший организатор, а значит — он самый сильный и ослушаться его нельзя. Тренер трудится не покладая рук для успеха всего «Динамо», а значит, в том

немногом, что спортсмен может сделать сам, он должен выложиться честно и до конца.

Можно даже сказать так: у его учеников всегда было очень сильное ощущение того, что они максимально защищены, как бы постоянно находятся под охраной — от превратностей судьбы и от случайностей турнира. Иван Ильич, как никто, умел строить такие отношения со своими учениками. Собственно говоря, он так себя вел, что только такие отношения у него и возникали. Если же он не чувствовал должного контакта со спортсменом, который хотел у него заниматься, тот не становился его учеником. Тренер шел даже на то, чтобы предъявлять к такому фехтовальщику явно завышенные требования, и, если ученик не выкладывался в попытке их выполнить, они расставались.

Ивану Ильичу нужна была такая вера в него, чтобы ученик, получив задание, пытался творить только в очерченных рамках. Не страшно даже, если спортсмен это задание не сумеет выполнить, важно, чтобы он пытался это сделать.

Иван Ильич Манаенко с удивительной эффективностью — может быть как никто другой — умел управлять действиями учеников в условиях соревнований. Причем делал это настолько по-своему, что попытки других тренеров повторить его оканчивались неудачей… Например, он мог в напряженнейший момент дать ученику задание, которое казалось совершенно не имеющим отношения к тому, в чем ученик ошибался. Видя, что тот перевозбужден, скован, взволнован, находится на грани проигрыша, он подзывал его и говорил:

— Слушай, ты шаркаешь левой ногой по дорожке, как старик! Со стороны противно смотреть. Ну-ка, обрати на это внимание, последи за собой!

И в панической сумятице, которая уже овладела спортсменом, возникал простенький, но отчетливый ориентир. У него появлялось небольшое, слегка отвлекающее от главного дела занятие: следить за своей левой ногой. Он переставал думать о грозящем поражении, функции его моментально восстанавливались, рефлексы начинали срабатывать безотказно — в результате получались все оттренированные «номера». А уж когда раз, и два, и три что-то получалось так, как хотел спортсмен, все остальное также приходило в норму: и техника, и, наконец, тактика возвращались к нему в полном объеме.

Конечно, эта «левая нога» забирала часть внимания спортсмена. Но тут все дело в том, что, потеряв, скажем, десять процентов мастерства, он восстанавливал девяносто. Если фехтовальщик доходит до такого состояния, что видит только конец клинка, которым должен ткнуть противника, хорошего боя

уже не получается. Его полезно немного отвлечь. Тогда, выиграв пару боев или даже проиграв, но в упорной борьбе, ученик чувствует, что к нему возвращаются все его умения. Поединки становятся не скоротечными, лихорадочно напряженными, а достаточно длительными, надежность действий возрастает, и можно считать, что фехтовальщик уже боеспособен.

Такие методы, дававшие хороший эффект, Иван Ильич мог применять потому, что был уверен в полнейшем уважении учеников к любому своему требованию, каким бы оно ни показалось другим людям абсурдным, смешным или нелепым.

Иван Ильич в свое время не один раз становился чемпионом Советского Союза. В 40-е годы, выступая на соревнованиях по нескольким видам оружия, спортсмены вели бои по пять-шесть дней подряд, участвуя чуть ли не в ста поединках.

Какая в этом случае требовалась выносливость, оценить нетрудно и сегодня. И тренеры в своих уроках частенько заставляли учеников побегать.

Тренером Манаенко в течение нескольких последних лет был Юрий Тихонович Хозиков, который обучал фехтованию, не переодев сапоги и галифе. Работая начальником физподготовки пограничных войск, он давал уроки, сменив только китель на тренерский нагрудник. Нельзя вспомнить без улыбки, как вдоль дорожки, где он тренировал Ивана Манаенко, к концу урока образовывалась темная полоска от пота, капавшего с подбородка спортсмена. Казалось, что кто-то, пробегая в спешке, пролил воду из чайника. А педагог, невозмутимо глядя на вконец вымотанного ученика, напоминал ему: «Ниже на ногах!», сгибать которые еще больше при таких нагрузках можно было, только обладая достаточным самолюбием и несокрушимым здоровьем.

Вообще, представлять, что в сороковые годы тренировались мало и плохо, а в семидесятые много и хорошо, — неверно.

Владимир Владимирович Вышпольский, двадцатикратный чемпион СССР, не мог не восхищать всех, кто его знал, фантастической разносторонностью своей спортивной подготовки. Он жил во дворе института физкультуры. И регулярно рано утром не меньше часа занимался здесь зарядкой. У него были свои нормы. Можно удивиться и сегодня, узнав, из чего они состояли. Став на 400-метровую дорожку стадиона, он проходил ее до конца скачком и выпадом. Потом покрывал это же расстояние еще и атакой стрелой: «флешь» — пробежка — остановка, «флешь» — пробежка — остановка. Смело можно утверждать, что ни один нынешний «сборник» сразу, без длительных предварительных тренировок этого повторить не сможет. Не выдержит.

Вышпольский прыгал в высоту на 170 сантиметров, толкал штангу весом 100 килограммов при собственном весе до 80, даже в возрасте 50 лет делал на шведской стенке гимнастический силовой «флажок».

Его боевая выдержка, тактическая изобретательность стали притчей во языцех — всему фехтовальному миру известна эпиграмма:

На любой дорожке скользкой
Может бой вести Вышпольский.

Ему было суждено тяжелейшее испытание в конце длительной спортивной жизни — выйти на первый свой международный бой в 36 лет. Нелегко, когда под сомнение ставятся все твои предыдущие победы, добытые в непрерывной борьбе. Против него сражались сильнейшие венгерские спортсмены. Победив троих, Вышпольский тем самым снискал восхищение многоопытных асов мирового сабельного фехтования.

Восхищение — это именно то чувство, которое вызывает и весь внешний облик Владимира Вышпольского. Преподаватель института физкультуры, кумир для своих студентов, он всегда строен, подтянут, элегантен в каждом своем движении и безупречен во всем, что касается «показа» во время фехтовальных уроков.

Таким же высочайшим «исполнительским мастерством» обладала и обладает до сих пор коллега Вышпольского по преподаванию в институте физкультуры Анна Матвеевна Пономарева. Оба они воплощали классический, хрестоматийный образ идеального фехтовальщика — касалось ли это боевой стойки и манеры передвижений или способа выполнения технических приемов.

Анна Матвеевна Пономарева помимо привязанности к фехтованию была прекрасной легкоатлеткой. Это придавало ее манере передвигаться по дорожке совсем особые черты и выгодно отличало от соперниц. Как известно, женщины фехтуют только на рапирах. Причем соревнования у них проводятся отдельно от мужчин. Однако Анна Пономарева, пятикратная чемпионка страны, призер чемпионата мира 1955 года в Риме, могла бы на равных сразиться с любым рапиристом.

Умение самому вести бой, «драться» — одно из главных составляющих авторитета учителя, всей суммы его влияния на учеников. И это понимают педагоги, находясь даже в преклонном возрасте. В конце сороковых годов лаборантом кафедры фехтования ГЦОЛИФКа был Петр Кириллович Малахов —

незаметный, маленького роста, очень пожилой человек. Его обязанностью было готовить оружие для занятий по специализации, в которых он сам участия не принимал. Преподавателями работали самые сильные в стране фехтовальщики своего времени.

И вот однажды, весной 1948 года, когда фехтовальщики толкались в зале без преподавателя, вошел, щурясь на яркие окна, старик Малахов. Ходил он всегда в кавалерийских сапогах — голенища, как бутылки, — а тут вдруг почему-то оказался в легких парусиновых туфлях. Видно, настроение у него было в тот день особенное, но только, обычно незаметный и сдержанный, прошелся этаким петушком, взял у кого-то саблю и, лихо помахивая ею, сказал: «Подраться, что ли, с вами сегодня?» Студенты засмеялись: «Да ну, Петр Кириллович, вы, наверно, лет тридцать саблю в руки не брали!» — «А вот попробуем! Если у всех вас выиграю, пачку папирос старику купите?» И стал в позицию. А в группе ребята были года по 23–24, большинство в институт пришли с войны и уже стали перворазрядниками. Все зашумели, завелись: «Папирос? Да мы вам каждый по пачке купим!»

И что же? Петр Кириллович проиграл всего один бой, да и то со счетом 4:5. Подумать только, в 70 лет! Всех поразило тогда, что есть еще какое-то фехтование, отличающееся от того, которому их учили. Нет, студенты не усомнились в своих преподавателях, просто стало ясно, что фехтование — разное и многоликое. И все, что было раньше, нельзя отвергать целиком, оно должно сохраняться и продолжать служить спорту. Ведь с оружием в руках выходит на дорожку не только система, но и оригинальная личность, владеющая ею. И как эта система будет проявляться, зависит именно от фехтовальщика.

Старик Малахов иногда по вечерам занимался с энтузиастами совершенно бескорыстно, для собственного удовольствия. Главным для студентов в его уроках становилось открытие, что сильные фехтовальщики были и раньше и если ты умеешь, это не пропадет никогда — навыки оказываются очень прочными.

НА ГРАНИ «ФОЛА»

В истории педагогики известна безуспешная попытка Жан-Жака Руссо воспитать юного Эмиля, оградив его от негативного влияния внешней среды. В спортивной практике такая изоляция тоже невозможна.

В спорте, как и в жизни, возможны ситуации, в которых нарушение этических норм не влечет за собой наказания провинившегося. Но мотивы поступков спортсменов не могут быть для тренера безразличными. Иначе неминуемо появление педагогического брака, расплачиваться за который придется и тому, и другому в течение всей жизни.

Скажем, в процессе соревнований сложилась такая ситуация. Борясь за право выхода в следующую ступень, фехтовальщик выигрывает три или четыре боя. Исход последнего — четвертого (пятого) — поединка решающего значения уже не имеет. Даже если он и будет проигран, это не помешает спортсмену продолжить борьбу.

Вместе с ним в той же группе выступает его постоянный соперник, встреча с которым в ходе дальнейших состязаний может быть для спортсмена опасной. И вот перед последним боем становится ясно, что, проиграв этот поединок некоему третьему участнику, он прибавит ему победное очко и тем самым поможет перейти в следующую ступень. А опасный соперник окажется вне борьбы, вылетит из соревнований.

Некоторые тренеры считают подобный намеренный проигрыш правомерным и отождествляют его с тактикой. Это даже становится у них методом борьбы. Они действуют по принципу «хитрость лучше ума», а потом удивляются и возмущаются, когда выращенный ими ловкач демонстрирует холодную расчетливость по отношению к своему же учителю.

Спортсмены, хоть это случается редко, могут вступить и в сговор между собой: «Сейчас я тебе проиграю, а в следующей ступени — ты мне». Выдают, так сказать, друг другу векселя, действующие на какой-то срок. И такая тактика легко может привести к уродливому перерождению личности.

Может ли тренер быть посредником или безучастным наблюдателем этой закулисной возни? Если ученик обратится в двусмысленной ситуации за советом, долг тренера предупредить его:

— Ты взрослый человек и должен решать сам. Но как ты себя будешь чувствовать, если влезешь в эту грязь? Я — против.

Кроме того — и это нередко можно наблюдать в жизни, —

если тренер дает, пусть молчаливое, разрешение на что-либо подобное, ученики всякий раз в похожей ситуации кидаются к нему, чтобы он что-нибудь «предпринял» или «придумал».

Как синдром той же самой болезни возможен и такой поступок. У тренера вместе соревнуются два-три ученика. Один из них молодой и еще неопытный, и более сильные товарищи стараются его «охранять». Малозначимые бои на соревнованиях ему проигрывают: у них и без этого хватает сил пробиться в следующую ступень. Они тащат неопытного за собой, помогают занять достаточно высокое место, обеспечивающее участие в последующих турнирах. А молодой в финалах «возвращает» бои — все равно выше последних мест ему там не занять, еще не по силам. Так может продолжаться долго; молодой станет старше, а участвовать в жесткой борьбе и не попробует. В результате всей этой возни он не получит необходимого для бойца качества — «запаса прочности» при столкновении с препятствиями. Самыми сильными такие не становятся никогда, так в запасных и толкутся.

Хорошо, конечно, когда на подходе несколько учеников. Счастьем было для меня, например, когда уверенно выступал Ракита, а за ним тянулся молодой Сидяк. Ориентирами для Кровопускова были Сидяк и Ракита. У них всех было жесткое правило: тренироваться вместе, невзирая на разницу в классе, а соревноваться — без гандикапов. Никаких подпорок, только — борьба. Ибо само по себе пребывание среди сильнейших не поднимет спортсмена до уровня экстракласса.

Во время поединка фехтовальщик пытается воздействовать на противника разными средствами, в том числе и психологически. Но любое психологическое давление все же не должно переходить некую грань, за которой оно уже превращается в нечестную игру.

Допустим, наносит какой-то спортсмен бесспорный удар. Судья его присуждает. И тут противник поднимает маску и говорит:

— Товарищ руководитель боя, разрешите задать вопрос?

— Пожалуйста.

Почему вы присудили этот удар? Разберите, пожалуйста, схватку еще раз.

Тут же подключается возмутившийся спортсмен:

— Ну как же так! Да ты что, не понял? Ведь удар-то был, все правильно!

— А мне показалось иначе. Товарищ старший судья, разберите, пожалуйста, схватку!

Такая хитрость действует не на всех. Но некоторые спортсмены болезненно реагируют на ошибки судей — как

мнимые, так и действительные. Иногда они в процессе боя не очень четко оценивают свои действия, им кажется, что нанесли удар раньше; они бывают так возбуждены, что не ощущают легкого прикосновения к своему телу.

Большинство же спортсменов с ювелирной точностью определяют свое и чужое положение. Но в «тактических» целях, случается, делают вид, что введены в заблуждение. Долг судьи — правильно квалифицировать такое поведение.

Предположим, судья не почувствовал подвоха. Он разбирает схватку еще раз, удар снова присуждается, и вроде бы инцидент можно считать исчерпанным. Однако еще добрых пятнадцать-двадцать секунд обиженный спортсмен будет внутренне метаться: «Да что же? Да как же? Эх, ах…» Ну а противник тем временем на месте не стоит, и вот судья уже снова фиксирует удар, только в другую сторону.

Нельзя не упомянуть еще об одном способе деморализующего воздействия на противника, который можно наблюдать даже на крупных международных соревнованиях. Это намеренное нанесение болезненных уколов и ударов. Укол рапиры с замахом и особенно удар сабли может доставить очень неприятные минуты. Саблей, случается, попадают не прямо в грудь, а задевают и спину. Больно, когда попадают по плечу или по руке, перехлестывают через маску и достают до шеи.

Некоторые фехтовальщики очень нервно реагируют на такие нападения. И дело не в том, что они боятся боли. Их выводят из себя прежде всего сопутствующие обстоятельства — раздражают и оскорбляют грубость, мстительность, коварство, неспортивное поведение противника.

Например, кто-то, получив удар, который ему, бесспорно, сию минуту будет засчитан, наносит тем не менее ответный, успевая сделать это до команды «Стой!». А главное — вкладывает в него силы намного больше, чем требуется. Обычно есть наготове и оправдание для такого поступка: вдруг судья не заметил первого удара, значит, надо торопиться, чтобы он заметил ответный. Но когда хлесткий удар наносится намеренно, хоть и одновременно с командой «Стой!», а тем более позже нее, такому поступку никаких оправданий уже не придумать. Это просто попытка выместить обиду за проигрыш. «Не слышал, не успел» — такие объяснения для фехтовальщика неубедительны: он может остановить свое движение в кратчайшую долю секунды.

Ясно, что спортсмена высокого класса, столкнувшегося с разозленным и «кусающимся» противником, который исчерпал все доступные ему способы борьбы, кроме «силового» нападения, это может взвинтить. И некоторые срываются, позволяют втянуть

себя в обмен тяжелыми ударами и уже больше думают не о том, чтобы опередить, обыграть, выиграть схватку согласно правилам, а о том, как побольней наказать «невоспитанного». Исход такого боя уже трудно предсказать: здесь сильный может проиграть слабому.

В свое время фехтовальщики разных западных команд частенько использовали такую «тактику» против наших спортсменов. Применялись и удары вслед за уже нанесенным и удары после команды «Стой!». Конечно, потом подходили, терли спину, говорили: «Ох пардон, случайно!» Но мы-то всегда знали, было ли это случайностью.

Тренеру необходимо заранее готовить учеников к устойчивости и выдержке в подобных случаях. Да и в процессе соревнований быть наготове! Во время Олимпийских игр в Москве в матче личного первенства Михаил Бурцев встретился с одним молодым фехтовальщиком, который был не прочь использовать силу удара. Обладая неплохими бойцовскими качествами, он значительно уступал Бурцеву в мастерстве и явно проигрывал бой. Небольшой разрыв в счете, однако, все время позволял ему сохранять какую-то надежду. Для Бурцева это был нелегкий бой. Его противник привык начинать все нападения как бы вне дистанции — с очень далекого расстояния. Любому мастеру, даже самому сильному в мире, с такими бойцами драться тяжело. Но зато уж им тяжело со всеми. Такая манера не самая лучшая… Однако речь не о том. Когда до победы Михаилу оставалось выиграть всего одну схватку, он сумел опередить противника на его дальний бег и нанести удар. Ситуация была настолько бесспорная, что оставалось только опустить сабли. Но одновременно с командой «Стой!» мелькнул клинок проигравшего — и Миша побелел от боли и обиды. Тут же на помост вспрыгнул тренер, Марк Ракита, и схватил его за руки: «Миша, Миша, надо пойти пожать ему руку…»

Конечно, всегда неприятно проиграть, тем более на Олимпиаде. Но проявлять свои бойцовские качества в такой форме — это какое-то фехтовальное детство. Уверен, что у этого саблиста пропадет драчливость, как только он повысит свой класс. Ему представятся возможности утвердить себя другим способом, более разумным.

Турниры фехтовальщиков, кроме всего прочего, еще и довольно изнурительны, и поэтому вполне реально получить легкую травму или почувствовать недомогание. В правилах этот случай предусмотрен. Любой участник на протяжении всего турнира может один раз взять пятиминутный перерыв. Только один раз! При повторном заявлении его снимут с соревнований.

В финале мужской рапиры на Московской олимпиаде несколько спортсменов воспользовались своим правом на перерыв. Любопытно, что каждый раз это было, когда они находились на грани проигрыша. Конечно, к финалу все очень устали, а напряжение колоссально возросло. И вот спортсмен вдруг ложится на помост, к нему подбегает тренер, массирует грудь, приносит воды, вытирает полотенцем… Все понятно, он себя неважно чувствует, ему нужно немножко отдохнуть. Но есть и другая, скрытая, причина. Бой пошел не так, как хотелось бы, а после перерыва будет возможность попробовать начать его как бы заново, с чистого листа. Ведь пять минут в фехтовании — это очень много. При угрожающем счете — 4:2, 4:1 — остается не слишком много шансов, и нужно использовать их все. Так было в бою у Рузиева с французом Жолио, у Жолио — в бою с будущим олимпийским чемпионом Смирновым… Но помогает это последнее средство не всегда.

Перерыв остается перерывом не только для того, кто его просит, но и для того, кто получает его невольно. С чистого листа бой могут начать оба. И нужно постараться правильно оценить ситуацию, внимательно следить за собственным состоянием — физическим и психическим. Перерыв достаточно большой, и участники должны двигаться, разговаривать — в общем, любой ценой сохранять внутренний накал борьбы. Проигрывающему это не сложно — сознание реально существующей опасности подстегивает его. А вот другому нужно заранее начинать действовать, чтобы искусственно поднять уровень возбуждения. Иначе недолго и уступить завоеванное преимущество.

Создать для учеников стерильную внешнюю среду невозможно. Ежегодно им придется выступать во многих соревнованиях, в том числе в странах с чуждой нам идеологией, и общаться со спортсменами, представляющими самые различные социальные системы. Вполне реально попасть даже во враждебное окружение, так как во время пребывания за рубежом далеко не все встречи и беседы, выражаясь дипломатическим языком, носят взаимоприемлемый характер. Можно встретить и открытую ненависть и мещанскую предубежденность. Спортсменам и тренерам приходится призывать на помощь уверенность и выдержку, доброжелательность и умение обосновывать свою позицию.

В повседневном общении, в тренировках и соревнованиях на живом жизненном опыте создается иммунитет против чуждой морали. И если тренером замечены симптомы даже «детских» болезней, он должен вступать в борьбу решительную, без компромиссов. В спорт приходят не по обязанности, его выбирают

по собственному желанию. И отблагодарит он каждого в меру способностей и отношения к нему. Люди, отдающие большую часть свободного времени спорту, получают от него исключительно много: физическое развитие, интересный досуг, они приобретают новых друзей и возможность познания самого себя, опыт конфликтной борьбы, преодоления трудностей. Самые упорные смогут посмотреть разные города и страны, лучшие из лучших, с эмблемами сборной команды СССР, выйдут на помосты мировых первенств и олимпиад, чтобы высоко пронести знамя советского спорта.

Отсюда и моральное право тренера проявлять в нужных случаях всю необходимую требовательность.

Тренер и спортсмен долгое время почти ежедневно находятся в непосредственном контакте, непрерывно общаются друг с другом. Причем поле совместной деятельности характеризуется высоким эмоциональным накалом: спортивное соревнование всегда остроконфликтно. Это нередко вызывает максимализм проявлений личности в поступках, взглядах. Поэтому нравственный, культурный и образовательный рост спортсменов, процесс формирования человека, коллектива, команды, клуба находится в прямой зависимости от принципиальности, честности, педагогической одаренности тренера.

НЕ РАДИ СПОРТИВНОГО ИНТЕРЕСА

Когда любитель спорта, болельщик смотрит соревнования, его внимание привлечено прежде всего к развитию событий. Тренерам же и опытным спортсменам, даже имеющим другую специализацию, в спортивном зрелище нередко открывается много скрытых пружин, невольно затем анализируемых и сопоставляемых с положениями, принятыми в собственной практике. В этом случае налицо взаимопроникновение опыта из совершенно различных видов спорта. Ведь в каждом из них занимающиеся в определенной мере достигают совершенства, следовательно, используемые ими методы являются наиболее эффективными. И хоть уровни проявлений отдельных качеств и навыков в разных видах спорта не совпадают, информация о закономерностях их формирования для педагогов любого профиля не безразлична.

Почувствовать, что знакомство с другими видами спорта для тренера составляет не праздный интерес, мне впервые удалось, открывая для себя теннис. При этом, как оказалось впоследствии, я получил дополнительный толчок для поисков в теории и методике фехтования.

Подружившись со сверстниками-теннисистами, я нередко бывал свидетелем жарких споров о теннисном спорте, о тренировках и прочем, что входит в круг их интересов. И чтобы не чувствовать себя беспомощным в этих разговорах, пришел в институтскую библиотеку и отобрал все имеющиеся книги по теннису. После того как они были проработаны, немного осмелел и стал время от времени подавать голос в этой компании.

— Кто это заговорил? — возмущались теннисисты. — Что ты можешь понять? Ты ж играть не умеешь!

Мне же казалось, что у меня больше оснований относиться к их мнениям иронически. Все они были интересными людьми, имели высшее образование — инженерное, гуманитарное, но никто не учился в институте физкультуры. Их рассуждения о теории и методике спорта выглядели наивно, ведь они знали о теннисе в основном лишь то, что составляет багаж игрока. Умели, конечно, играть хорошо, но были практики — и только. Мною же теннис воспринимался как очень близкий фехтованию вид спорта. Это не только игра, это же настоящее противоборство, если не считать некоторых особенностей ведения парных матчей.

Однажды дискуссия приняла особенно бурный характер. Дело вот в чем. В теннисе мужчины очень часто играют у сетки, выходя вперед и суживая противнику пространство «обстрелу» своей

площадки. Преимущества ясны: мужчина бежит быстро, в мгновение занимает положение у сетки; у него, как правило, мощный удар, используемый, когда его пытаются обводить высоким мячом, «свечой», а также сильная подача. Женщины же в то время предпочитали играть только сзади площадки, в силу того, как считали мои друзья, что у них от природы более низкие скоростно-силовые показатели. Мне показалось, что, не пытаясь полностью повторять мужской стиль игры, женщины по мере совершенствования методики тренировки пройдут путь мужчин в направлении более активной игры. Пусть не в полном объеме, но они обязательно повторят его.

Мне упорно возражали. Тогда я решил доказать правоту своей позиции. Обдумал положение, завел маленький блокнот и без него на тренировки не приходил. В нем условными значками начал фиксировать пять-шесть показателей, определявших результативность игры.

Приблизительно через месяц, записав около двадцати игр, обсчитал полученные данные. И в один прекрасный день, когда дискуссия вернулась на «круги своя», достал эту статистику. А она свидетельствовала, что любая теннисистка, даже хуже всех играющая впереди, выигрывает 75 процентов мячей, если она случайно оказалась у сетки или рискнула побежать вперед!

Оппоненты объективные факты признали. Но все-таки добавили, и с ними нельзя было не согласиться, что для радикального решения этой проблемы — активизации игры женщин в теннисе — нужен прежде всего серьезный технический рост. Но тенденция была установлена верно.

Этот спор запомнился как серьезный повод по достоинству оценить важность специального физкультурного образования. Весь вопрос в том, чтобы находить случай применить свои знания, с их помощью добывать новые. Важно иметь самостоятельность в поиске необходимых данных и путей решения проблем спортивного совершенствования.

Эта «теннисная история» отразилась и на том, как я стал наблюдать фехтовальные поединки. Уже не мог просто смотреть соревнования! Входя в зал, автоматически отмечал, в какие секторы и кто преимущественно колет, какие защиты предпочитает, прикидывал примерную результативность и соотношение между используемыми средствами. Возникали вопросы, на которые нужно было искать ответы. Так вырабатывались критерии.

Ну а однажды судьба подарила мне редкую возможность участвовать в дискуссии разных спортивных специалистов о педагогике. Двадцать дней советские олимпийцы плыли на

корабле, возвращаясь домой с Олимпиады в Мельбурне. Спасаясь от сильной качки, многие старались расположиться на палубе, ближе к центру корабля. Очень скоро все распределились постоянными группами — по интересам. Плохо переносил качку известный легкоатлет, прыгун с шестом, львовянин Виталий Чернобай. Он тоже вытащил на палубу матрас и поселился на новом месте. Вокруг него собирались любители потолковать о спортивной тренировке, о теории и методике, навыках и качествах… В основном это были участники, но подходил и кое-кто из судей, тренеров. Только что закончившаяся Олимпиада дала богатый материал для размышлений, обмена идеями.

В эту компанию приходил посидеть и сам Николай Георгиевич Озолин. Как известно, Озолин — один из создателей системы спортивной тренировки в СССР, первым написал по этой проблеме книгу — «Тренировка легкоатлета», которую как путеводитель использовало целое поколение советских тренеров всех профилей для осмысления методики в собственных видах спорта.

Озолин не брал на себя председательские функции в «палубном совете». Он высказывался, лишь видя полную противоположность мнений или несопоставимость фактов, приведенных в качестве аргументов. В его словах был виден редкий сплав собственных ощущений разностороннего спортсмена, наблюдений и опыта тренера и эрудиции ученого, а живые примеры направляли размышления окружающих к поиску методических обобщений.

Оказывается, могут быть найдены существенные аналогии в, казалось бы, далеких друг от друга видах спорта, облегчающие анализ мастерства спортсменов и объясняющие успехи и неудачи. Например, гимнаст, фигурист, прыгун в воду выступают с произвольной программой, где важным мерилом спортивной силы является сложность выполняемых элементов. В спортивных же играх и единоборствах не столь принципиально, каким приемом достигнут результат — забит гол, завоевано очко, нанесен удар или укол и из какого положения сделаны завершающие броски или удары. Однако для специалиста исключительно интересно проследить «программу» оснащенности игровика и единоборца средствами нападения, защиты, подготовки, увидеть его общую технико-тактическую подготовленность, а также индивидуальные черты, проявляющиеся в соревнованиях. Иначе говоря, важно знать те средства, которые составляют основу спортивной силы конкретного спортсмена. Ведь то же самое обязательно будут делать соперники и их тренеры: им придется искать контрмеры

на тренировках и применять их на следующих соревнованиях.

Нередко бывает, что какое-то время спортсмен блистает хорошими результатами, а затем их ухудшает. В подобных случаях ему часто предъявляются необоснованные обвинения: упорство, мол, снизил, тренируется менее серьезно, а то и вообще зазнался. А ларчик может открываться совсем другим ключом — противники «пристрелялись», эффект неожиданности прошел, круг излюбленных действий оказался ограниченным, и среди технико-тактического багажа не нашлось полноценной замены отслужившим свой срок средствам.

Даром «предвидения» обладают не только тренеры. Участники соревнований в расцвете своих дарований нередко также способны уловить закономерности в построении тренировки и возможностях роста спортивных достижений. Незабываемой для меня осталась одна беседа с Юрием Власовым в Риме.

За несколько дней до его триумфа сидели мы в тенечке у нашего корпуса в Олимпийской деревне. И вдруг он без особого пафоса, как-то даже буднично сообщил, что совсем скоро, буквально через несколько лет, тяжеловесы будут поднимать в троеборье 600 килограммов при тех же методах тренировки.

Юрий Власов сам почти успел осуществить свое предсказание: перед Олимпиадой в Токио он поднял 580 килограммов. А тогда, в Риме, всех ошеломил его победный результат — 537,5.

Для тренера в любом виде спорта крайне важно освободить ученика от скованности перед сильным противником. Показать, что сильный спортсмен тоже человек, прежде всего — просто человек, и бояться его не надо. Какой бы он ни был знаменитый чемпион, какое бы у него ни было мастерство…

В легкой атлетике, плавании и аналогичных видах спорта свои средства воздействия на психику спортсменов. В гимнастике, например, если соперник делает какую-либо комбинацию, нет способа ему помешать — он сделал, а ты должен сделать свою. В фехтовании же и в спортивных играх спортсмены встречаются с соперниками лицом к лицу. Здесь идет прямое единоборство: личность на личность, тактика на тактику. И где силе может противодействовать хитрость, хитрости — скорость, скорости — выносливость, тут такие неожиданные разворачиваются события, что есть реальная возможность победить и более опытного противника, не только равного! Следовательно, и самый сильный должен приходить на соревнования, «забыв» свои медали и титулы дома. Он должен приготовиться к острой борьбе — ведь победа над ним особенно памятна и почетна для всех

противников.

О необходимости учета психологических особенностей борьбы много пишут и еще больше говорят, но сделать что-либо реальное… не так-то просто. Ведь приходится манипулировать невидимыми рычагами, которые еще нужно и обнаружить. Овладеть тренеру этой стороной своей профессии крайне важно. Она открывает возможность эффективного вмешательства в ситуациях, когда достичь планируемые результаты спортсменам мешают причины, далекие от техники, тактики, физической подготовленности.

Во время работы в ЦСКА у меня была возможность общаться с блестящим хоккейным специалистом Анатолием Тарасовым и познакомиться с методами его работы. На меня как на тренера большое впечатление произвел один его рассказ, который можно квалифицировать как атаку на психологический барьер.

В начале шестидесятых годов всем было известно, что наши хоккеисты хорошо двигаются по полю, но силовой борьбы, в частности с канадцами, шведами, чехами, избегают. В прессе много писали, что, мол, не в нашем стиле сталкиваться лоб в лоб с противниками. Но если против нас не хотят играть в игровой, хитрый хоккей, а играют в силовой, хочешь не хочешь, а ему противопоставить что-то надо! Тарасов чувствовал, что наши уже умеют постоять за себя в жестких схватках. Но традиции, школа, воспитание… что-то не позволяло им это делать. И он решил барьер этот — сломать!

Тут как раз в Советский Союз приехали канадские хоккеисты — какая-то клубная команда. Канадцы должны провести тренировку в зале ЦСКА и матчевую встречу с нашими ребятами. Как водится, для каждой команды были приготовлены отдельные раздевалки. Начальником хоккейного Дворца был тогда один из ветеранов армейского спорта, с которым у Тарасова сложились многолетние дружеские отношения. И вот Тарасов подходит к нему и говорит:

— Слушай, надо сделать так, чтобы наши и канадцы раздевались в одном помещении.

Тот удивился:

— Ну зачем? У нас отличные раздевалки, и у своих ребят будет не хуже, чем у канадцев. А в одной — начнутся трудности с душем, рожков на всех не будет хватать…

— Нет, давай в одной.

— Да ты что? Мне ж потом скажут, что я плохо принял людей, будет тесно, вещи положить некуда…

— Скамейку лишнюю поставим!

— Но рожков-то я все равно не добавлю! Нет, не могу, и не

проси!

— Да пойми ты, ну надо мне! Как тренеру надо, чтобы они раздевались вместе! Пусть посмотрят друг на друга поближе, чтобы контакт человеческий был лучше… Знаешь что, давай сломаем туалет. Ты пришлешь слесарей, они будут чинить, починить не успеют… Бывает ведь, ну что делать? Ну ты мне по старой дружбе можешь это сделать?

И два друга договорились о «диверсии». Демонтировали туалет, вызвали слесарей, всех хоккеистов поместили в одну раздевалку, извинились — «ай как нехорошо получилось!». Гости не обиделись. Разделись, потренировались, вместе в душе помылись. Чай пили потом, как положено, шутили — в общем, все было по-человечески.

Назавтра игра. Тарасов собирает команду и заводит такой разговор:

— Да… вон как канадцы смело играют! Ну конечно, они ж все парни здоровенные. Вы против них — так, мелочь одна, каждому только до подмышки достаете…

Действительно, в среднем канадцы были выше, чем наши спортсмены. А одетые в хоккейные доспехи, казались просто Гулливерами.

— И похоже, мы сейчас зря рассуждаем, — говорит дальше Тарасов, — тактическую расстановку прикидываем… Какая там тактика! Они вас быстренько раскидают по площадке! Навяжут силовую борьбу… и, как за зайцами, начнут гоняться! Да они же вас просто побьют, если захотят!

И тут один из хоккеистов пробормотал:

— Не очень уж и побили бы!

Тарасов на него глянул:

— Как не очень? Не надо зря трепаться. В раздевалке легко быть смелым. Да если б, к примеру, вы сошлись на кулаках, так от вас только мокрое место осталось бы!

Тут не выдержали многие:

— Ну почему вы так думаете? Если б на кулаках, команда на команду, то еще неизвестно, кто кого!

— Как? Да быть этого не может!

— И ничем они не особенные, многие не такие уж и сильные…

— Ну-ка, ну-ка, расскажите поподробнее, какие они.

Спортсмены заговорили наперебой:

— Мы ж их порассмотрели! Вот этот, Джон, да и тот, другой, действительно крепкие ребята. А остальные — так себе. Да у нас Рагулин, например, любого из них положил бы!

— Так что ж, — говорит Тарасов, — значит, можно с ними в

силовой борьбе схватиться? Ну, если вы всерьез, ребята, тогда давайте так. Беру ответственность на себя! Начнем первый период — можете не играть с ними в хоккей. Врезайтесь человек в человека, а если попытаются драться, — давайте сдачи — я разрешаю! Давайте один раз покажем, что мы их сильнее!

Про тот матч Тарасов потом рассказывал: начался первый период — не узнал людей! Смело врезаются, даже ищут столкновений. Были и штрафы, конечно. За первые десять-пятнадцать минут канадцы так устали, что во втором периоде попытались сразу наладить игровой хоккей, начали маневрировать по площадке, избегая столкновений. И третий период уже был спокойным. Обе команды играли в настоящий, умный хоккей, где наши ребята их легко обыгрывали!

К творческому осмыслению методических истин подталкивает и рассказ Озолина о казусах, встречающихся в спортивной педагогике.

Всем выпускникам институтов физкультуры известно «золотое правило»: от простого — к сложному, от близкого — к далекому, от знакомого — к незнакомому. Но на практике, оказывается, еще нужно решать, что рассматривать как простое, что — как сложное, на каждом этапе обучения.

Однажды две равные по силам группы новичков обучали технически сложному способу прыжка в высоту. Разница в методике была лишь в следующем: первая группа начала осваивать технику на предельно малой высоте, планка поднималась выше по мере освоения нового способа. Вторая группа начала прыжки при нереально большой высоте планки, которая потом постепенно опускалась.

К концу занятий лучшие показатели имели занимающиеся второй группой, где тренеры действовали как бы от сложного — к простому. Но так ли это было на самом деле? Оказалось, что при высоко расположенной планке у занимающихся максимально проявлялась установка взмыть вверх и тем самым в полной мере использовать свои возможности. Ну а в этом случае делом техники уже было освоение координации самого прыжка, которая проще достигается при более высоком взлете спортсмена.

У «посиделок» на палубе теплохода «Грузия» для меня было свое продолжение. Укрепилось решение осмыслить и систематизировать специализированные характеристики современного фехтования, описать методику тренировки. И вот спустя два года рукопись книги «Тренировка фехтовальщика на саблях» была готова, а пособием при ее создании явилась все та же «Тренировка легкоатлета» Николая Озолина. Ведь фехтовальщики подобной книги еще не имели.

Иду за моральной поддержкой к Николаю Георгиевичу. Секретарь проводит в кабинет директора Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры… а через три часа система тренировки фехтовальщиков получает путевку в жизнь!

Николай Георгиевич Озолин, заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР, заслуженный деятель науки, профессор, относится к числу тех ветеранов советского спорта, которых горячо волнует судьба спортсменов, заканчивающих свои выступления, всех тренеров, вне зависимости от их специализации. Он всегда поддерживает в них стремление к поиску нового, помогает ускорить их встречу с наукой.

Вообще, широкий круг спортивных интересов характерен для очень многих фехтовальных специалистов. Виталий Андреевич Аркадьев — мастер спорта по футболу и хоккею, Константин Туманов — по легкоатлетическому пятиборью, занимался боксом, борьбой, играл в хоккей. В ГЦОЛИФКе преподавателями на кафедре фехтования работали Михаил Пименов — чемпион мира по волейболу, Михаил Амалин — мастер спорта по футболу, Виктор Ягодин — по прыжкам с шестом… Можно просто устать, приводя подобные примеры.

Фехтование в СССР всегда было органически, неразрывно связано с другими, самыми разными видами спорта, вместе с ними развивалось, вбирало в себя лучшее из всех методик спортивной тренировки.

ГЛАВА 6
РЕПОРТАЖ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Итак, вернемся в кабину Гостелерадио. Я уже говорил телезрителям, что советские фехтовальщики вышли на помосты Московской олимпиады в ранге лидеров мирового фехтования.

Чем же сегодняшние соревнования отличаются от тех, в которых дрались предыдущие поколения фехтовальщиков? К этому вопросу мы то и дело возвращаемся в нашей комментаторской кабине. Мои коллеги, так же как и я, уже давно не могут отнести себя к поколению нынешнему, поэтому сравнения вполне в нашей компетенции. Александра Забелина и Виктор Жданович — трехкратные олимпийские чемпионы. Шура первой из советских фехтовальщиков стала чемпионкой мира в личном первенстве. Виктор первым завоевал золотую олимпийскую медаль.

Внимательно следим за событиями на дорожках, отмечая то общее, что составляет своеобразие современного фехтования.

Во всех видах оружия борьба складывается так, что решающими оказываются бойцовские качества спортсменов, их умение выложиться до конца.

Мужская рапира. На помосте в числе финалистов — трое лучших рапиристов мира. Александр Романьков — трехкратный чемпион мира, по результатам четырехлетия с ним не может сравниться никто. Француз Паскаль Жолио — совсем молодой спортсмен, успевший, однако, получить на предыдущем чемпионате мира серебряную медаль. Владимир Смирнов — трехкратный чемпион СССР. Все трое близки по классу… и все трое друг другу проигрывают. Смирнов побеждает Романькова, Романьков — Жолио, а Жолио — Смирнова. С равным результатом — по четыре победы — они подходят к концу финала. Между ними назначаются повторные поединки, и они опять проигрывают друг другу! Только наоборот: каждый берет реванш. Драматическая ситуация — судьи подсчитывают разницу между нанесенными и пропущенными уколами. В результате на первом месте оказывается Смирнов, на втором — Жолио, а на третьем — Романьков.

Все трое — опытные мастера. Их не надо было настраивать на решающий поединок. Каждый предельно сосредоточился на преодолении именно того препятствия, на котором споткнулся. И каждый взял барьер. Опытные, закаленные бойцы, они сумели максимально собраться перед боем, который считали самым

ответственным для себя. Ну а на препятствие, которое казалось пониже, отдача потребовалась обычная…

Женская рапира. В финал вышла французская спортсменка Паскаль Тринке. Ее уже знают в фехтовании, но в число сильнейших среди взрослых она еще не попадала ни разу, пока блистала лишь среди юниорок. Оказаться в числе финалисток — бесспорный успех для Тринке. Но на большее не рассчитывали ни ее тренеры, ни самые преданные из ее поклонников, ни даже она сама. Поэтому, когда кончились предварительные поединки, ее не слепил блеск олимпийских медалей. Она просто боролась — в каждой схватке, за каждый бой. Противницы были очень серьезные, и ей хотелось побеждать. Фехтовала она стремительно, смело, темпераментно, с огромной внутренней отдачей. При этом ее поза, движения, боевая стойка далеко не соответствовали фехтовальным канонам, а тем более классическим положениям французской школы. На трибунах студенты института физкультуры даже шутили:

— Да, неважно бы она выглядела во время зачета по специализации!

А французский тренер сказал на пресс-конференции:

— Паскаль еще молода, у нее, конечно, есть и шероховатости. Но, кажется, еще Лев Толстой сказал, что бывают случаи, когда дубина оказывается наиболее эффективным оружием!

Шпага. Швед Иохан Харменберг, бывший чемпионом мира в 1977 году, одерживает четыре победы, и золотая медаль уже почти у него в руках… В пятом бою он проигрывает.

В свою очередь, у его преследователя и земляка, известного шпажиста Эдлинга, в последнем финальном поединке с венгром Кольцонаи та же история. Если он выиграет, то догонит Харменберга, если проиграет, — сможет занять лишь четвертое место, а Кольцонаи получит тогда серебряную медаль. И что же? Кольцонаи побеждает со счетом 5:2, а Эдлингу остается только шутить: «Что ж, на прошлом чемпионате мира я проиграл моему венгерскому сопернику со счетом 1:5. Сейчас, бесспорно, шаг вперед!»

И в сабельном финале не обошлось без вариаций на ту же тему. Михаил Бурцев выигрывает первый поединок у олимпийского чемпиона Монреаля, своего товарища Виктора Кровопускова и вслед за тем подряд одерживает еще три победы.

И вот у Бурцева последний бой. Если ему удастся стать победителем, значит, он будет и олимпийским чемпионом. Но ему попадается «неудобный противник», с которым он всегда дрался очень трудно. Это спортсмен из Венгрии Имре Гедовари, ростом выше 190 сантиметров, левша. Он приехал на Олимпиаду

за золотой медалью, так как победил почти во всех главных международных турнирах олимпийского года, и, естественно, нацелен только на победу.

Но именно поэтому в своих первых финальных боях он был так скован и напряжен, что это отразилось на арсенале его приемов, который и всегда-то был не очень широк, а теперь и вовсе сузился. Очень хотелось выигрывать, а для этого нужно действовать наверняка — и в ход шли только самые безотказные «номера». В результате с ним стало бороться намного проще, хотя он этого и не замечал. К последнему бою с Бурцевым он подошел, имея всего две победы. Все ясно: олимпийским чемпионом ему не быть. А каковы же его реальные шансы? Из протокола Гедовари ясно, что только в случае победы над Бурцевым он сможет получить бронзовую медаль.

Гедовари обозлен до последней степени! Как?! Твердо рассчитывать на первое место и не стать даже третьим? Ну уж нет! Волнения как не бывало. К нему вернулась предельная собранность.

Бурцев упорно борется, противники то и дело сравнивают счет, но побеждает все же Имре Гедовари. Итак, у него третье место, а за первое в дополнительном бою предстоит встретиться вновь Бурцеву с Кровопусковым. Победу одерживает Кровопусков и становится двукратным чемпионом олимпийских игр в личном первенстве. История мирового фехтования на саблях знает всего два примера подобного успеха.

Таких микродрам на олимпийском турнире было даже не десятки — сотни! Вывод напрашивается сам собой: основная тенденция современного спорта высших достижений — высокие требования к психологической устойчивости спортсменов. От фехтовальщиков требуется такая огромная отдача, нацеленность на борьбу, воля к победе и устойчивость к «помехам», что становится совершенно ясно — эти качества нужно не только специально воспитывать, но и постоянно контролировать уровень их проявлений.

Как это ни парадоксально, большой опыт соревнований может иногда сослужить и недобрую службу. То, что пройдет мимо внимания новичка, не взволновав его, никак не затронув просто потому, что он не в состоянии усмотреть опасность, на опытного спортсмена может произвести впечатление крутящейся бомбы с тлеющим фитилем.

Можно было наблюдать, как известный фехтовальщик уверенно ведет в счете. Кажется, вот она — победа, рукой подать! И он начинает ускорять события. Менее опытный, даже уступающий по классу противник счет сравнивает, ну а потом,

когда остается нанести всего один укол или удар, все решает случай. Опыт, который спортсмен не сумел обуздать, оградить рамками самодисциплины, послужил ему во вред. Так было с итальянцем Маффеем, который стал только шестым, с нашим Владимиром Назлымовым, не сумевшим даже попасть в финал.

Тяжелейшая ситуация создалась на Московской олимпиаде для прославленной сабельной команды СССР. В ее состав вошли два первых призера личного первенства — Кровопусков и Бурцев, надежнейшие командные бойцы — Сидяк и Назлымов. И тем не менее саблисты проиграли свой первый матч фехтовальщикам Румынии. Конечно, румынская сборная очень сильна, опытна, на Олимпиаде в Монреале была третьей, проиграв в полуфинале нашей команде всего два удара при равном счете побед. Но что толку утешать себя такими соображениями, когда нависла угроза поражения! К чести наших тренеров, Кузнецова и Ракиты, надо сказать, что они сумели сплотить ряды бойцов, а спортсмены не утратили веру в себя и своих наставников.

А затем было уже все как и ожидали. Победили сильнейшие, и наградой им по праву стали золотые медали, тем более заслуженные и почетные, что для Бурцева это была вторая медаль олимпийского чемпиона, для Назлымова — третья, а для Сидяка и Кровопускова — четвертая! Советские фехтовальщики завоевали в Москве три золотые, две серебряные и две бронзовые медали, в общекомандном зачете они получили 49 очков. Это больше, чем на всех предыдущих играх.

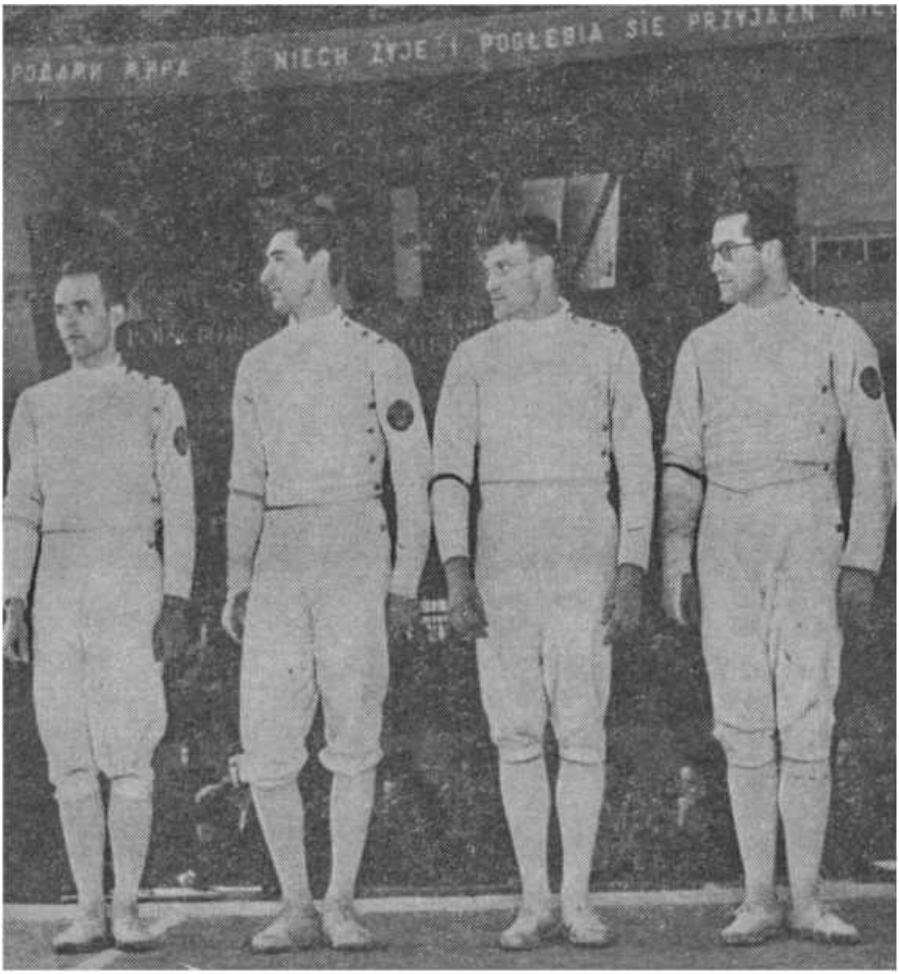
Московская олимпиада закончилась, увенчаны лаврами новые чемпионы, и сегодня они торжествуют. А завтра? Помню, как мне самому пришлось сказать Раките, когда он вернулся с первенства мира:

— Так как ты говоришь? Ты — чемпион мира? Нет, дорогой, ты вчера был чемпионом мира.

И это действительно так. Вчера — победитель, а сегодня снова рядовой армии претендентов. Вечное движение, непрекращающееся обновление — залог молодости спорта. В фехтовании только очень условно можно зафиксировать рекорды и никакая внушительная цифра не породит состояния дремотной успокоенности. Да и найдутся ли среди спортсменов такие, кто потерял бы вкус к борьбе? Вряд ли. Ведь самое интересное — всегда впереди.

Фотоиллюстрации

Чемпионат СССР 1957 г. Командует парадом участников Давид Тышлер.

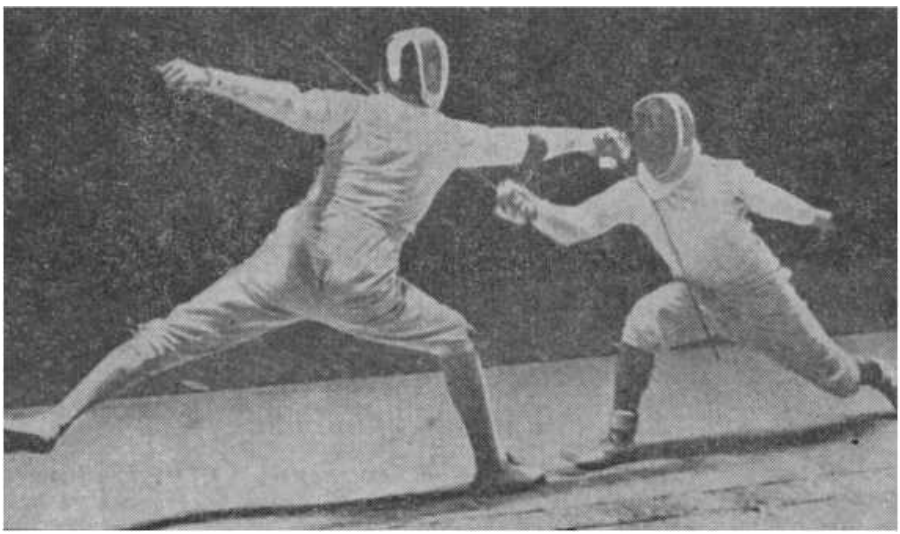


Сборная команда СССР на традиционном международном турнире в Варшаве «Сабля Володыевского». Слева направо: Я. Рыльский, Д. Тышлер, Л. *Кузнецов*, Л. *Лейтман.*

По дороге в олимпийский Мельбурн. Слева направо: Я. Рыльский, А. Богданов, Ю. Ховиков, А. Чернушевич, Д. Тышлер.

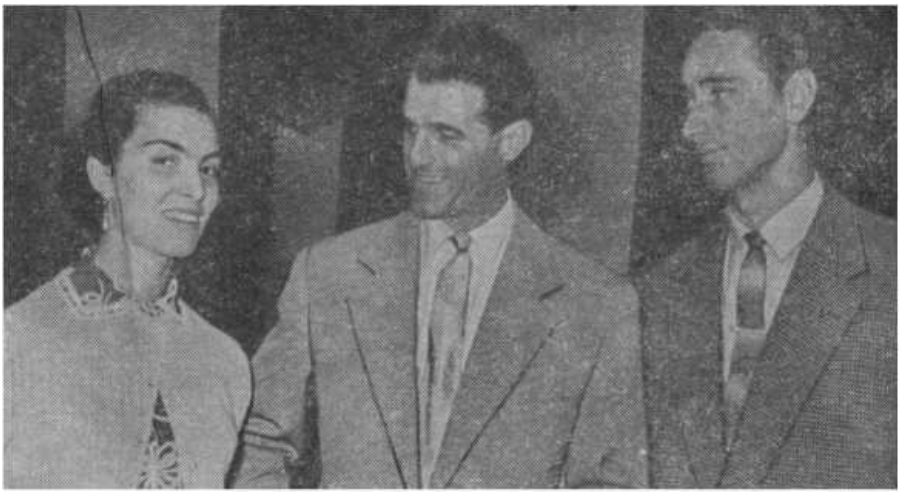
Сборная команда СССР на чемпионате мира в Турине, 1961 г. Слева направо: Е. Череповский, Н. Асатиани, Д. Тышлер, У. Мавлиханов.

Трехкратный чемпион Мира Я. Рыльский.



Поединок за золотую медаль на чемпионате мира в Филадельфии ведут Д. Тышлер (слева) и Я. Рыльский. 1958 г.

Миг победы на чемпионате СССР 1960 г., *одержанной после четырех повторных поединков.*



Выдающийся венгерский фехтовальщик Р. Карпати и Д. Тышлер. В роли переводчицы — жена Тышлера Марина.

Доспехи собраны — впереди финал! Олимпиада в Риме, 1960 г.

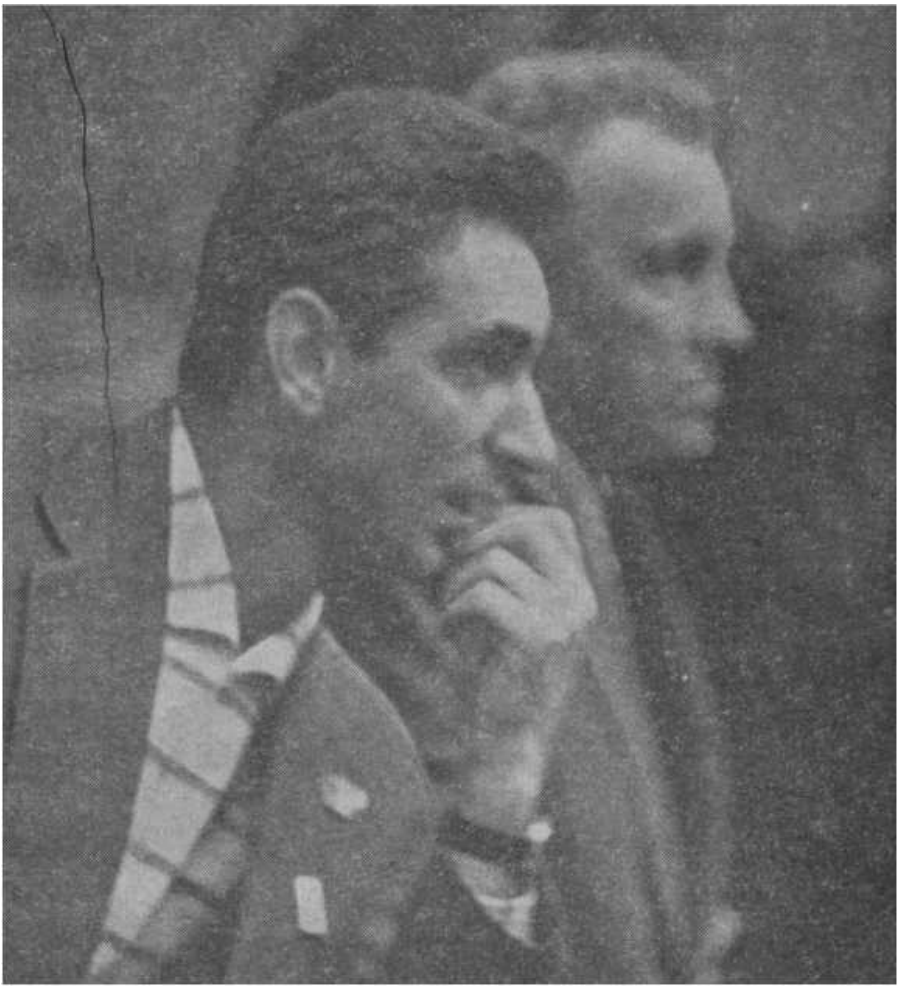
Увлечение отца не может оставить сына равнодушным.

Призвание Геннадия Тышлера тоже фехтовальная педагогика.

Комментируют бои турнира «Московская сабля» С. Покровский и Д. Тышлер.

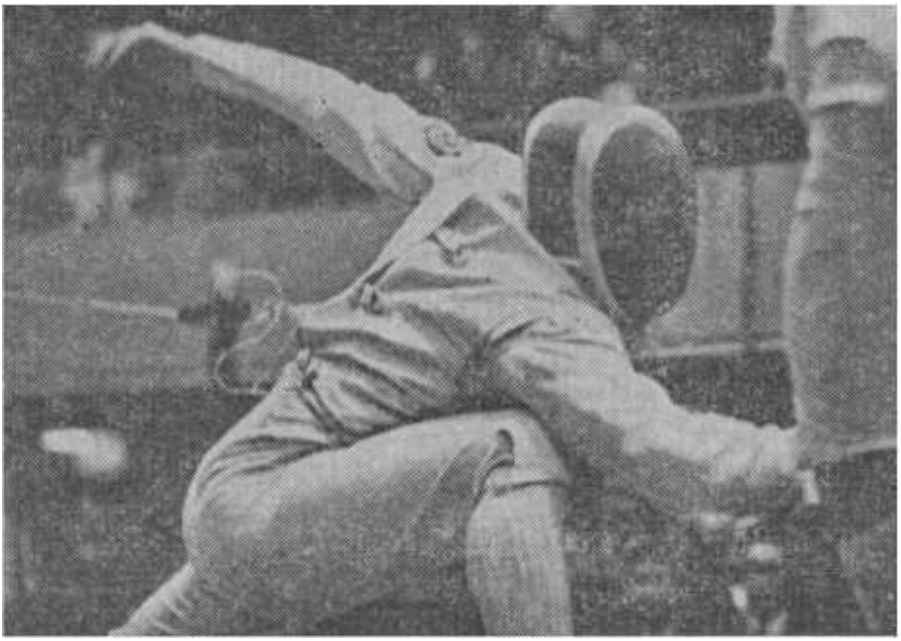
Ученым было что обсудить во время Московской олимпиады. Справа — доктор педагогических наук профессор заслуженный тренер УССР В. Келлер.

Сборная команда РСФСР, многократный чемпион страны, получает указания от тренера. Слева направо: В. Баженов. В. Назлымов, М. *Ракита, У. Мавлиханов.*

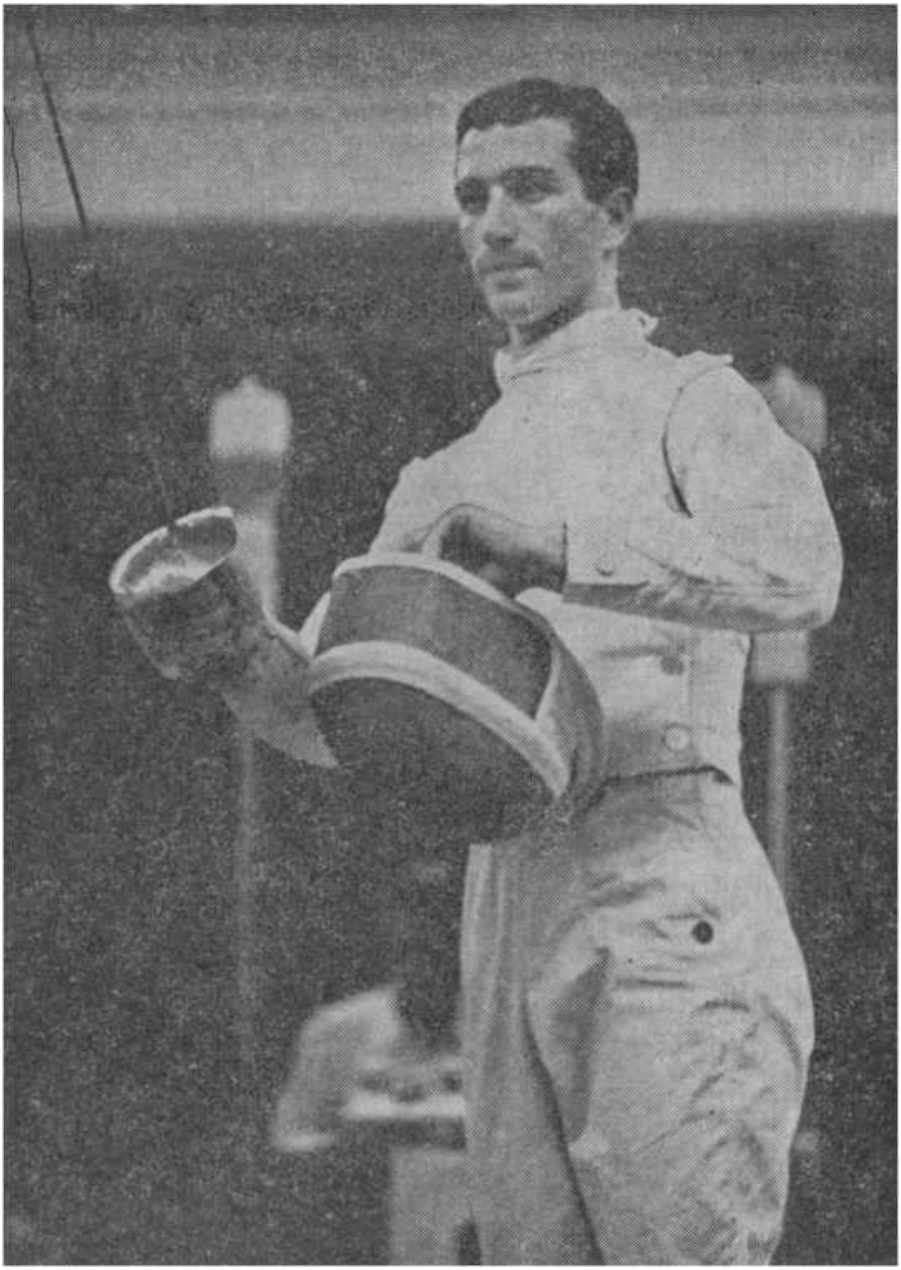


Вместе с учителем — В. А. Аркадьевым.

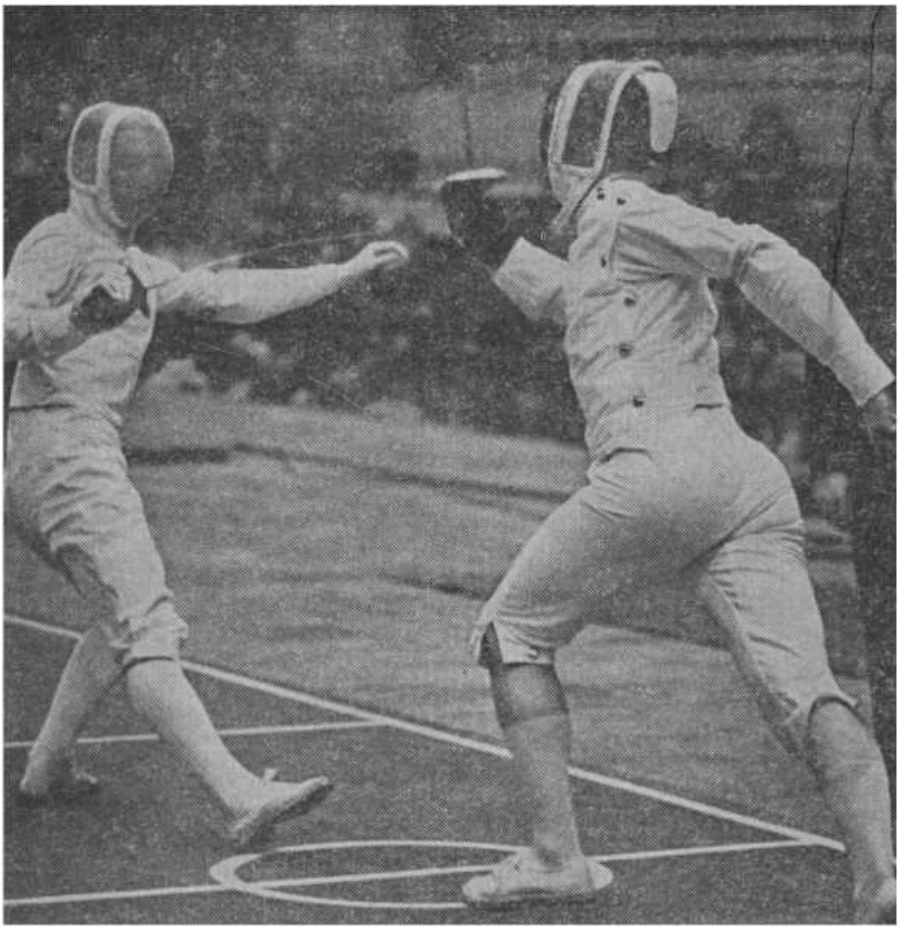
М. Мидлер перед боем. Оружие проверяет заслуженный тренер РСФСР В. Лукоянов.



Атакует М. Мидлер.

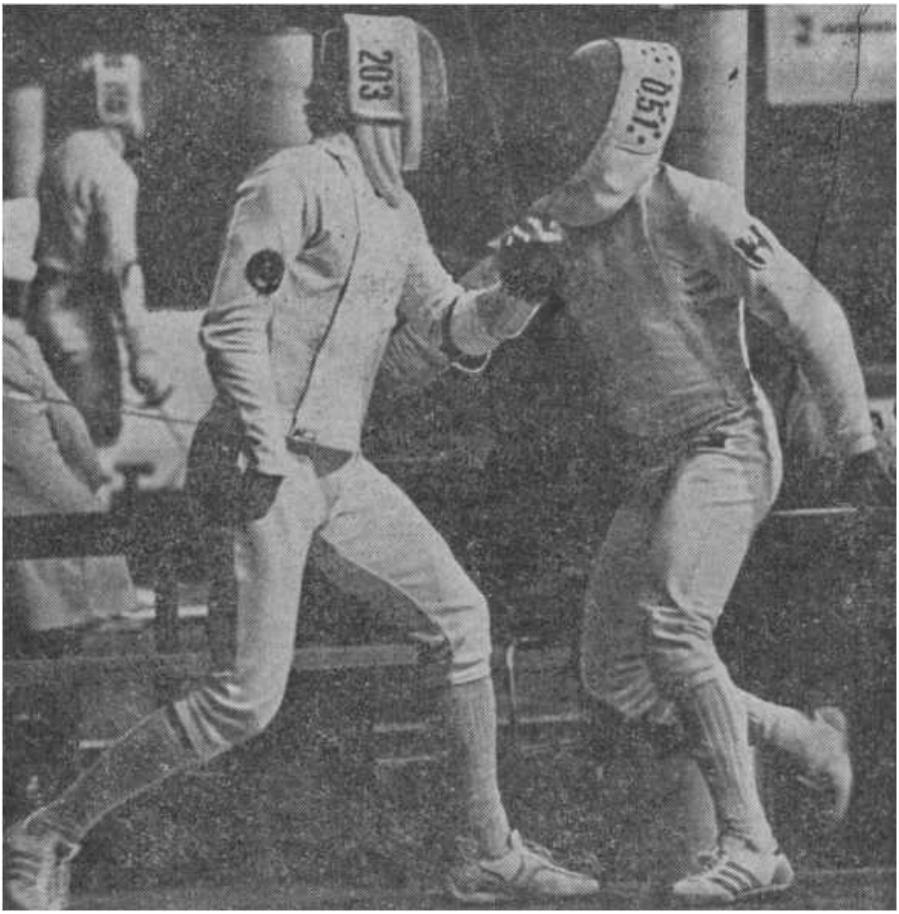


М. Ракита к поединку готов.



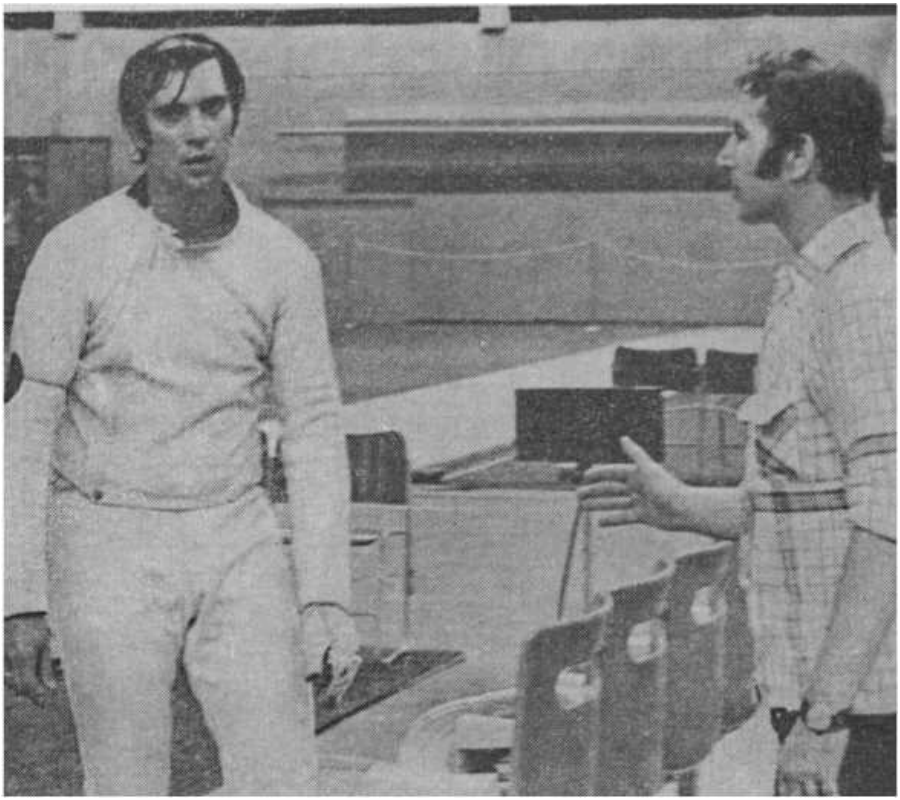
М. Ракита (слева) парирует атаку противника.

В. Сидяк перед решающим боем на чемпионате мира 1969 г. в Гаване.

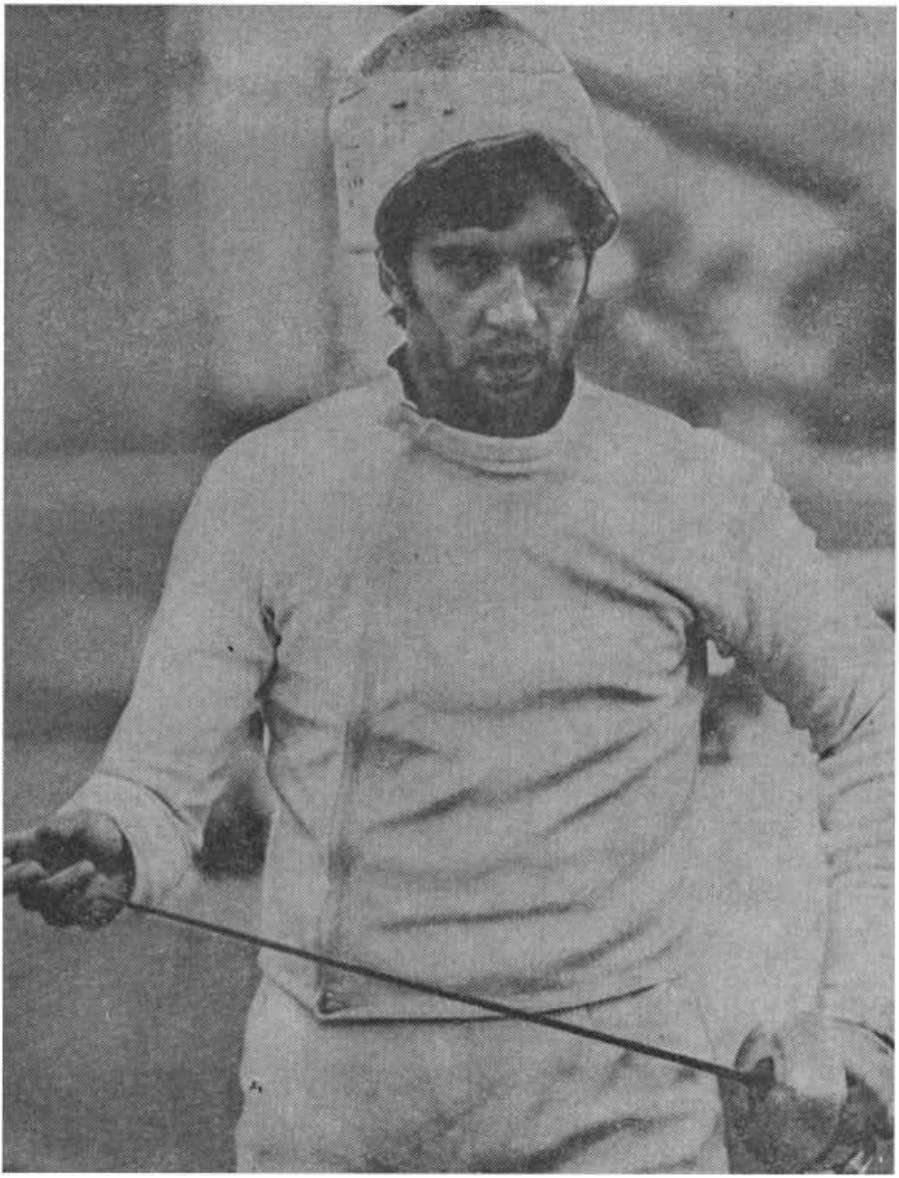


Ближний бой. Слева — В. Сидяк.

Победители трех последних олимпиад В. Сидяк и В. Кровопусков (справа).



Диалог ученика и тренера в перерыве между боями на Московской олимпиаде.



В. Кровопусков настроен победить на Играх XXII Олимпиады.

Атака В. Кровопускова.

В. Баженов — победитель международного турнира.

Сборная команда СССР — победитель турнира «Московская сабля», 1978 г. Слева направо: В. Баженов, А. Илюк, В. Кровопусков и В. Назлымов.

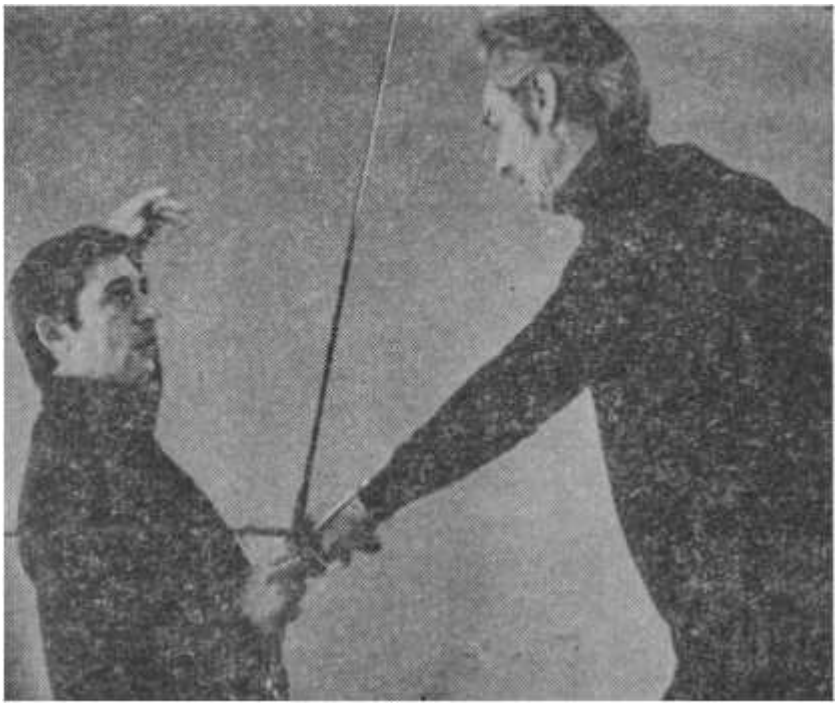
М. Ренский приветствует противника.

П. Ренский рассказывает тренеру о только что закончившемся поединке на чемпионате Дружественных армий, 1977 г.

Команда советских саблистов получает золотые медали на Олимпиаде-80. Слева направо: М. Бурцев, В. Кровопусков, В. Назлымов, В. Сидяк, Н. Алехин.

Церемония награждения победителей турнира «Московская сабля», 1979 г. 1-е место — М. Бурцев, 2-е — В. Кровопусков, 3-е — В. Сидяк.

Съемочная группа батального эпизода художественного фильма «Как царь Петр своего арапа женил». 4-й слева — актер В. Высоцкий. Его противники в кинопоединках — мастера спорта братья Ренские, Т. Колчанова, И. Крутцева, А. Аветисян, В. Киселев и др.



На репетиции народный артист РСФСР И. Кваша.

Эпизод боя гладиаторов из кинодилогии «Нетерпимость». В центре гладиатор Спартак — М. Ренский.

Занятия с иностранными аспирантами, обучающимися в ГЦОЛИФКе.

За рабочим столом на кафедре фехтования ГЦОЛИФКа.

75 к.

Давид Тышлер —
заслуженный мастер спорта СССР.
Многократный чемпион СССР,
призер пяти мировых первенств
и XVI Олимпиады в Мельбурне.
Судья международной категории,
первым из советских
фехтовальщиков получивший
высшее судейское звание.
Заслуженный тренер СССР.
Подготовил группу выдающихся
советских спортсменов.
Кандидат педагогических наук,
автор многих книг, пособий
и учебников по тренировке
фехтовальщиков.
Заведующий кафедрой фехтования
и современного пятиборья
Государственного Центрального
ордена Ленина института
физической культуры.
Заместитель председателя
Федерации фехтования СССР.